

Сибирский архив



Научно-исторический журнал архивных учреждений Сибирского федерального округа

2022 МАРТ

№ 11



**Сохраняя прошлое
для будущего...**



Управление государственной архивной службы
Новосибирской области

Сибирский архив

Новосибирск, 2022. – 92 с.

Председатель редакционного совета, начальник управления государственной архивной службы Новосибирской области **Захаров Константин Владимирович**.

Главный редактор, доктор исторических наук Кокоулин Владислав Геннадьевич.

Заместитель главного редактора, кандидат исторических наук Чернобай Ольга Леонидовна.

Ответственный секретарь Лангер Анастасия Александровна.

Научно-исторический журнал архивных учреждений Сибирского федерального округа «Сибирский архив» – это новые возможности в сфере исследования истории Сибири.

В издании публикуются впервые вводимые в научный оборот источники по отечественной истории, а также статьи по теоретическим и практическим проблемам архивоведения, археографии и источниковедения, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, информация о научных конференциях, семинарах. Основное внимание на страницах журнала уделяется проблемам, актуальным для профессионального сообщества историков и архивистов Сибири и сопредельных территорий.

Целевая аудитория журнала – архивисты, научные работники, преподаватели высших и средних учебных заведений, аспиранты, студенты, краеведы.

Новосибирск
2022

СОДЕРЖАНИЕ

Автушкова А. Л., Кокоулин В. Г., Самарин И. В. ОРГАНИЗАЦИЯ НОВЫХ ВУЗОВ В НОВОСИБИРСКЕ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	7
Голодяев К. А. ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ НОВО-НИКОЛАЕВСКА Golodyaev K.A. Prisoners of war of the First World War on the territory of the Novo-Nikolaevsk	11
Геворкян А. А. «СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ГАЗЕТ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. НА ПРИМЕРЕ «LE FIGARO» И «МОСКОВСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» Gevorkyan A. A. Comparative analysis of the advertising policy of Russian and European newspapers in the late XIX – early XX century	29
Горин С. Г. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ СРЕДИ КАДРОВ И АКТИВА ЗАПСИБКРАЙКОМА И НОВОСИБИРСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ В 1936–1938 гг. Gorin S. G. Political repression among cadres and assets of Zapsibkraikom and Novosibirsk regional committee of the komsomol in 1936–1938	32
Жуковская М. А. К ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ВЬЕТНАМСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПИСЬМА ИЗ ХАНОЯ КОМПОЗИТОРА АСКОЛЬДА МУРОВА (1971–1972 гг.) Zhukovskaya M.A. To the history of Soviet-Vietnamese relations: letters of the composer Askold Murov from Hanoi (1971–1972)	46
Захарова Т. В. РАЗВИТИЕ СФЕРЫ БЫТОВЫХ УСЛУГ В ГОРНОМ АЛТАЕ В ГОДЫ «ОТТЕПЕЛИ»: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ Zaharova T.V. Development of the consumer services' sphere in Gorny Altai during the «thaw» years: achievements and problems	50
Кокоулин В. Г. ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НОВНИКОЛАЕВСКА-НОВОСИБИРСКА В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ Kokoulin V.G. Party organization of Novonikolaevsk-Novosibirsk in the years of the new economic policy	54
Панченко И. А. ПРИЗРЕНИЕ СЕМЕЙСТВ НИЖНИХ ЗАПАСНЫХ ЧИНОВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД РУССКО-КИТАЙСКОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА 1900–1901 ГГ.: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ Panchenko I. A. Social assistance to families of the lower reserve ranks of Tomsk province during the Russian – Chinese armed conflict of 1900–1901. Experience and problems	63

Ростов Н. Д.
ЛАГЕРНЫЕ СБОРЫ УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НАРКОМПРОСА В РЕГИОНАХ СИБИРИ В ЛЕТНИЙ ПЕРИОД 1943 г.
 Rostov N. D.
Camp fees of students of secondary educational institutions of the people's commissariat of education in the regions of Siberia in the summer of 1943 67

Сушко А. В., Рыжих Н. Д.
«ОПЫТ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ГОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1942–1945 ГГ.): ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОКУМЕНТА, ПОДГОТОВЛЕННОГО ПОЛИТОТДЕЛОМ 65-Й ГВАРДЕЙСКОЙ РИЖСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
 Sushko A.V., Ryzhikh N.D.
«The experience of party political work during the Patriotic War (1942–1945)»: source study analysis of the document prepared by the political department of the 65th Guards Riga Rifle Division 71

Шиловский Д. М., Шиловский М. В.
НОВНИКОЛАЕВСК: ПРОТОГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ (НАЧАЛО XVIII – НАЧАЛО XXI в.)
 Shilovskiy D.M., Shilovskiy M.V.
Novonikolaevsk: protourban settlements in the early XVIII – early XXI century 76

Выдрина О.В.
РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ. ОБЗОР
 Vydrina O.V.
Revision tales in the funds of the State Archives Novosibirsk region. Review 80

Прецер Д. В.
ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ, КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ КООПЕРАЦИИ НАЧАЛА 20 ВЕКА
 Precer D. V.
Documents of the State Archive of the Novosibirsk region, as a source for the study of the history of Siberian cooperation of the early 20th century 83

Блинова О.В., Стельмак М.М.
ОТ ПРИМЕТ ВРЕМЕНИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Д. И. ПЕТИНА «ИСТОРИЯ ОМСКОГО РОДА БАТЮШКИНЫХ»
 Blinova O.V., Stelmak M.M.
From omens of time to historial memory: review on the monograph of D. I. Petin «History of the Omsk family Batyushkin» 86

Шматов М. Ю.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АРИСТОВ Ю.С., ГОРИН С.Г. ЛИДЕРЫ КОМСОМОЛА: ОТ ВСПЛЕСКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ СТИХИИ К КРУШЕНИЮ СОЮЗА: СИБИРСКИЕ СОБЫТИЯ, ЛИЦА, ФАКТЫ (Новосибирск: ГАУК НСО НГОНБ, 2019. 221 с.)
 Shmatov M.Yu.
Review of: Aristov Yu.S., Gorin S.G. Lyideri komsomola: ot vsplyeska revolutsionnoy stikhii k krusheniy soyuza: sibirskiye sobitiya, litsa, fakti [Leaders of the Komsomol: from the outbreak of the revolutionary element to the collapse of the union: Siberian events, faces, facts]. Novosibirsk, GAUK NSO NGONB, 2019. 221 p. 93

ВЫСТАВКА «ОКО ГОСУДАРЕВО» В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ 98

ОРГАНИЗАЦИЯ НОВЫХ ВУЗОВ В НОВОСИБИРСКЕ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Автушкова Александра Леонидовна – научный сотрудник,
 e-mail: alinanet913@gmail.com
 Новосибирский государственный краеведческий музей
 РФ, 630099, г. Новосибирск, Красный проспект, 23

Кокоулин Владислав Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор Академии военных наук, эксперт РАН,
 e-mail: kwladislaw@yandex.ru
 Сибирский университет потребительской кооперации
 РФ, 630087, г. Новосибирск, пр-т Маркса, 26.

Самарин Игорь Валерьевич – археолог I категории Государственного архива Новосибирской области,
 e-mail: ingvar1985@ngs.ru
 Государственный архив Новосибирской области, РФ, 630007, г. Новосибирск, 16.

Постановление Сибревкома, сентябрь 1925 г. (проект)

Отмечая наличие положительных явлений в учебной жизни вузов в этом году по сравнению с прошлым академическим годом, выразившихся: а) в частичном улучшении положения научных работников; б) повышении успеваемости учащихся вуз; в) дальнейшем передвижении реформы вуз; г) в улучшении социального состава учащихся вуз; Сибирский революционный комитет вместе с тем констатирует, что отпускаемые кредиты были далеко недостаточны для обслуживания учебных и хозяйственно-операционных расходов, что эти кредиты распределялись неравномерно между отдельными вузами, что в распределении производственной практики не было достаточной согласованности центра и мест, что распределение оканчивающих вуз идёт бессистемно и без учёта потребностей в квалифицированной силе Края, что материальное положение учащихся всё ещё остаётся крайне тяжёлым и постановляет:

1) Обратить внимание Наркомпроса на недостаточность отпускаемых учебных и хозяйственно-операционных кредитов, особо отмечая слабое материальное обслуживание сельскохозяйственных вузов,

В 1921 г. Новониколаевск стал «столицей Сибири»: в город из Омска переместились административные органы управления Сибревкома – высшего сибирского органа управления. Весь период нэпа Новониколаевск-Новосибирск оставался по сути лишь административной «столицей Сибири». Промышленной, культурной, научной и образовательной «столицей» он стал только в 1930-е гг.

Однако уже в годы новой экономической политики предпринимались попытки организации в Новосибирске не только научного и культурного центра, но и образовательного, связанного с организацией в городе вуза, который должен был способствовать подготовке необходимых кадров для промышленности, транспорта и административного аппарата. Оживлённая дискуссия о создании вуза

имеющих для хозяйственной жизни Сибири большое значение.

2) Имея ввиду, что большинство вузов Сибири новых и недостаточно оборудованных, обратить внимание Наркомпроса на необходимость особых ассигнований на оборудование вузов учебно-вспомогательными учреждениями, а также и кредитов на постройку для учебно-вспомогательных учреждений новых помещений, поддержав одновременно с этим ходатайство Иркутского губисполкома об отпуске специальных средств на постройку принадлежащих Иркутскому университету зданий. Омского губисполкома – об отпуске на постройку зданий Сибинститута.

3) Обратить внимание Наркомпроса на необходимость учёта изменившегося классового состава учащихся вузов и увеличения для Сибири числа госстипендий.

4) Учитывая всё ещё большой недокомплект научных сил в вузах Сибири возбудить вопрос перед Центром об увеличении специальной прибавки для научных работников Сибири, имея ввиду постановление Центра о привилегиях службы научных работников на окраинах.

5) Просить Наркомпрос упорядочить вопрос о распределении мест производ-

в Новосибирске развернулась как в «Обществе изучения Сибири и её производительных сил», так и на страницах «Советской Сибири». Хотя предлагалось организовать в Новосибирске СИИТ – Сибирский институт инженеров транспорта, но в итоге было решено организовать Институт народного хозяйства, который стал первым вузом в быстро растущем городе.

В фонде Р-217 «Общество изучения Сибири и её производительных сил» сохранилось несколько документов, посвящённых обсуждению идеи создания вуза в Новосибирске. Эти документы дополняют статьи, опубликованные в газете «Советская Сибирь».

Документы приведены в орфографии и пунктуации оригинала, исправлены только очевидные опечатки. Исправления, сделанные поверх машинописного текста, приведены в квадратных скобках.

ственной практики путём согласованности Центра с местами, а при распределении оканчивающих вузы иметь ввиду потребность Сибири в квалифицированной силе. б) В связи с районированием Сибири считать необходимым увязать с Краевым Центром работу всех научных учреждений и организаций Сибири. Предложить Сибнаробразу приступить к практическому проведению в жизнь этого постановления.

ГАНО. Ф. Р-217, оп.1, д. 6, л. 11, 11об. Машинопись

Примечание карандашом:

«Признать, что для успешного развития железнодорожного и других видов транспорта в Сибири в ближайшем будущем необходимо организовать «Сибирский институт инженеров транспорта» с факультетами: а) железнодорожный (строительный и эксплуатационный), б) водный (гидротехнический), в) механический (тяговой), г) электротехнический. Просить сибирские краевые организации поддержать эту идею и помочь сибирскому транспорту провести в жизнь [это. – зачёркнуто, сверху подписано «вынесенное»] вынесенное постановление». 28 сентября.

ГАНО. Ф. Р-217, оп. 1, д. 6, л. 12. Ручка черным карандашом

Телеграмма А.Б. Халатову,
сентябрь 1925 г.

ЦЧ тов. Халатову 1

[Слушали:] О желательности организации [в Новониколаевске. – зачёркнуто] Сибирского Института инженеров транспорта.

[Постановили:] 27 сентября 1925 г. при управлении Уполнаркомпути по Сибири состоялось тожественное заседание по поводу столетия железных дорог [России. – зачёркнуто] СССР. Приняли участие в этом заседании, кроме сотрудников Уполнаркомпути, трудящиеся транспорта Ново-Николаевского узла и представители от государственных, политических, профессиональных и хозяйственных организаций Сибири

**ГАНУ. Ф. Р-217, оп. 1, д. 6, л. 13.
Рукопись красным карандашом**

Из протокола Первого
краевого научно-исследовательского съезда
в Новосибирске
(15 – 22 декабря 1926 г.)

[Слушали:] Выступление проф. Н.Д. Тяпкина на пленуме в прениях по докладом А.Я. Голышева и проф. Н.В. Гутковского (стенограмма)

Несмотря на жёсткое и определённое указание А.Я. Голышева в его докладе не недостаток средств и невозможность открытия новой высшей школы, а также обстоятельное и правдивое описание проф. Н.В. Гутковским имеющихся трудностей в обеспечении высших учебных заведений Сибири как педагогическим и профессорским персоналом, так и учебно-вспомогательными учреждениями, – я всё-таки беру на себя смелость обратить внимание съезда на нужды сибирского транспорта.

Все виды Сибирского транспорта – железнодорожный, водный (водопути и госпароходства) и местный – далеко не удовлетворены техническими силами не только большого опыта и практики, но и молодыми, подготовленными в достаточной степени. Мне лично, по должности старшего инспектора при Уполнаркомпути по Сибири, пришлось многократно в этом убеждаться.

Для того, чтобы транспорт был обслужен полностью, необходимо создать в Сибири Институт инженеров транспорта по типу существующих. Другие высшие учебные заведения Сибири не уменьшат своих выпусков, так как потребность в подготовленных

техниках с высшим образованием в дальнейшем, с развитием экономической жизни Сибкрая, может только увеличиваться. Приходится отметить в данное время если не полное отсутствие, то чрезвычайно большой недостаток в инженерных работниках в Горкомхозах, РИК'ах, Окрпланах, Окрисполкомах; много технических сил потребуют работы по подготовке колонизационного фонда, устройству переселенческих дорог и т.д.

Транспортных институтов на весь СССР только два. Потребность в таких учебных заведениях существовала давно (1910 – 1917 гг.): Особым совещанием при Министре путей сообщения было намечено открыть два института: один – на юге Европейской России, другой – в Сибири. В настоящее время на Украине вопрос об открытии Института инженеров транспорта уже поставлен на очередь и по-видимому близкое его положительное разрешение обеспечено. Необходимо и Сибири, менее обслуженной высшими техническими школами, не отставать от Украины.

Институт инженеров транспорта властно требует себе места в Сибири и, конечно, в центре его экономической и хозяйственной жизни – в Новосибирске. Здесь, благодаря краевым учреждениям, имеется и преподавательский кадр для Института: по предметам общим можно пользоваться и профессорскими силами из Томска и Омска по примеру Киева и Варшавы, Москвы и Ленинграда, Москвы – Иваново-Вознесенска, Москвы – Нижнего Новгорода, когда профессоры переезжали не только по одному, но и группами в отдельных вагонах из одного города в другой. Надо полагать, что и в этом случае НКПС окажет полное содействие.

Примером может служить создание Московского инженерного училища (ныне Институт инженеров транспорта), которое прошло при чрезвычайно тяжёлых условиях, но зато образно полученные из железнодорожного фонда средства в очень ограниченных размерах, когда об учебно-вспомогательных учреждениях приходилось думать только в далёком будущем. Преподавательский состав, конечно, должен был много работать, но зато и прекрасные результаты налицо.

Пусть же Новосибирский институт инженеров транспорта не только не отстанет от Московского, но по успехам своим превзойдёт его.

**Проф. Н.Д. Тяпкин,
25 января 1927 г.
ГАНУ. Ф. Р-217,
оп. 1, д. 6, л. 20, 21**

«Новый вуз должен быть
в Новосибирске»
(выкопировки из газеты
«Советская Сибирь». 1927.
№№ 109, 119 и 120)

Нужды Сибирского края в высококвалифицированных работниках во всех важнейших отраслях хозяйства настолько очевидны, что, казалось бы, не требовали бы ни доказательств, ни напоминаний. Приходится отметить в данное время большой недостаток, а часто и полное отсутствие таковых в горкомхозах, РИКах, окрпланах, окрисполкомах, даже в краевых учреждениях. Все виды сибирского транспорта – железнодорожный, водный (Водопути и Госпароходство) и местный (колёсные дороги) – далеко не удовлетворены даже техническими силами.

Индустриализация Сибирского края, транспортное (всех видов) строительство, усиление транспортных перевозок, предстоящее в широких размерах развитие лесной промышленности (эксплуатация и разработка лесных массивов, обработка и химическая переработка лесных материалов, постройка соответствующих фабрик и заводов), подготовка значительного колонизационного фонда, устройство переселенческих дорог и т.д. – потребуют не только усиления подготовки и увеличения и выпусков из имеющихся вузов, втузов, но и открытия новых высших учебных заведений.

Существующие сибирские вузы, втузы со всеми факультетами и отделениями ни в коем случае не должны как-либо сокращаться и отпускаемые на них кредиты уменьшаться, – с развитием экономической жизни Сибкрая потребность в подготовленных квалифицированных работниках может только увеличиваться.

27 сентября 1925 г. на торжественном (по поводу столетия железных дорог) заседании при управлении Уполнаркомпути по Сибири докладом намечалась необходимость открытия в ближайшем будущем трёх новых высших учебных заведений: Сибирского института инженеров транспорта (по типу такого института в Москве), Сибирского института народного хозяйства (по типу такого же института в Москве) и Сибирского лесного института (по типу такого же института в Ленинграде).

НВ. Предложением зауполнаркомпути и постановлением признано необходимым в ближайшем будущем организовать в Новониколаевске (Новосибирске) Сибирский институт инженеров транспорта (СИИТ), как могущий удовлетворить самые насущные

нужды транспорта, с просьбой ко всем сибирским краевым организациям о поддержании этой идеи и помощи в проведении в жизнь вынесенного постановления.

Место для всех этих трёх высших учебных заведений намечалось в Новониколаевске (ныне Новосибирск), «как в центре Сибирского края, в будущей краевой столице, в развивающемся с неудержимой силой железнодорожно-водном узле».

На пленуме первого краевого научно-исследовательского съезда в Новосибирске (15 – 22 декабря 1926 г.) из двух предложенных для Сибкрая новых высших учебных заведений (Института народного хозяйства – предложение А.Я. Голышева и Института инженеров транспорта – предложение Н.Д. Тяпкина) принят почти единогласно Сибирский институт народного хозяйства к учреждению в ближайшем же время.

Место для этого нового института определено постановлением пленума съезда – «Новый вуз должен быть в Новосибирске». Это постановление как выявившееся после продолжительного и горячего обсуждения, поставлено заголовком настоящей статьи.

Основания такого выбора приведены с исчерпывающей полнотой (смотри постановление пленума съезда, а также статьи в № 109, 119 и 120 «Советской Сибири») и никаких сомнений или колебаний в сделанном выборе места для нового вуза в дальнейшем быть не должно.

Со своей стороны, считал бы, что в текущем году, к десятилетию «Октября», не только должно быть получено начало организации социально-экономического вуза, но и начата учебная деятельность первого курса экономического факультета в предстоящем 1927/28 учебном году. Откладывать до 1928/29 учебного года начало занятий не следовало бы, так как нет надобности для этого иметь своё здание и своё полное оборудование – можно воспользоваться для первого года временным, наёмным, помещением и учебно-практическими предметами, имеющимися в соответствующих учреждениях Новосибирска и других существующих учебных заведений.

Вместе с вышеизложенным позволяю себе высказать пожелание, чтобы в недалёком будущем, в связи конечно не только с потребностями, но и со средствами, стоящие на очереди втузы – Сибирский институт инженеров транспорта и Сибирский лесной институт – были открыты в Новосибирске.

Проф. Н.Д. Тяпкин.

31 мая 1927 г.

Сдано лично на квартире

Т.И. Черемных 31 мая.

Н.Т. ГАНУ. Ф. Р-217, оп. 1, д. 6, л. 47 – 53.

Рукопись синими чернилами.

Выписка из протокола
№ 29-107 заседания
президиума Сибирского
краевого исполнительного
комитета Советов 2-го
созыва Новосибирск,
13 июля 1927 г.

Слушали:

Об открытии Института народного хозяйства (доклад СибОНО).

Постановили:

Констатируя значительную небеспеченность сибирского хозяйства специалистами экономистами высшей квалификации, совершенно недостаточную пропускную способность фактической сети вузов края в области социально-экономического образования и ставя перед собой как первостепенную задачу советского строительства, создание нового кадра организаторов и руководителей народного хозяйства, Сибкрайисполком постановляет:

1) возбудить ходатайство перед Совнаркомом РСФСР об открытии на территории Сибирского края нового социально-экономического вуза типа Института народного хозяйства;

2) обратиться ко всем государственным, хозяйственным и кооперативным и общественным организациям о представлении ими в двухнедельный срок в Сибкрайисполком своих соображений относительно объёма, характера и порядка помощи вновь организуемому учреждению;

3) считать необходимым повести подготовительную работу по созданию названного Института была произведена ко дню 10-й годовщины Октябрьской революции. Считать необходимым присвоить открываемому Институту народного хозяйства наименования Сибирский институт народного хозяйства имени Октябрьской революции;

4) необходимые подготовительные мероприятия по организации и открытию Института возложить на комиссию под председательством Поволоцкого в составе представителей СКИК, Крайплана, КрайОНО, кооперативных организаций, ректоров СТИ Гутковского, ИГУ Бушмакина, Сибирского сельскохозяйственного института Грибанова, общества изучения производительных сил Сибири, крайсовпроф и союза Рабпрос;

5) имея ввиду, что наиболее успешное развитие социально-экономического вуза, готовящего экономистов-организаторов будет обеспечено лишь в случае устройства его в центре социалистической, хозяйственной и культурной жизни края, определить местом нахождения проектируемого Института народного хозяйства город Новосибирск.

ГАНУ. Ф. Р-217, оп. 1, д. 6, л. 54, 54об.

машинописная копия

Из статьи М. Зайцева
«Новосибирску нужен вуз
(Ставим этот вопрос
на широком обсуждение)»,
май 1927 г.

Высшее учебное заведение специального типа в Новосибирске как центре края необходимо. Это диктуется следующими соображениями.

Хозяйство Сибкрая, развиваясь, переходит из восстановительного периода к реконструкции, обязательным элементом которой является подготовка необходимых кадров научных и квалифицированных работников и научно-исследовательская работа.

Сибкрай, в общем оформившийся и окрепший, как целостная экономическая и административная единица, теперь особенно нуждается в плановом руководстве из краевого центра, основанном на прочной не только политической, но и научной базе.

Сугубая культурная отсталость Сибири, тяга к знаниям рабоче-крестьянских масс, «советская молодость» Сибири (с Колчаком покончено в 20 г.) – обязывают нас усиленным темпом внедрять культуру и знания в широкие массы населения.

И, наконец, существующие в Сибири вузы не могут полностью удовлетворить назревшие потребности края. Все они не в Новосибирске, большинство – иного типа; хозяйственно-правовой факультет Иркутского университета не охватывает подготовку работников важнейших отраслей хозяйства.

Таковы решающие доводы за необходимость организации социально-экономического вуза в Новосибирске.

Какой вуз?

Намечаемый вуз должен быть организован по типу социально-экономических вузов (ИНХ имени Плеханова в Москве, имени Энгельса в Ленинграде), как Сибирский институт народного хозяйства в составе двух факультетов – экономического и промышленно-технологического.

Экономический факультет конструируется в составе следующих 6 отделений: организационно-хозяйственное, финансовое, кооперативное, товароведно-торговое, статистики, правовое. Пропускная способность факультета – 600 учащихся. Промышленно-технологический факультет в составе 2 отделений: химическое, электро-промышленное. Пропускная способность факультета – 300 человек.

Этот институт народного хозяйства должен обслуживать район, установленный Наркомпросом для всех сибирских вузов, т.е. территорию Сибкрая и автономных социалистических республик – Киргизской,

Казакской, Бурято-Монгольской и Якутской.

В связи с такой организацией Института народного хозяйства в Новосибирске необходимо выделить из Иркутского университета хозяйственно-правовой факультет и перевести его в ИНХ (попутно учитывается возможность создания при Иркутском университете агрофакультета).

Институт имени Октябрьской революции.

При ускоренном темпе всей работы по организации Института и при солидных вложениях можно обсуждать такой вариант, – понятно как ориентировочный.

Экономический факультет открывается (1-й курс) в 1928 г., полное развёртывание его начинается в 1931 г. Промышленно-технологический факультет открывается в 1931 г.

Этот вариант предполагает такой порядок работ: помещения строятся 5 лет по 1931 г. (расход – 2,5 млн руб.) оборудование идёт параллельно (1 млн руб.). Дооборудование вуза падает на второе пятилетие (1,5 млн руб.).

Таким образом, общая сумма затрат ориентировочно по нормам Наркомпроса определяется в 5 млн руб (на постройку зданий вуза и обслуживающих помещений на 1 000 учащихся с объёмом 10 тыс. куб. саженей).

Средства привлекаются из общегосударственных источников и от местных организаций (Крайисполком, краевые хозяйственные и кооперативные организации) плюс помощь обслуживаемых вузом республик.

Подготовительная работа по открытию Института должна быть начата немедленно с расчётом заложить здание к 10-летию Октябрьской революции. Отсюда можно вуз назвать Сибирским институтом народного хозяйства имени Октябрьской революции.

На широкое обсуждение.

Организация вуза – важнейший вопрос общественной жизни Сибири (и не только Сибири!). В нём заинтересованы широкие массы рабочих и крестьян (особенно молодёжь), партийные, советские, хозяйственные, кооперативные и культурные организации, широкие круги научных, культурных и пр. работников.

Вуз в Новосибирске – как научно-учебное учреждение с высококвалифицированными силами будет содействовать объединению научных сил края, укреплению и расширению актива работников-специалистов краевых организаций; явится для Сибири в известной степени базой научно-исследовательской работы в области социально-экономических проблем и промышленной технологии; может بازвернуть работу по изучению естественных богатств края и внесёт значительную культуру-

ную струю в жизнь краевого центра.

Поэтому выявить советское общественное мнение по этому вопросу следует. В частности, полезно было бы высказаться нашим научным работникам. Надо надеяться, что редакция «Советской Сибири» предоставит для этого необходимое место

Советская Сибирь (Новосибирск). 1927. 15 мая

Из статьи М. Карагасса «Новосибирску нужен вуз. Иркутский хозправфак следует перевести в Новосибирск (в порядке предложения)», май 1927 г.

В № 109 «Советской Сибири» тов. зайцев поднял очень важный для Сибири вопрос об открытии высшего учебного заведения в Новосибирске.

Думается, что даже в ближайшие год-два в связи с ростом сельского хозяйства и индустриализацией нам пришлось бы поставить вопрос о переводе высших учебных заведений Сибири к определённой территориальному принципу.

Было бы, например, вполне целесообразным в Омске сосредоточить сельскохозяйственное образование. То есть предоставить западным округам Сибири с более развитым сельским хозяйством то, что им требуется больше всего – работников для обслуживания деревни, агрономов, ветврачей и пр. Это, конечно, ни в коем случае не означало бы отрыв «Сибакки» от всей Сибири. Напротив, концентрация научных сил должна бы усилить этот штаб сельскохозяйственной учёбы, раздвинуть рамки для обслуживания соседних автономных республик.

В Томске технологический институт обладает хорошим оборудованием и подбором научных сил. То же самое с томским медфаком. Город, по нашему мнению, должен остаться с прежним составом вузов. Здесь для студенчества значительно легче жизнь, чем в других городах, здесь больше возможностей для профессуры вести научную деятельность. Отсутствие жилищного кризиса, наличие богатых библиотек, кабинетов.

Самый молодой – иркутский вуз. В течение ряда лет он проводил неуклонную борьбу за своё существование. Не раз в центре поднимался вопрос о частичной его ликвидации. Достаточно сказать, что в 1923 – 24 учебном году в Москве на специальном совещании при Наркомпросе декан иркутского хозправфака проф. Манис увидел в проектах красную черту, проведённую через рубрику «Иркутский хозправфак» (тогда ещё ФОН). В то время много шумели. Хозправфак удалось (не в пример Томску, где его закрыли ещё раньше)

отстоять. Чем тогда козыряли? Хозправфак перестроился как факультет с резким краеведческим уклоном. Факультет возьмёт курс на подготовку работников местного хозяйства, общественных работников (юристов тоже). Поддержка ожидалась от окраинных автономных республик. Факультет отстояли, хотя большой поддержки и не видно. Напрягали силы. Понемногу стали переходить на семинарский метод работы. Но для этого нет оставленных кабинетов, необходимых пособий.

В общем при теперешних условиях хозправфак ещё не имеет под собой твёрдой почвы, недостаточно обеспечен научными силами, а ведь он единственный в Сибири. Значит, нужно, как будто, всерьёз задуматься над его судьбой. Нам кажется, выход можно найти в переводе факультета в Новосибирск. Здесь, пополнив факультет научными силами, хотя бы теми, на которые рассчитывает Томск при открытии у себя совершенно не нужного ему социально-экономического факультета.

Хозправфак, переведённый в Новосибирск, и реорганизованный в Институт права и местного хозяйства (уклон сибирский), только здесь в нашем политическом и торговом центре расправит свои силы. Только здесь он станет дополнительным вузом по подготовке тех отраслей специалистов, экономистов, работников торгового дела и местного хозяйства, юристов, пушников, которые нужны Сибири.

Только здесь в Новосибирске хозправфак пополнит свои кабинеты. Наконец, здесь в политическом центре края к нему приедут профессора – научные работники, которые сейчас не хотят ехать в Иркутск. Не хотят, считая, что там они будут менее обставлены, чем в других университетских городах. А в Новосибирске – широкое поле для совместительств (то, о чём горюют наши учёные) в хозяйственных органах. Хозяйственные органы сибцентра неоспоримо много выигрывают от этого. Но это совершенно иная тема – тема о значении вуза. Конкретно, чем скорее будет вуз в Новосибирске, тем лучше. Этого настоятельно требуют наше хозяйство, торговля, промышленность. На подмогу должен прийти Иркутск. Пускай иркутяне не обижаются за «развенчанность». Иркутск остаётся с университетом. Там будет педфак, играющий важную роль для подготовки педагогических работников, в которых особенно нуждаются восточные округа Сибири, и, наконец, медфак, играющий менее важную роль в сибирском масштабе (Иркутск вместе с Омском дают в год 200 врачей, а Томск – 320).

Иркутский хозправфак, переживший свои рахитические годы, окрепнет только в Новосибирске

Советская Сибирь (Новосибирск). 1927. 27 мая

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ НОВО–НИКОЛАЕВСКА

Prisoners of war of the First World War on the territory of the Novo–Nikolaevsk

«Мысли тех, кто попал в плен и думал, что преодолеет ужасы войны, больше не живут; они нашли свое последнее пристанище на равнинах Сибири».¹

В 1914-м году в Ново-Николаевске возникла необходимость постройки нового типа мест заключения. Это были не исправительные учреждения, в них попадали не по приговору суда. Это концентрационные лагеря для военнопленных. Личные составы наших, ново-николаевских лагерей исчезли (скорее всего, были просто сожжены), но сохранились документы об их устройстве и воспоминания очевидцев.

Многие военнопленные, вернувшись домой, написали обширные мемуары о времени, проведенном в России, целые романтические, географические описания мест по которым они проезжали от начальной станции до Владивостока.

Венгерский коммунист Мохос Михай пишет: «Сибирь. Суровая страна. Бескрайние леса, горы за ними. На севере, величественная Владыка Сибири - тайга, человек не ходил по древним ландшафтам, полным сокровищ, угля, железной руды, целого множества разноцветных руд, золота и железнодорожная линия, пересекающая Азию <...> Обь течет под Новосибирском, откуда-то с далекого Алтая устремляется на север, навстречу ледяным морям. Но это романтика, она не подходит к жизни заключенного, а тем более красноармейца, на которого оскалили зубы рычащие собаки — белые казаки, английская, американская, французская, японская буржуазия».²

Наши лагеря вошли в историю не добрым словом. Андреас Петер Мёллер, бывший военнопленным в нашем городе, бывший военнопленным в нашем городе, пишет в статье «Судьба военнопленных. Город Мертвых. Тот одинокий крест»: «Ново-Николаевск, у всех, кто побывал в российском плену, это название вызывает поток мрачных воспоминаний. Здесь был большой лагерь для военнопленных. Здесь

в наихудших санитарных условиях скопилось тысячи заключенных».³

Юджин Бодо: «Ново-Николаевском мы были напуганы еще по дороге. У города была плохая репутация. Уже тогда, когда в октябре 1915 года нас перевезли сюда, мы увидели в неприветливой пойме Оби пресловутые бараки смерти, в которых в начале войны тысячи наших товарищей по заключению умерли от брюшного тифа».⁴

Ещё одно свидетельство, написанное под коллекционной почтовой карточкой австрийского военнопленного Мицци Муббена (декабрь 1917): «Самым страшным лагерем в Западной Сибири был Ново-Николаевск. На беззащитном плато стоял лагерь со своими бараками. Зимой 1915/16 года был очень большой холод, топливо для отопления полностью отсутствовало. Теплой одежды ни у кого из пленников не было. У тысяч были ампутированы замерзшие конечности. Оперировали без анестетиков, которые просто невозможно было раздобыть. Питание было некачественным. 80% заключенных лагерей умерли этой зимой от брюшного тифа. Мертвые были сложены в большие кучи на открытом воздухе, которые затем были доставлены на санях к лагерному кладбищу. Были заложены массовые захоронения. Огромные средства, полученные от австрийского правительства, посланные для облегчения бедствия, исчезли в нечестных карманах».⁵ (Илл. 1. Старый земляной барак лагеря для военнопленных»⁶).

Условия в лагере даже близко не соответствуют порядку. У нас в городе был не один, как было принято думать, а целых три стационарных лагеря, плюс по соседству в Колывани и с. Локти на Алтае.

Первые эшелоны с военнопленными прибыли в Сибирь в сентябре 1914 года. 18 сентября Городская Дума постановляет: «ассигновать <...> для постройки бараков для размещения военнопленных и военнообязанных в первую очередь на 10 тыс. человек сто тыс. рублей и для расширения

Голодяев Константин Артемович – научный сотрудник музея города Новосибирска, e-mail: golod62@mail.ru
МАУК «Музей Новосибирска» 630099. РФ. г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 27.

Аннотация: В работе рассматриваются вопросы размещения и содержания военнопленных Первой мировой войны, которые были этапированы на территорию Сибири, а именно в Ново-Николаевск (ныне Новосибирск). В ней описана катастрофическая эпидемиологическая обстановка того времени, вызвавшая большую смертность пленных, рассмотрены моменты их работы и досуга, попытки побега. Впервые обозначены три главных локации нахождения концлагерей для военнопленных на территории города. Также отражена судьба бывших военнопленных после февральской и октябрьской революций, их участие в событиях гражданской войны на стороне красных и белых армий, а также вопросы репатриации и определены примерные места захоронений на территории Ново-Николаевска. Работа выполнена на основании архивных документов Городской Думы, воспоминаний бывших пленных, отчетов миссий Международного Красного креста, в ней впервые вводятся в научный оборот некоторые архивные схемы-планы, фотографии и документы.

Ключевые слова: Ново-Николаевск; Новосибирск; Первая мировая война; эпидемия; германские военнопленные; мадьяры; польский легион.

Golodyaev Konstantin Artyomovich – Researcher, Museum of Novosibirsk, e-mail: golod62@mail.ru

Annotation: The paper deals with the placement and maintenance of prisoners of war of the First World War, who were transferred to the territory of Siberia, namely to Novo-Nikolaevsk (now Novosibirsk). It describes the catastrophic epidemiological situation of that time, which caused a high mortality of prisoners, and considers the moments of their work and leisure, escape attempts. For the first time, three main locations for concentration camps for prisoners of war in the city were identified. The fate of former prisoners of war after the February and October revolutions, their participation in the events of the civil war on the side of the red and white armies, as well as repatriation issues are also reflected, and approximate burial places on the territory of Novo-Nikolaevsk are determined. The work was done on the basis of archival documents of the City Duma, memoirs of former prisoners, reports of missions of the International Red Cross, for the first time some archival schematic plans, photographs and documents are introduced into scientific circulation.

Key words: Novo-Nikolaevsk; Novosibirsk; World War I; epidemic; German prisoners of war; Magyars; polish legion.

их на 30 тыс. человек поручить Городской Управе ходатайствовать о выдаче городу правительственной ссуды в сумме 300 тыс. рублей».⁷

Осенью 1914 года начали строиться бараки «предназначенные в мирное время для сборного пункта, в настоящее же время занятых военно-пленными. Каждый барак... вмещает до 2000 пленных, вместо рассчитанных 1200 человек запасных в мирное время».⁸ Это были земляные бараки - более 0,5 сажени в землю, засыпные стены, надземное оконце и деревянное покрытие. Но, как мы видим на плане лагеря, даже к февралю 1916-го они ещё не все были достроены. Не во всех есть полы, печи, нет бани, водогрейки, дезинфекции, не было даже ещё забора и на-

Илл. 1. Старый земляной барак лагеря для военнопленных



блюдательных вышек. Также командир 17 сибирского стрелкового батальона полковник Сосницкий (он же командира лагеря в Военном городке) и Городская Дума осенью 1915 года ставили перед

руководством Омского военного округа вопрос необходимости электрификации лагеря для освещения и снабжения водой, поскольку «городская электрическая станция абсолютно перегружена».⁹ (Илл. 2. План расположение концлагеря на 4500 человек¹⁰).

Вот ещё один проект, подетальнее. (Илл. 3. Проект барака, отхожего места и кухни концлагеря¹¹).

О местонахождении лагеря говорят несколько документов. «В татарской слободке, на кварталах 7 и 8», на «выезде улицы Державинской»¹². Это указывает на прямоугольник Граничная (ныне Жилиной)-Татарская и Державина-Ломоносова. (Илл. 4. Продольный профиль укладки водопроводных труб¹³).

Место прочитывается и на схеме укладки водопровода. «Ближайшим естественным источником воды является речка Каменка, протекающая на расстоянии 359 саж. от лагеря»¹⁴, а также подтверждается рекламными публикациями газеты «Советская Сибирь» уже за 1927 год. «Бычий случной пункт открыт на молочной ферме. Ломоносовская ул. Бараки б. концентрационного лагеря»¹⁵ или «Торги... четырёх Ломоносовских бараков... угол Ломоносовской и Граничной улиц, за справками обращаться в Военный городок».¹⁶

Ныне здесь жилая застройка. Есть ещё фотография, датируемая 1918 годом. Подпись «Лагерь военнопленных. Вид из города». На левом берегу Каменки хорошо видны два высоких корпуса Военного городка. Расположение же самих бараков неявно. (Илл. 5. Лагерь военнопленных. Вид из города¹⁷).

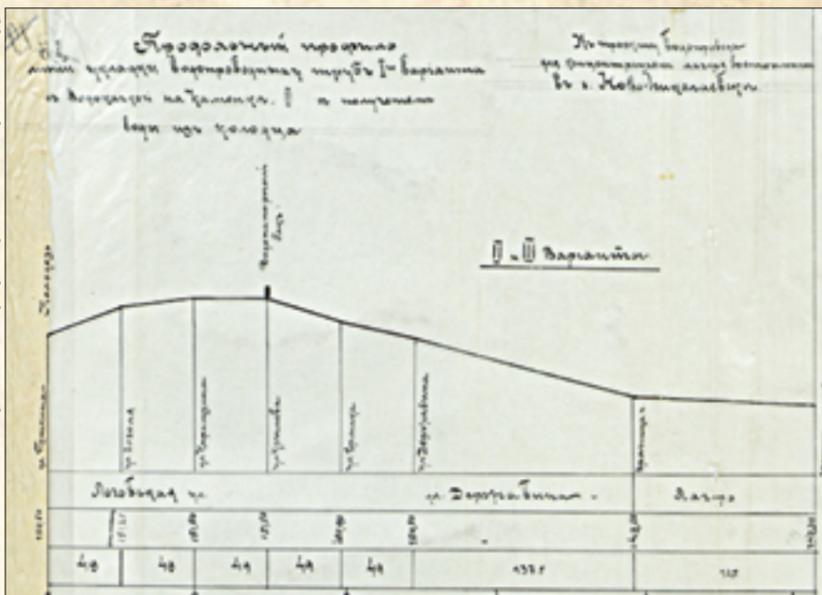
Лагеря часто инспектировались миссиями Международного Красного креста. Из отчета французов, Ф. Тормейера и

доктора Ф. Феррьера о посещении наших лагерей в январе 1916 года. «На западном берегу Каменки бараки и заключенные находятся в ведении коменданта площади. К востоку от Каменки в военном городке расположены казармы, находящиеся в подчинении командира 17-го Сибирского егерского батальона. Сначала мы посетили так называемые кладбищенские бараки, расположенные немного в стороне от города, и торговые лавки на муниципальном рынке. Это были длинные и обширные кирпичные сооружения, прочно построенные и предназначенные для городских залов. Эти здания, недавно возведенные муниципалитетом, еще не были заняты торговцами и были реквизированы военными властями».¹⁸

О нескольких локациях лагерей мы узнаём и из отчета миссии датского Красного креста, которая посетила Ново-Николаевск 2-8 января 1916 года. «Рядовые частично находились в так называемых «боевых» казармах-домиках, которые состояли из трех недавно построенных кирпичных зданий (примерно 2600 человек), частично в 2-х полуподземных бараках (примерно 1250 человек) и, наконец, в более крупном, недавно построенном лагере деревянных бараков того же типа, что и в Тюмени (около 7500 человек)».¹⁹

Зимой 1914/15 года в лагере для военнопленных разразилась тяжелая эпидемия тифа, начало которой приписывается курдам. «Город Новониколаевск неблагоприятен по сыпному тифу и источником заразы явились военнопленные /курды/. <...> Первый случай заболевания <...> сыпным тифом обнаружен был в первой городской больнице, куда больной был доставлен с проходящего эшелона..., от него зараз-

Илл. 4. Продольный профиль укладки водопроводных труб



Илл. 5. Лагерь военнопленных. Вид из города

ились в больнице 5 военнопленных <...> и 2 прислуги. В военном городке первые случаи заболевания сыпным тифом обнаружены в январе месяце с.г.»²⁰ В лагерной больнице было 130 коек. Вместо матрацев - гнилые соломенные мешки. На всех около 100 одеял, ни белья, ни лекарств, ни мыла, щеток, ни медицинских инструментов. Обречённые на смерть.

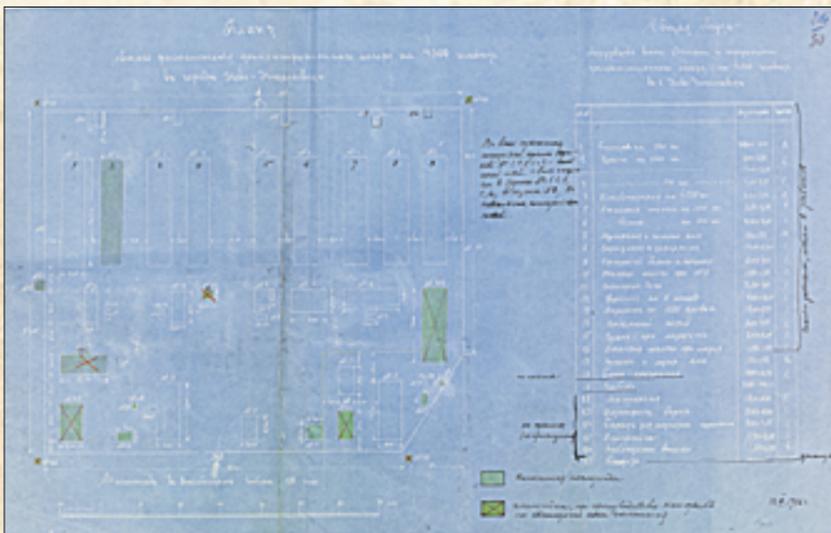
Шведская медсестра Красного Креста Эльза Брандстрем свидетельствует: «В двух земляных бараках лагеря, которые заключенные называли «кладбищенские бараки», 2300 военнопленных, больные и здоровые лежали так близко друг к другу, что приходилось перешагивать через тела в коридорах. Вода капала с сосуллек на потолок, так что кровати всегда были влажными. Многие пациенты с сильной лихорадкой получали помощь только от нескольких товарищей, чей труд неуклонно

увеличивался с ежедневным ростом числа болезней. Еду ставили рядом с больными; те, у кого еще были силы, ели, остальные голодали. Проходили дни, когда не было ни капли воды. Тяжелобольные вылезли из последних сил, чтобы утолить жгучую жажду снегом; казаки избивали их или загнали обратно в казармы. Пока таял снег, можно было увидеть, как больные и здоровые жадно пили воду, желтую от человеческих экскрементов из туалетов. Всего 70 человек осталось живым из кладбищенского барака, в котором когда-то находились 1100 человек».²¹

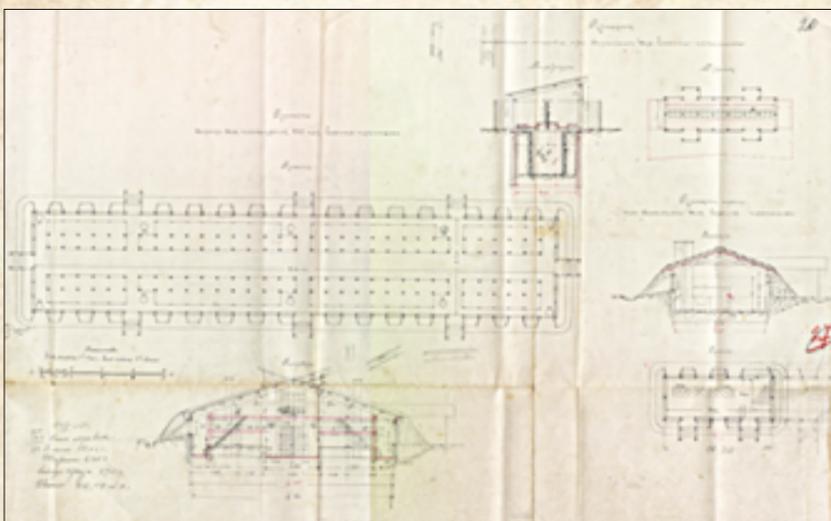
Её слова подтверждает и датская миссия: «Два полуподземных барака, которые делегация увидела здесь впервые, произвели удручающее впечатление, в основном из-за небольших и немногочисленных окон, которые также были установлены довольно низко над поверхностью земли. Летом, осенью и зимой они более или менее пригодны для жизни, но весной они кажутся очень нездоровыми и влажными, так как вода просачивается со всех сторон и часто остается на полу под ногами».

В таких земляных бараках, полностью похожих на эти (которые в настоящее время были эвакуированы), весной 1915 года разразилась страшная эпидемия тифа, которая навсегда останется в русских летописях как бельмо на глазу. В имеющихся достоверных отчетах ход эпидемии описывается следующим образом: на тот момент в Ново-Николаевске находилось около 4-5 тысяч военнопленных, и первоначально

Илл. 2. План расположение концлагеря на 4500 человек



Илл. 3. Проект барака, отхожего места и кухни концлагеря



⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д. 97. Оп. 1. Д. 163. Л. 39

⁸ Там же. Д. 169. Л. 30, 36

⁹ Там же. Д. 198. Л. 12

¹⁰ Там же. Д. 204. Л. 30

¹¹ Там же. Д. 169. Л. 20

¹² Там же. Д. 204. Л. 25

¹³ Там же. Д. 225. Л. 17

¹⁴ Там же. Д. 225. Л. 6

¹⁵ Объявление. // Газета «Советская Сибирь». 1927 № 4. 6 января. С. 4

¹⁶ Там же. № 179. 28 июля. С. 4

¹⁷ Ansichten... P. 48

¹⁸ Documents publiés à l'occasion de la Guerre Européenne (1914-1916). Rapport de MM. F. Thormeyer et Dr F. Ferriere-jun sur leurs visites aux camps de prisonniers en Russie. Octobre 1915 à Février 1916. Huitième série. Genève. Librairie Georg & Cle Maisons à Bâle et à Lyon. 1916. 152 s. P. 130-135. Перевод автора.

¹⁹ Berichte über die Besichtigung der Gefangenenplätze in Österreich-Ungarn und in Russland durch Abordnungen des dänischen Roten Kreuzes. Kopenhagen. Druck vof J. H. Schultz. 1916. 93 s. P. 36-39. Перевод Храпцев С.В.

²⁰ ГАНО. Ф. Д.97. Оп. 1. Д. 202. Л. 17-28.

²¹ Brändström Elsa. Bland Krigsfångar... P. 44, 45

в городе была только одна больница и одна поликлиника».²²

Резко Бехт: «Обстановка в казармах начала приводить в замешательство. Камера для трупов в конце казармы была уже заполнена так же, как катакомбы Палермо. За ним лежала кладовая, поэтому они носили капусту, кашу, картошку на кухню среди тифозных трупов. И так будет до тех пор, пока не станет возможным закопать их в землю. На «кладбище-казарме» эти обнаженные трупы под открытым небом ждут весны, сложенные друг на друга, как поленья из дерева».²³

1 марта вопрос распространения эпидемии широко рассматривается Городской Думой. На заседании звучат самые разные предложения: ходатайствовать об уменьшении контингента военнопленных, о прекращении использования их на массовых работах, строительстве для них специальной бани, о переносе лагерей из городской черты, указывалось на невозможность принимать в больницы самих горожан из-за переполнения их пленными.

«Количество пациентов, обратившихся в поликлинику, росло невероятно быстро, так что вскоре ее ежедневно посещали около 120-130 пациентов с высокой температурой, которые, помимо обычных эпидемических заболеваний, из-за отсутствия одежды и обуви также страдали от обморожения конечностей. Часто военнопленные переносили на морозе более 40 градусов обычно в легких тапочках без каблука, без пальто, рваных брюках, часто без нижнего белья; военнопленному выдавалась только рубашка и штанины до голени. Поскольку единственная существующая больница вскоре была переполнена, больных отправили обратно в земельные бараки, где люди в лихорадке и все еще здоровые вместе должны были лежать на голых досках без соломы и одеял. Больные в бараке получали обычное питание, многие из них не могли его есть и оставались без воды и молока на несколько дней. Даже здоровые не могли достать воды, и им часто приходилось утолять жажду снегом. Перевязочные материалы и лекарства были доступны только в крошечных количествах».²⁴

Городской Голова А.Г. Беседин телеграфирует в Петроград Верховному Начальнику эвакуационной и санитарной части русской армии, генералу от инфантерии Принцу Ольденбургскому: «на первое

апреля зарегистрировано заболеваний сыпным тифом пленных 744 врачей пленных 5 воинских чинов 75 врачей 7 из них двое уже умерли прочего медицинского персонала 14 обывателей 8 начинают поступать сыпнотифозные из сельского района <...> Документально установлена небрежность местной военно-медицинской администрации нет объединяющего института не месте нет организованной планомерной борьбы бедствием <...> Чрезвычайный рост эпидемии отсутствие до сего времени изоляции действительных мер дезинфекции и свободных помещений городе угрожают страшным бедствием...».²⁵

«Российские власти не предприняли ничего для исправления даже самых серьезных недостатков. Поэтому неудивительно, что уровень смертности был невероятно высоким. Вначале ежедневно умирали 8-16 военнопленных, но вскоре количество смертей выросло до 70-80 ежедневно... Нет сомнений в том, что масштабы эпидемии можно было бы ограничить, если бы российские власти приняли более эффективные меры. По чисто человеческим причинам их нельзя не упрекнуть в серьезной неудаче».²⁶

В ту зиму из 8600 пленных умерло около 4500, более половины. Также заразились тифом и умерли треть медсестер и врачей. Мертвых грудями вывозили и захоранивали в братских могилах.

Большинство их осталось неизвестными, но некоторых искали даже с помощью американских дипломатов. В государственном архиве исторических актов сохранилась переписка 1916 года: «Посольство Со-

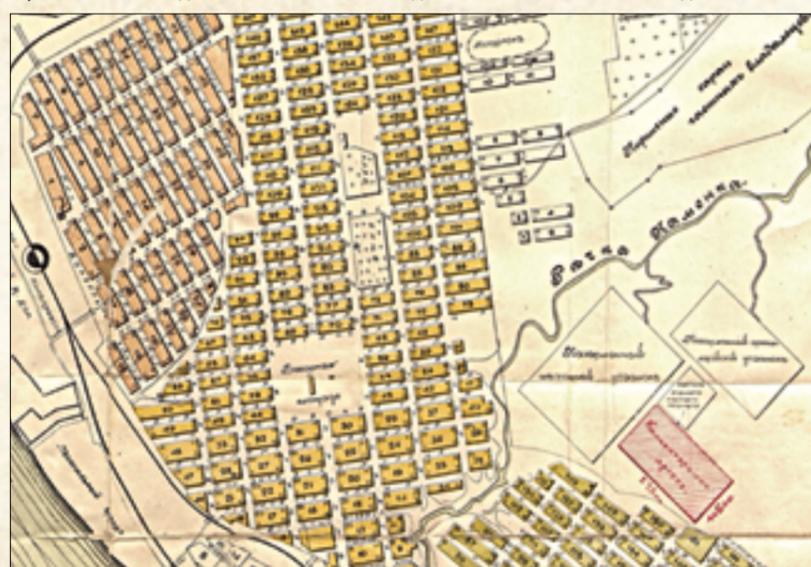
единённых Штатов Америки в Петрограде обратилось по просьбе германских властей в Императорское Министерство Иностр. Дел с ходатайством о доставлении ему свидетельства о смерти военнопленного германской армии 61-го пехотного полка Йозефа Клин (Josef Klin), умершего 15-го мая 1915 года в Ново-Николаевске, где он находился в 26-ой роте военнопленных».²⁷

Согласно данным немецкого исследователя Георга Вурцера по смертности военнопленных в 1914-1919 годах Ново-Николаевск стоит на второй позиции после страшной стройки Мурманской железной дороги. Так погибло 34,69% пленных, у нас 18,37%. Остальные далеко позади. Основная причина – тиф. 37% всех погибших от тифа тоже приходится на нас».²⁸

После этого Томским губернатором и командующим Омским военным округом Городской управе было предписано «немедленно приступить к постройке концентрационного лагеря на десять тысяч военнопленных».²⁹

27 июля вопрос решают в Городской Думе: «В силу своего географического положения город Ново-Николаевск служит местом сосредоточения большого количества войск и военнопленных <...> Для военнопленных и военнообязанных отведено помещений на 8800 человек и, кроме того, для 3 амбулаторий для лечения военнопленных отведено 3 дома на 110 кроватей <...> По свидетельству г. Томского Губернатора, город Ново-Николаевск переобременен войсками и военнопленными, как ни один другой город Округа». Дума единогласно постановила ходатайствовать

Илл. 6. Карта Ново-Николаевска 1915 года с обозначением места концлагеря



22 Berichte über die Besichtigung...

23 Turbuly Éva. „Valami felfoghatatlan történet! Frontszolgálat és hadifogság. Becht Rezső: A bűvös henger című visszaemlékezésében // Folyóirat «Soproni Szemle». 2015. № 2. P. 131-152. Перевод автора.

24 Berichte über die Besichtigung...

25 ГАНО. Ф. Д-97. Он. 1. Д. 202. Л. 47, 47 об.

26 Berichte über die Besichtigung...

27 Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 160. Он. 708. Д. 1825. Л. 6/ч

28 Wurzer Georg. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie. 2000. 590 s. P. 76-78. Перевод автора.

29 ГАНО. Ф. Д-97. Он. 1. Д. 198. Л. 3-6.

об отпуске «средств для сооружения городом концентрационных лагерей в виде барачных землянок под размещение 4500 военнопленных для перевода в эти бараки военнопленных из городских зданий, в которых поместить войска из школьных зданий».³⁰

Для этого предписывалось «Отвести во временное безвозмездное пользование военного ведомства под концентрационный лагерь участка земли, расположенный за казарменным «Пехотным» участком, согласно плану военного ведомства площадью 39875 квадрат. сажень с тем, что постройки должны быть снесены, участок очищен, приведен в первоначальный вид и возвращен городу в течение одного года по освобождению барачных от пленных».³¹

На прилагаемой к постановлению карте четко обозначено место под названием «концентрационный лагерь». Даже размеры указаны: 275 на 145 сажень (500*265 метров). Сегодня это жм «Оазис» и частный сектор севернее. (Илл. 6. Карта Ново-Николаевска 1915 года с обозначением места концлагеря».³²

Эпидемическая опасность снова была отодвинута на второй план - «что же касается отвода участка земли под постройку заразного и общего лазаретов для военнопленных, то Строительная Комиссия не может в настоящее время возбуждать об этом вопроса».³³

Вдобавок к солдатам и офицерам пленным, в Сибирь стали привозиться так называемые «гражданские пленные», военнообязанные немецкие и австрийские подданные, проживавшие на территории Российской империи и «военнозадержанные» - гражданские лица, взятых в плен на

Илл. 9. Военнопленные получают еду



30 Там же. Д. 195. ЛЛ. 26, 28 об.

31 Там же. Д. 198. Л. 3-6

32 Там же. Л. 9

33 Там же. Л. 3 об

34 Там же. Д. 202. Л. 17-28

35 Documents publiés à l'occasion...

36 Ansichten... P. 49

37 Ansichten... P. 49

38 Ansichten... P. 52

Илл. 7. Кирпичные бараки в торговых лавках, слева туалеты



территории противника. Но в Ново-Николаевске их почти не было.

Зимой 1914 года для лагеря военнопленных были приспособлены новые торговые лавки, построенные в самом центре города, на Базарной площади. Об этом упоминается и на вышеописанном заседании Городской Думы от 1 марта 1915 года, посвященном вопросам эпидемиологической обстановки: «относительно военнопленных, расположенных в самом городе признано необходимым: вывести их из мясных и рыбных корпусов, расположенных в центре города на базарной площади, в другое отдаленное место, с устройством для них особого лагеря».³⁴

В отчете французской миссии есть и описание этих кирпичных барачных в «торговых лавках на муниципальном рынке». Январь 1916 года. «С точки зрения их первого назначения, комнаты высокие, не влажные. Там были установлены четыре этажа нар, что заведомо преувеличено и антигиги-

Илл. 8. Барачные туалеты



енично. Это приводит к болезненному скоплению людей. На двух верхних этажах такие низкие потолки, что мужчины не могут стоять на нём. К нему ведут простые лестницы. Подметать и чистить нары, наложенные таким образом, очень сложно. Комната № 1, в которой могут разместиться 200 человек, вмещает 300 человек. Остальные комнаты немного менее многолюдны. Вентиляция везде очень плохая. Раковины устанавливаются в отдельном неотапливаемом помещении... Есть постройка для бани, но ее недостаточно. Очередь каждого мужчины приходит слишком редко. Баня также служит прачечной, но не соответствует количеству заключенных. Туалеты в плохом состоянии».³⁵

Вот некоторые фото этих «торговых лавок». (Илл. 7. Кирпичные бараки в торговых лавках, слева туалеты.³⁶ Илл. 8. Барачные туалеты.³⁷ Илл. 9. Военнопленные получают еду³⁸).

«У заключенных есть достаточно места вокруг барачных, чтобы передвигаться. Кухни расположены в подвалах зданий в залах, они обширны, но темны. Большая столовая остается неисполь-

зованной из-за отсутствия отопления. Еда соответствует общему правилу. Дают мясо пять раз в неделю. Каждый вечер заключенным дают суп и кашу. В хорошо оборудованной столовой работают заключенные. Ежедневная выручка в ней 150-250 руб. В среднем в день продается 80 фунтов колбасы и 80 фунтов табака. Заключенные в целом хорошо одеты. Многие получили от шведских посланников одеяла, ботинки или пальто».³⁹

А вот описание датчан: «Казармы-дома производили крайне неблагоприятное впечатление. Они были полностью переполнены, потому что военнопленные располагались в 4 ряда один над другим, по два и два, разделенных доской. Так как было запрещено открывать забитые окна, воздух был очень плохим, да и было полутемно. Основания на полу располагались всего в метре друг от друга, а их площадь 4x8 метров должна была обеспечить места для 24-х человек. В одном из барачков часть его, использовавшаяся под следственный изолятор, была оцеплена. Здесь делегация встретила 10 венгров, которые были заключены в тюрьму на долгое время за то, что отказывались работать без их согласия или приговора. (Согласно тому, что узнала делегация, они все еще были заперты 4 месяца спустя!)».⁴⁰

И содержание, и питание пленных солдат и офицеров было раздельным. Солдаты питались по нормам, установленных для нижних чинов Российской Императорской армии Приложением. № 57 к приказу 1899 года №346. В день это, например, более 2 кг ржаного хлеба, 700 грамм мяса, но нормы эти, конечно, не выдерживались. Офицеры также получали на питание «столовые деньги», им выплачивалось жалование в соответствии с чином.

Вот как описываются первые дни в ново-николаевском лагере Резко Бехта, будущего венгерского писателя: «По прибытии в лагерь свирепствовал сыпной тиф. В кладбищенских казармах в названных помещениях экипажа шансы на выживание оставались ниже 10%, включая многих офицеров, которых они заболели. В конце марта он получил свою первую зарплату, из которой после предыдущих лишений он, наконец, смог обеспечить условия для приема пищи и регулярного очищения. Между тем на несколько недель его направили в сибирскую деревню Огурцово, где он сопровождал группу военнопленных-славян. Это приятное воспоминание о неделях, проведенных там».⁴¹

Илл. 10. Аукционная открытка с изображением лагеря в Ново-Николаевске



Илл. 11-13. Новые бараки лагеря военнопленных в Ново-Николаевске

«Офицеры жили частично в 8-ми разных домах в городе, частично в лагере Городка. Многие жаловались на то, что выходить на улицу давали мало, поскольку офицерам разрешалось покидать свои помещения только на несколько часов утром. Офицеры также пожаловались на то, что им пришлось платить за воду для питья и мытья (5 рублей в месяц), так как воду приносили в бочке с большого расстояния».⁴²

Немцы находились под более строгим надзором, чем австрийцы, тем не менее, немецкий офицер Бюлов пишет: «Обращение с пленными офицерами в Ново-Николаевске было превосходным по сравнению с условиями в других лагерях для пленных. Проживание в большом доме с просторными чистыми комнатами, свобода передвижения на несколько часов утром и днем по территории, прилагающей к дому, регулярная выплата зарплаты, доставка почты, прогулки в город за покупками, посещение церкви в воскресенье - все это не давало повода для жалоб или недовольства. Нашей зарплате в пятьдесят рублей в месяц хватало на все необходимое в повседневной жизни. Были сигареты и книги, мы регулярно получали русские газеты, по которым можно было в какой-то степени ориентироваться в военной ситуации, несмотря на большое количество ложных новостей».⁴³

Тормейер и Феррьер описали и новый лагерь. Им он понравился, впрочем, как и датчанам. «На довольно высоком плато, восточнее реки Каменки, находится Военный Городок. Фактически, это настоящий город, занимающий очень большую территорию и содержащий казармы 17-го Сибирского стрелкового батальона и казармы военнопленных. Бараки имеют длину около 45 метров, 10 или 12 метров

ширину и 6-7 метров в высоту. Они хорошо построены, каждый из них оборудован 12 печами и 8 или 10 воздуховодами. Объема воздуха более чем достаточно. Земля сухая, влажности нет. Окна большие. Крыша обшита панелями, покрыта слоем опилок и рубероида. Раковины прикреплены к корзинам, хорошо установлены и остаются открытыми до 11 часов утра. Туалеты в хорошем состоянии. Бараки рассчитаны на 500 человек, но это число еще не достигнуто. Заключенные распределяются по национальностям. Бараки чистые и аккуратные.

Мужчины хорошо выглядят, обычно хорошо одеты и обуты, и не выглядят подавленными. Как и везде, мы долго и свободно разговариваем с заключенными. Их жалобы не касаются режима. Некоторые унтер-офицеры жалуются, что они подчиняются тому же режиму, что и рядовые солдаты, и что они не размещаются отдельно. Это требование юридически необоснованно. Многие остались довольны раздачей подарков от немецких и австрийских сестер милосердия, а также одеял. По словам заключенных, корреспонденция приходит довольно регулярно, но медленно. Заключенные много едят. В столовой продаются почтовые карточки по цене 2 копейки.

Большое количество заключенных в сезон работало либо среди крестьян, либо в различных администрациях. Они говорят, что мирное население к ним относилось очень хорошо. Их заработок часто достигал 70 копеек в день. С другой стороны, оплата не всегда производилась регулярно.

Хлебопекарня действительно является образцом как объекта, так и организации. Чистота идеальная. Бригады пекарей работают пять часов подряд. Работа не прекращается ни днем, ни ночью. Хлеб отличного

качества. Кухни также хорошо оборудованы и содержатся в хорошем состоянии. Меню такое же, как и везде. Заключенным дают чай и сахар, что является реальной пользой, которую ценят. Столовая просторная и чистая, укомплектована заключенными. Обычная выручка - 250 рублей в сутки. Здесь продается 500 пачек табака по 100 грамм (из расчета 7 копеек за пачку) и более 3000 сигарет. Есть белый хлеб, шоколад, сосиски, кофе, печенье, масло и другие продукты».⁴⁴

На аукционах можно найти несколько сохранившихся почтовых карточек из лагеря в Ново-Николаевске. Чистые карточки привозились миссиями Красного креста, подписывались, иногда разрисовывались, и пройдя цензуру, отправлялись домой обычной почтой. Например, на этой военнопленные готовят национальные пончики «Krapfen». (Илл. 10. Аукционная открытка с изображением лагеря в Ново-Николаевске.)⁴⁵

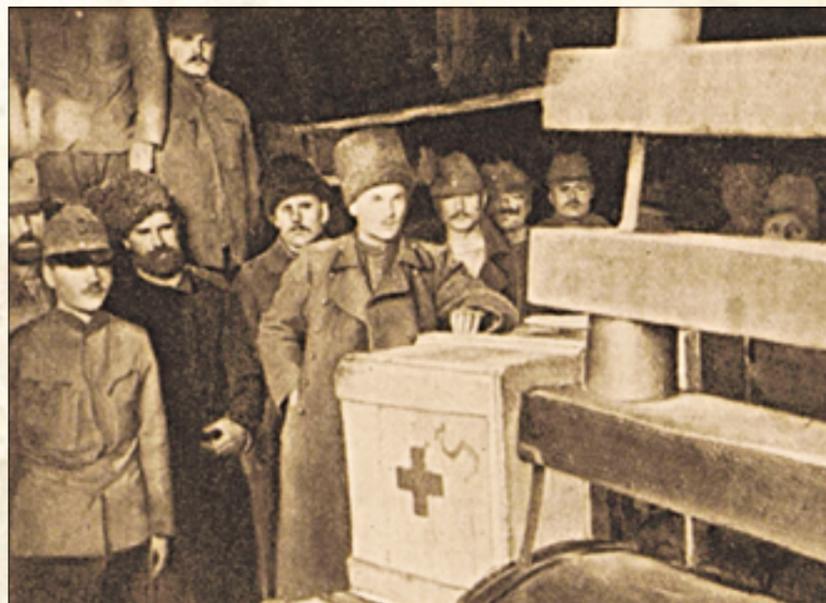
Ещё о пончиках и лагерной кухне от немецкого офицера: «Поскольку я присоединился к австрийской кухне, немцы сначала смотрели на меня косо. Они не считали правильным питаться в неволе так роскошно, как это делали австрийцы. Поэтому долго обсуждался вопрос, правильно ли есть выпечку после мясного блюда или нет. Немецкая кухня была на два рубля в месяц дешевле австрийской, но в лучшем случае она была лишь наполовину вкуснее».⁴⁶

Вот несколько фотографий лагерных барачков около военного городка. (Илл. 11-13. Новые бараки лагеря военнопленных в Ново-Николаевске.)⁴⁷

Эти помещения уже не были случайными и соответствовали международным договорам. Некоторые права военнопленных (в частности запрет на убийство, обращение как с собственными войсками в отношении жилья, пищи, одежды и т. д.) оговаривались в Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, принятой в 1907 году на 2-й Гаагской конференции, созванной по инициативе Российского правительства. «С военнопленными, как законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво».⁴⁸

У сибиряков не было ненависти к поверженному врагу. Резко Бехт: «мы отправились в город... чтобы пройтись по магазинам. Должно быть, было очень холодно, потому что мы добрались до Базарной площади, русский остановился пе-

Илл. 11-13. Новые бараки лагеря военнопленных в Ново-Николаевске



ред нами, быстро схватил порцию снега и начал тереть им наши лица и уши. В первый момент мы подумали, что он напал на нас, но вскоре поняли, что это братская услуга,

которая не позволяет нам отморозить наши белые нос и уши».⁴⁹

Но, как говорится, всё случается. Приказ по Новониколаевскому гарнизону

44 Documents publiés à l'occasion...

45 German prisoner's original artwork [Electronic resource] // Alexander Historical Auctions. URL: https://www.alexautographs.com/auction-lot/german-prisoners-original-artwork_6434B6BAB8/ (date of treatment 15.12.2021)

46 Bülow Wilhelm. Durch Stachelndraht und Steppe... P. 142

47 Ansichten... P. 49, 51, 53

48 РГВИА. Ф. 1468. Он. 2. Д. 364. Л. 1-5

49 Turbulý Éva. „Valami felfoghatatlan történet!«...

от 07 мая 1915 года №87. «Прапорщик 23-го Сибирского стрелкового запасного отдельного батальона Мышкин 8 апреля с. г. на улице Новониколаевская (так в источнике - К.Г.) нанёс оскорбление действием военнопленному капитану Вайтер. Я, как начальник 4-й Сибирской стрелковой запасной бригады, арестовываю прапорщика Мышкина на 7 суток на гауптвахте за такое нарушение служебной этики, хотя и по отношению к пленному офицеру, о чём заведующему военнопленными подпоручику Сапожникову поставить в известность капитана Вайтер. Начальник гарнизона генерал-лейтенант Марсов-Тишевский».⁵⁰

Обыденной жизни военнопленных активно помогала поддержка в лагере традиций национальных культур. (Илл. 14. Перед немецкими бараками⁵¹).

На снимке мы видим здесь большое количество людей с музыкальными инструментами. В лагере был и свой театр. Он был основан в 1918 году австрийским актером Юлиусом Карстеном. Он служил во время Первой мировой войны в австро-венгерской армии. Помещение под театр было приспособлено из бывшей конюшни. Спектакль готовился около 6 недель, и на постановки даже приходили русские офицеры вместе с семьями.⁵²

Вот некоторые фото театральной жизни лагеря для военнопленных в Ново-Николаевске.⁵³ (Илл. 15. Зрительный зал. Илл. 16. Сцена с декорацией. Илл. 17. Артисты театрального оркестра).

А вот фотография офицерского казино. На обороте по-венгерски написано: «A novo-nikolajeoszki tisztizsi kaszinó. 1917 nov.» (Илл. 18. Офицерское казино⁵⁴).

Оно находилось в том же здании, что и театр. Скорее всего, там была и библиотека. Пленные занимались пошивом одежды, огородничеством, спортом.⁵⁵ Австрийский офицер Хаймито фон Додерер пишет: в Ново-Николаевске «в лагере было несколько футбольных команд, проводились циклы состязаний. Я играл в правую защиту... и был популярен. Восклицания 'Прыгай, Хаймито!' или 'Хаймито! Бей!' часто слышалось среди ревущих зрителей».⁵⁶

Продолжим отчёт французских инспекторов: «Санитарное состояние лагеря с января по май 1915 года было крайне плохим из-за сильнейшей эпидемии экзантематозного (сыпного – КГ) тифа. Более половины персонала лагеря были зара-

Илл. 14. Перед немецкими бараками



Илл. 15. Зрительный зал



Илл. 16. Сцена с декорацией



жены; смертность составила около 35%; было зарегистрировано более 3 000 смертей. Благодаря решительным мерам состояние здоровья значительно улучшилось и в настоящее время является очень удовлетворительным. Лазарет лагеря, построенный два месяца назад, представляет собой хорошо построенное здание, большее и более высокое, чем бараки. Пациенты размещаются там на двух этажах эстакад, но с учетом высоты комнат объёма воздуха вполне достаточно. Хорошее освещение и хорошая температура. Санузлы с двумя ваннами. В лазарете, занимающемся незаразными заболеваниями, 200 пациентов (туберкулез, пневмония, бронхит, нефрит, ревматизм и т. д.). Услуги оказывают русский врач, три врача и шесть австрийских студен-

тов-медиков. 31 медсестра славянской расы. Белье меняли каждые три недели. В военно-эвакуационный госпиталь № 148 направляются инфекционные заболевания. Около 80 больных заключенных: оспа 15, сыпной тиф 10, брюшной тиф 20, дизентерии, 3 лица и др. Хирургические пациенты отправлены в городскую эвакуационную больницу № 146. Районная больница принимает больных заключенных из городского лагеря; там работают два

50 Луценко А. А. Военнопленные австрийской императорской армии в Ново-Николаевске в 1914–1918 г.г. и современные формы неправительственных международных связей в вопросе сохранения памяти жертв мировых и локальных войн. [Электронный ресурс] // Интерактив плюс. URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/148/Action148-11220.pdf> (дата обращения 18.01.2022)

51 Ansichten... P. 53

52 Pörzgen Hermann. Theater ohne Frau. Das Bühnenleben der kriegsgefangenen Deutschen 1914–1920. Königsberg: Ost-Europa-Verl. 1933. 221 s. P. 109

53 war [Electronic resource] // The history of Europe - told by its theatres URL: <https://theatbit.eu/page/en/chapters/war.php> (date of treatment 23.12.2021)

54 Ново-Николаевск/Новосибирск 1917 г. венгерские военнопленные в казино [Electronic resource] // Violyti/ <https://violyti.com/109954852-novo-nikolajevsk-novosibirsk-1917-g-vengerskie-voennoplennye-v-kazino/> (date of treatment 23.12.2021)

55 Brändström Elsa. Bland Krigsfångar... P. 44, 45

56 Heimito von Doderer: Die Sibirische Klarheit. Texte aus der Gefangenschaft. München: Biederstein. 1991. 159 p. P. 137

Илл. 17. Артисты театрального оркестра



Илл. 18. Офицерское казино



врача. Словом, санитарные условия сейчас хорошие, врачи жалуются только на недостаточность лекарств».⁵⁷

В мае 1915-го ожидали приезда начальника санитарной части Принца Ольденбургского. «Две казармы были быстро очищены, чтобы устроить госпиталь, и командование начало лихорадочную работу. Больным, которым до этого приходилось лежать на полу, давали койки. Принц Ольденбург не приехал, но другой русский генерал осмотрел лагерь и объяснил коменданту: «Я прошел через несколько войн и многое видел, но никогда не видел такого беспорядка. Если приказ не будет немедленно приведен в действие, я предаю вас перед военным трибуналом»».⁵⁸

Вскоре, в июне все повторилось. К приезду представителя американского посольства на кроватях были заменены соломенные мешки, выдан паёк, вдвое превышающий норму, но и этот проверяющий уехал неудовлетворённым.

Многие из военнопленных было славянами (поляки, чехи, галичане, сербы)

57 Documents publiés à l'occasion...

58 Brändström Elsa. Bland Krigsfångar... P. 44, 45

59 Dyboski R. Siedem lat w Rosji i na Syberji (1915–1921) / Przygody i wrazenia. Krakow: Naklad Gebethnera i Wolfa 1922. 254 p. P. 58

60 Объявление // Газета «Голос Сибири». 1917. № 131. 20 июня. С. 1

61 Documents publiés à l'occasion...

и их стали вербовать в российскую армию для войны с германцами. В июле 1916-го вышел приказ командующего войсками Омского военного округа генерала от кавалерии Сухомлинова о строгой изоляции от остальных тех пленных, которые вступили в чешские части и сербский отряд. Во избежание преследования.

У военнопленных из славян был смягчённый режим содержания, документы на свободное передвижение по городу, освобождение от принудительных работ и право работы на казенных и частных предприятиях, но не могли посещать публичные места: кинематограф, кофейни и т.п. Они могли как-то общаться по-русски, работали механиками, столярами, бухгалтерами, сапожниками, на селе. Некоторые даже жили на квартирах горожан, или в домах по месту работы. После февраля 1917-го стало ещё проще. По указу А.Ф. Керенского от 30 июня 1917 г. «дозволялось освобождение из лагерей поляков при поручительстве местных польских организаций».⁵⁹

С другими было строже. Вот объявле-

ние из газеты «Голос Сибири» от 20 июня 1917 года: «Ново-Николаевская Комиссия по распределению военно-пленных доводит до сведения граждан работодателей, что все военно-пленные должны иметь на левом рукаве прочно пришитую белую повязку с литерами „В. П.“ и не могут быть отпускаемы без провожатых. Работодатели, виновные в нарушении сего, будут лишены правом пользоваться трудом военно-пленных, а военно-пленные будут подвергнуты строжайшему наказанию. Председатель Комиссии Я. Муромов».⁶⁰

Краеведы с сайта «Новосибирск в фотозагадках» упоминают бараки для военнопленных на ул. Фабричной, но по этому месту пока данных нет. Возможно, это как раз была какая-то команда по месту работы.

Опять же французы пишут: «Большое количество заключенных работают на вокзале или у частных лиц в городе. Администрация платит 25 копеек в день и обеспечивает питание. В частных домах заключенные получают от 3 до 5 рублей в месяц. Им регулярно выплачивают зарплату. Есть удержание 20%. Лагерные и дорожные работы не оплачиваются. Мужчинам дают чай, но, говорят, не регулярно. За пределами корпусов есть две специально построенные и удовлетворительные казармы.

К северу от города мы также посетили еще одну группу недавно построенных бараков. В этих бараках, рассчитанных на 800 человек каждый, тогда было всего 600. Они большие, достаточно высокие, но недостаточно отапливаемые, хотя в них есть двенадцать печей. Часть одной из казарм отведена для солдат российской гвардии, которые там спят на нарах, без циновки и одеял. Кухни очень подходящие. Наше мнение еще раз подтверждается, что благоустройство временного помещения никогда не дает таких благоприятных результатов, как специальное строительство бараков».⁶¹

Французским инспекторам международного Красного Креста была предоставлена возможность посетить и места нестандартные. «Хотя наша миссия не касалась гражданских интернированных, мы посетили определенное количество этих несчастных в Новониколаевске, размещенных в залах отдельных камер. Их было 164. Они получали такую же еду, что и заключенные. Больше всего им не хватает белья и одежды. Многие из них старые и слабые. Те, кто знаком с профессиями, легко находят работу в городе и даже получают 2 или 3 рубля в неделю... Мы также

посетили темницу, где 18 сокамерников отбывали сроки от 8 до 20 суток за неподчинение, отказ от работы, ссоры, кражи и т. д. Власти жалуются на апатию и лень большого количества заключенных... В Новониколаевске есть католический храм, который обслуживает польский священник. Заключенные могут ходить туда каждое воскресенье под конвоем».⁶²

Датская миссия не ограничилась констатацией фактов. «На основании жалоб, поданных военнопленными в делегацию, полковнику Сосницкому (командир «Военного городка» - КГ) были сделаны следующие замечания:

1. Эвакуация земляных барачников в весенние месяцы в случае эпидемии.

2. Передача одежды и обуви, особенно военнопленным, которые должны идти на работу.

3. Доставка стандартного питания военнопленным.

4. Освобождение 10 венгров, которые находились в заключении в течение нескольких месяцев.

5. Возможность для заключенных посещать мессу по воскресеньям.

Полковник ответил:

П. 1. Этот пункт будет соблюден.

П. 2. Если работодатель (муниципалитет) призывает людей работать, они должны заранее прислать одежду и обувь; пока это не произойдет, военнопленные не будут отправлены. Возможно, что это положение не всегда соблюдалось до сих пор, но в будущем полковник проследит за его соблюдением.

П. 3. Иногда случалось, что определенное количество пищи, предназначенное для определенного числа пленных, давали большему количеству, особенно когда отряды военнопленных возвращались с работы. Однако полковник пообещал, что этого больше не повторится в будущем, если это возможно.

П. 4. Заключенные венгры должны будут ждать заседания военного трибунала, которое, вероятно, состоится в ближайшее время. До этого полковник ничего не мог для них сделать, но длительное заключение якобы приравнивалось к вынесенному приговору.

П. 5. Военнопленные могли ходить в церковь в воскресенье без конвоя, но, поскольку церковь очень маленькая и в ней всего несколько мест (30-40), только малое количество могут посетить церковь. Однако полковник пообещал, что католический священник будет регулярно посещать лагерь».⁶³

Правда, сами пленные признавались, что в костел они ходили не к Богу. «Саму

службу посещали лишь время от времени для проформы. Главным стимулом для посещения церковной службы была жизнь и суэта вокруг церкви. Все радостно бродили по церкви: гражданские лица, школьники, девушки, военные и военнопленные. Именно здесь завязывались знакомства и назначались встречи; именно здесь венгры встречались со своими девушками, и именно здесь Суха представил меня полякам, которые хотели помочь нам бежать».⁶⁴

Кроме того, в полицейских протоколах отмечено, что часть пленных, «передеваясь в штатское платье» могла бывать «на молитвенных и собеседовательных собраниях сектантов».⁶⁵

Поддержка пленных от международного Красного креста была велика, в том числе и финансовая. «Команда очень сильно жаловалась на плохую почтовую службу, особенно на то, что они не получали денежные переводы. При более внимательном рассмотрении ситуации выяснилось, что к выплате были готовы около 12 000 рублей в Сибирском коммерческом банке и около 4000 рублей на почте. Если учесть, что во всем городе едва ли 12000 военнопленных, а суммы в основном очень небольшие (от 4-5 рублей), то нельзя отрицать, что к большому огорчению и раздражению военнопленных, кажется, просто нет должного порядка и организованности».⁶⁶

В общем, по описанию гостей всё очень хорошо, пленным у нас немного задерживают деньги, но по воскресеньям водят в костел, они крутят с девушками и их даже лечат в гражданских больницах.

Вот ещё одно свидетельство: «Наша камера была чистой и имела большое незасторенное окно с видом на зелень. У нас было два стола, стулья и приличные койки. К нам был приставлен венгерский солдат в качестве военной прислуги. Нам разрешили питать-

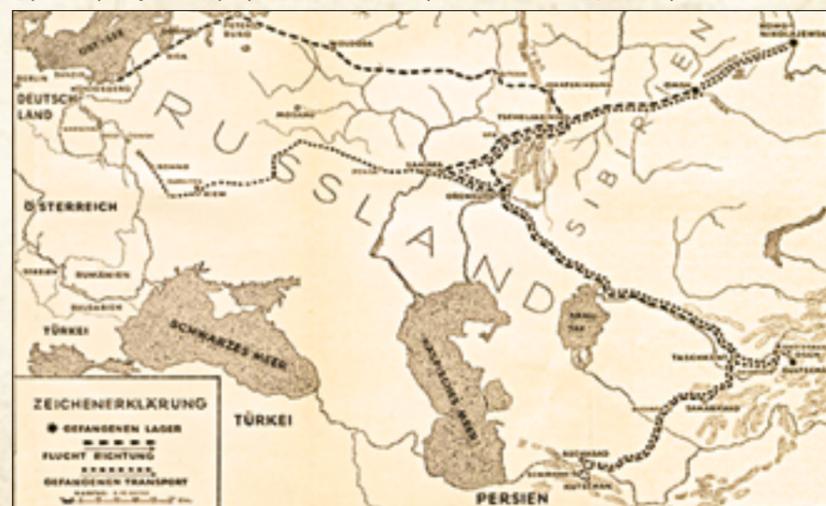
ся на офицерской кухне, а также выплатили зарплату. Только нам не разрешали выходить из комнаты или спускаться вниз на прогулку с другими заключенными. Пока нас выводили, остальные должны были оставаться в куче... Мы не плохо себя чувствовали во время нашего ареста. Еда из венгерской офицерской кухни была превосходной и относительно дешевой. Мы платили двадцать рублей в месяц. Обед всегда состоял из четырех блюд, потому что нам никогда не разрешили пропускать выпечку. Мне вернули мои книги и разрешили взять новые. Я получил «Братьев Карамазовых» Достоевского, томик Гоголя, томик Лермонтова, и мне предстояла большая работа по чтению этих книг с помощью словаря. Нам разрешалось гулять перед домом по часу в день, но это было не так уж много в великолепную летнюю погоду.

Так что у нас все было неплохо, и все же мучительным и тяжелым было ощущение, что мы все еще находимся в тюрьме и имеем меньше свободы, чем другие заключенные, которые могли проводить несколько часов на улице утром и днем и которых возили в город за покупками. Для меня самым страшным в этом периоде заключения была полная разлука с немецкими товарищами. Другим заключенным было запрещено посещать нас. Однако небольших чаевых сержанту охраны было достаточно, чтобы обойти этот запрет».⁶⁷

Вышеописанные ограничения содержания были наложены немецкому офицеру Вильгельму Бюлову, привезённому в Ново-Николаевский лагерь Военного городка после неудачного побега из плена через Персию. (Илл. 19. Путь пленного Вильгельма Бюлова⁶⁸).

Начальником лагеря посоветовал арестованным написать прошение генерал-губернатору, командующему войсками Омского военного округа Сухомлинову «с просьбой сократить необычно долгий срок заключения».

Илл. 19. Путь пленного Вильгельма Бюлова



За попытку побега наибольший срок ареста составлял 30 суток. Прошение сработало, вскоре Бюлова перевели в обычный режим.

Но он продолжает искать «другую, перспективную возможность для побега», берёт у шведской делегации деньги на одежду и бельё, выработывает разные варианты. «Венгры там знали все, так как часто оставались в городе на ночь со своими девушками. Конечно, я не говорил им о своем намерении сбежать. Я только сказал, что хочу найти надежных людей, чтобы деньги пересылались из дома на их адрес. Они посоветовали мне обратиться к знакомым датчанам, которых они знали в городе, и от которых у них сложилось впечатление, что они готовы оказать такую помощь. Выбраться из лагеря было очень легко...».⁶⁹

Сначала он пытался нелегально выехать в Китай как помощник управляющего одного из ново-николаевских банков, немца по национальности. Там, Тяньцине получить швейцарский паспорт, которым потом с которым через Россию и Швецию вернуться в Германию. Но случайное задержание в городе не позволило этому плану сбыться. Другой план предполагал получить деньги и паспорта у местных поляков, и выехать через Оренбург по старым связям в Персию. И всё почти получилось, но перед самой посадкой на поезд, беглецы были арестованы.

Но были и удачные побеги. Например, своих беглецов вычислили украинские исследователи. Удивительно, но у нас темой военнопленных в годы Первой мировой практически никто серьёзно не занимался, а тем более побегами, а вот украинские коллеги задумались. Сейчас наш военно-исторический клуб тоже занимается этой темой, и думаю, что они тоже предоставят результаты своих исследований.

Известно о нескольких удачных побегах. Одному военнопленному украинцу по имени Томка Кошиль, который содержался в новониколаевском лагере, удалось бежать осенью 1915 года. Он сумел добыть карту с обозначением «бывших русско-японских фронтов» (так написано), запомнил её и в результате 2,5-месячных мытарств через Монголию и Маньчжурию добрался до Пекина, а откуда в начале января 1916 года он написал своему кузену в Детройт, а его довольно большое письмо - ввиду уникальности было опубликовано в американской украинской газете «Свобода».⁷⁰

Внесли пленные Первой мировой свой посильный вклад и в российской гражданской войне. Летом 1917 возникли «мирные слухи»,

Илл. 20. Лев Дэмьдчук с семьёй, 1935



надежда на окончание войны и скорый отъезд домой. Солдат Роберт Книппель пишет: «Мы тупо сидели на солнце, глядя перед собой, сжигаемые надеждами и желаниями и раздавленные временем».⁷¹

Резко Бехт: «Голод, чувство полной заброшенности, безнадежная борьба со швами, вечный страх из-за войны - все это начало вызывать у меня какой-то невроз. Как загнаный зверь, я скорчился на своих трех досках и с неприязнью прислушивался к шуму, доносившемуся из комнат. Итальянцы пели, южные славяне спорили, румыны играли в карты».⁷²

В 1917 году в Ново-Николаевске насчитывалось 12 000 военнопленных (более 1/10 части всего населения), у соседей, для сравнения — 5 200 в Томске и 2500 в Барнауле. В городе произошли резкие изменения. Наш украинский коллега Роман Захарченко прислал письмо молодого австрийского офицера (бывшего львовского студента) из Ново-Николаевского лагеря военнопленных, написанное 1 июня (19 мая) 1917 года, хранящееся в ЦДАВО Украины. Лев Дэмьдчук пишет, что «четырнадцать пленных украинских офицеров и десять представителей интеллигенции жили в лагере, в котором содержалось полтысячи других офицеров - немцев, венгров и славян, с которыми они сосуществовали в общем хорошо. Места пленники имели достаточно, лишь нелегко приходилось в деревянных слабоосвещенных бараках; летом было ещё ничего, а вот зимой холод и темнота давали о себе знать. Режим в лагере при Николае II был суровым, а при Временном правительстве стал ещё хуже. Обеспечение провиантом от раза к разу все более ухудшалось, а начальство, а особенно местное население, цеплялись к ним

буквально на пустом месте. Их объявляли «поджигателями», и апологетами старого строя, производили ревизии, искали амуницию, а местные вдобавок угрожали погромами. Всё упомянутое было безосновательно, поскольку военнопленные всей душой поддерживали революцию. Хотя, впрочем, две-три недели до того поступил приказ от начальника Омского военного округа об отделении украинцев от немцев, венгров и даже поляков, дабы те не имели на первых «тлетворного влияния». На тот момент, ввиду отсутствия на местах твердой вертикали власти военнопленные более зависели «от первого попавшегося унтер-офицера-«гражданина», который делает с нами, что вздумается». Зато появилась возможность подписки украинской периодики: «Нова Рада», «Украинскую жизнь», «Промінь» и «Шлях»». Пленные пребывали в приподнятом настроении и весьма сожалели, что и они не могут «приложить и своего труда при ковании лучшей доли для нашего, доселе угнетенного народа».⁷³ (Илл. 20. Лев Дэмьдчук с семьёй, 1935.⁷⁴).

После Октябрьской революции между группами пленных офицеров и солдат возникла напряженность. Вперёд вышла «классовая солидарность». Солдаты охотно шли на контакт с большевиками, начали создавать национальные партийные ячейки, открыто выявлять недовольство.

«И вот однажды к нам пришел красноармеец, его звали товарищ Пелва. Он был венгром. Он говорил, что Советская власть предлагает работу, хлеб и мир, но банкирам, промышленникам и помещикам ни в России, ни где-либо еще не нравятся такие

62 Там же.

63 Berichte über die Besichtigung...

64 Bülow Wilhelm. Durch Stachelndraht und Steppe... P. 153, 154

65 ГИТО. Ф. 3. Он. 77. Д. 217. Л. 7, 7 об. Д. 219. Л. 2, 2 об.

66 Berichte über die Besichtigung...

67 Bülow Wilhelm. Durch Stachelndraht und Steppe... P. 135, 136

68 Там же. P. 313

69 Там же. P. 144

70 Мороз В. Создатская судьба: бежал из российского плена через Монголию и Кумай. [Electronic resource] // 20 минут. URL: <https://te.20minut.ua/Nashe-mynule/soldatska-dolya-utikav-iz-rosijskogo-plenu-cherez-mongoliyu-y-kitay-10556383.html> (date of treatment 10.11.2021)

71 Knippel Robert. Hundert Werst jede Nacht! Fluchtatenteuer im Osten, Görlitz: Bokämpfer. 1936. 303 p. P. 67

72 Turbuly Éva. „Valami felfoghatatlan történet!...”

73 Личный архив Р. Захарченко

74 Там же.



предложения, равно как и то, что власть будет у рабочих и крестьян. Если Советскому Союзу удастся отстоять власть, то во всём мире победит народная революция. В Новониколаевске была сформирована венгерская рота численностью в восемьдесят человек <...> Мы много раз участвовали в боевых действиях против них. «Против белого террора наш ответ - красный террор», - сказал Ленин в те дни».⁷⁵

С установлением в декабре 1917-го Советской власти в лагере был сформированы вооруженные отряды революционных интернационалистов (в основном, из венгров и немцев). Уже 9 февраля они проявили себя при разгоне митинга на центральной площади, у кинотеатра Махотина, где горожане выступали за Учредительное собрание. Пролилась первая при новой власти кровь.

Тем не менее, очевидцы утверждают, «что обращение с военнопленными при большевистском правлении было намного лучше, чем то, которое они получали как при царском правительстве, так и позже в Сибири при правлении Колчака».⁷⁶

В апреле 1918-го в Москве прошёл съезд военнопленных- интернационалистов, объявивший войну своим собственным «империалистическим»

правительствам. К концу мая, к событиям бело-чешского переворота в Ново-Николаевске в интернациональном коммунистическом батальоне имени Карла Маркса числилось 410 бывших военнопленных и пулемётная команда.

Они были реальной боевой силой, их не смогли заставить врасплох, и бывшие солдаты под командованием комиссара городской Красной гвардии Семёна (Самуила) Гершевича смогли оказать восставшим сопротивление. Бой проходил в военном городке, через пару часов сопротивление интернационалистов было сломлено (7 погибших среди мадьяр и 2 у чехо-словаков, но самому Гершевичу с десятком мадьяр удалось отступить из города к югу, в Бердск и далее. Далее интернационалисты на стороне красных принимали участие в боях под Черепаново, Каргатом, Татарском. Вот фотография торжественного захоронения умерших товарищей. Судя по одежде, на фото не конец мая, но захоронение явно массовое. (Илл. 21. Похороны заключенных товарищей. 1918.)⁷⁷

Брестский договор, заключенный советским правительством в марте 1918-го, предусматривал освобождение всех военнопленных, но те вовсе не стремились к возвращению на родину,

поскольку германское командование практиковало отправку вернувшихся на Западный фронт.

Уже после падения Советской власти, чехи также стали мобилизовать в свой корпус поляков и славян, находившихся в плену. По России и в Сибири возникают объединения военных, выступающие за войну до победного конца для освобождения «от немецко-мадьярского ига». Были созданы румынский легион, польская дивизия, сербские партизанские отряды. Но такое желание было не единым, в частности в Ново-Николаевке на собрании в Военном городке зимой 1918 года в этом вопросе произошёл конфликт. По воспоминаниям Спартанской (Литвинки), пленные и беженцы поляки «отказались воевать с большевиками-красноармейцами» и сбросили с трибуны «толстопузого» оратора, призывавшего с оружием в руках перейти через границу из России в Польшу. «Тогда были вызваны колчаковцы, карательный отряд и держали этих большевиков-поляков на морозе, пока у них ноги не отмёрзли и всё время их били. Могила братская этих поляков... находится на берегу Оби за Ельцовкой в бору».⁷⁸

В лагере порядки стали строже, вольных военнопленных собирали об-

ратно в бараки, в ответ на недовольство стал практиковаться расстрел. В бараках активно работали русские революционеры, снова создавались большевистские организации военнопленных, которые согласно данным контрразведки, вместе с местными большевиками готовили восстание. Им выделялись значительные денежные средства.

В Ново-николаевском военно-историческом клубе имеется копия донесения колчаковской контрразведки о результатах обыска у члена партии большевиков в феврале 1919 года: «У Болтровского в квартире на балке под потолком найден сверток, в коем оказались деньги в сумме 66 000 рублей и по 1000 руб. кредитными билетами, в середине пачки этих денег лежала записка, с распределением сумм, разосланных для партийных целей. В города Новониколаевск 20 000 рублей... Барнауд... Красноярск... Иркутск... Омск... в лагерь военнопленных 20 000 рублей... Всего 222 тыс. рублей».⁷⁹ Как видите, 1/10 часть партийных денег Сибири направлена в лагерь военнопленных. Зачем? Явно, не пончики покупать.

В конце 1918 года военнопленные инвалиды из лагеря были отправлены в Германию, большая часть пленных эвакуирована в Красноярск, вместо них разместили польских легионеров, воевавших на белых. 25 декабря Городская дума рассматривает вопрос «по оказанию помощи возвращающимся военнопленным»: «Необходимо принять во внимание то, что все приходящие военнопленные почти разуты и раздеты, в невыносимо грязном белье и некоторые даже вовсе без последнего, поэтому нужно опасаться, что если мы не примем мер, то военнопленные могут послужить рассадником тифа по уезду. Следовательно, необходимо оказать им помощь: а/ питаниям, б/ теплой одеждой и в/ перевозкой. Выяснилось, что на ст. Новониколаевск и соседних станциях: Каргат, Коченево, Чик, Дупленская, Сокур, Мошково, Ояш, Бердск и Евсино высадится для следования в уезд, а также и в соседние уезды минимум 7000 человек, которых нужно накормить и снабдив их теплыми вещами, отправить дальше гужевым путем. Постановили: На перечисленных 9-ти ж. станциях устроить остановочные пункты, на которых иметь теплую одежду для перевозки в ней военнопленных. На

крупных станциях учредить медицинские пункты».⁸⁰

О положении в зиму 1918/19 годов мы узнаём из письма Коменданта лагеря военнопленных в Ново-Николаевске Рудольфа Хердтля в Вену, в ассоциацию родственников. «Зима была необычайно холодной, российская администрация дров доставляла недостаточно, поэтому пришлось закупить 300 сажень дров. Самочувствие в лагере неплохое. Сыпной тиф пока что в лагере случается редко, хотя в городе это обычное дело. В течение 6 месяцев среди офицеров не было смертей: к сожалению, случаи смерти среди рядовых были не редкостью, в основном из-за недостаточного отопления больницы. Обо всех случаях смертей сообщается датской делегации. Ситуация с питанием пока неплохая. Цены высоки и значительно выросли в последнее время, но благодаря заботе датской делегации до сих пор можно было очень хорошо кормить офицеров и солдат. Офицерам закупулось на обед и ужин в среднем на 50, а сейчас 60 рублей в месяц; для рядовых добавлялась сумма около 6 рублей на человека. Недавнее повышение цен затруднило общественное питание, тем более что датские субсидии, вероятно, прекратятся.

Финансовое положение военнопленных очень тяжелое. Цены на все предметы просто бешеные. Однако команды, работающие в частных компаниях, получают высокую заработную плату и не страдают от лишений. Тем хуже положение других команд, которые ничего не зарабатывают. Офицеры не могут прожить зарплату в 50 рублей и датское пособие в 50 рублей. Многие зарабатывают в составе офицерского оркестра, другие - на сигаретных пробках и склейке гильз. Работа по дереву, живопись, проведение уроков; но доходы сомнительны и зависят от обстоятельств. Датский грант вряд ли появится в мае. Есть перспектива увеличения (удвоения?) Российской пошлины.

Всё неопределённо! Я беру на себя смелость подчеркнуть, что снабжение лагерей деньгами имеет первостепенное значение и что этот вопрос необходимо снова и снова поднимать в соответствующих кругах у себя дома». Ну, и т.д. Не хватает обуви, одежды. Плохо с почтой. «Мы, военнопленные, почти потеряли из виду все невзгоды вокруг нас. Но когда,

как сейчас, когда раздаются пожертвования, все пленные толпами обрушивается на него, сердце содрогается от образа безмерной беды».⁸¹

Документ из Австрийского военного архива. В Ново-Николаевске «к январю 1918 года можно получить все, хотя и дорого. Помощи нет. Питание от русских несъедобное, плохое: рыбный или травяной суп и каша. Позже мы улучшили его с помощью субсидии, но все еще недостаточно и съедобно».⁸²

В стране война. А, говоря об офицерском питании в 100 рублей в месяц, для понимания в декабре 1918-го - это 100 кг пшеничной муки в рыночных ценах. Бешеная инфляция ещё впереди.

В ноябре 1918-го, после капитуляции Германии и фактического окончания Первой мировой войны «в Ново-Николаевске русские просто отказались от права командования лагерем после заключения мира. В течение двух-трех дней заключенные могли свободно передвигаться, затем организованные военнопленные взяли на себя власть...вооружившись оружием, они охраняли офицеров гораздо строже, чем это случалось до сих пор».⁸³ Были планы эвакуации пленных водным путём, вниз по Оби и Енисею, но они так и не состоялись.

В 1919 году из бывших военнопленных германской и австро-венгерской армий всё-таки была создана 5 польская дивизия первоначальной численностью около 8000 человек. Она дислоцировалась в Ново-Николаевске и заняла часть казарм военного городка и бараков лагеря, имела свою библиотеку, выпускала войсковую газету «Żołnierz Polski» («Солдат Польши»). В годовщину Грюнвальдской битвы «Польский солдатский театр» поставил спектакль под открытым небом по роману Г. Сенкевича «Крестоносцы». Постановщику Чеславу Кадену за это было присвоено звание подпоручика. (Илл. 22. После спектакля в честь Грюнвальдской битвы.)⁸⁴

Также дивизия имела очень серьёзную контрразведку, крушащую как русское большевистское подполье, так и своих заговорщиков, шпионов и агитаторов. «Несколько раз на сахарном заводе (возле интендантских складов за городом) расстреливали солдат за участие в тайных большевистских организациях».⁸⁵ Вспоминают о таких «чистках» и местные

⁷⁹ Личный архив П. Ладыгина

⁸⁰ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 289. Л. 3, 3 об

⁸¹ Weiland Hans, Kern Leopold. In Feindeshand... Band 2. 478 p. P. 382

⁸² Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7-579, Heimkehrberichte, P. 64. Цум no: Wurzer Georg, Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte... P. 428

⁸³ Там же. P. 64. Цум no: Wurzer Georg, Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte... P. 434

⁸⁴ Archiv Dalibora Vácha [Electronic resource] // Dalibor Vácha. URL: <https://vacha0.wixsite.com/dalibor-vacha> (date of treatment 14.11.2022)

⁸⁵ Dyboski R. Siedem lat w Rosji i na Syberji... P. 119, 120



большевики. В частности, А.В. Бердникова пишет, что в лагерях создавались секции интернационалистов, в частности польская: «Польские товарищи встали в ряды отрядов Красной Гвардии и Красной Армии... создана разветвлённая сеть подпольных групп в частях 5-й дивизии. Выступление в 4 полку, где была одна из крупных групп подпольщиков, произошло вне связи с другими частями. (Солдаты отказались выполнять приказ о выступлении из Новониколаевска, арестовали офицеров, надеясь поднять весь полк, а затем и другие части на восстание. Польское командование, окружив полк надежными частями, разоружило его. Многие были арестованы, организаторы расстреляны... Волнения в польских войсках не прекращались. В лесу за 2-й Ельцовкой, наряду с большевиками Новониколаевска, подвергались расстрелу немало польских товарищей. В одной из частей, отказавшихся летом подчиниться приказу о выступлении против восставших крестьян, было расстреляно свыше 60 польских солдат».⁸⁶ Большевики в основном проникали к уланам и артиллеристам, среди которых был немалый процент солдат русской армии. 4-й польский полк (вскоре расформированный) зачастую так и называли – «советский».

Польская дивизия под командованием бывшего офицера русской армии полковника Казимира Румши, выступавшая на стороне белых, осталась известна в истории Сибири своими карательными акциями, как против своих, так и против

рабочих. Такие свидетельства оставили и революционеры и органы власти. Так, Новониколаевская милиция сообщает о расстреле польским отрядом под предлогом бунта и неподчинения 50 чел. в июле 1919-го. «...Белополяки зверски расправлялись с рабочими, забирали рабочих на улице, в столовых, зачастую только по признаку одежды».⁸⁷

На них жаловались даже союзники: «Очень много жалоб на безобразия и насилия, чинимые польскими войсками в районе Новониколаевска... польское хозяйничанье особенно для нас обидно: чехам мы все же обязаны, и часть их дралась вместе с нами за общее дело; польские же войска создались у нас за спиной из бывших пленных и наших поляков, взявших с России все, что было возможно, а затем заделавшихся польскими подданными и укравшихся от всяких мобилизаций и военных неприятностей в рядах польских частей».⁸⁸

Чехословацкий генерал Радола Гайда говорит: «служащие в сербских, а главным образом, в польских легионах добровольцы за небольшими исключениями видели в службе способ обеспечения своего существования и удобный случай для ведения торговли».⁸⁹ Из своих военных экспедиций поляки возвращались с добычей: привозили в город скот, привозили домашний скраб и все это распродавали на базаре. Солдаты оправдывались тем, что учатся на примере «русских криминальных экспедиций – убивают, сжигают, разрушают и, главное, гребут не хуже, чем сами москаль».⁹⁰

И вот наступает следующая зима, решающий декабрь 1919. Тот же Рудольф Хердтль пишет: «1919 год. За несколько дней до Рождества. Ново-Николаевск на Оби. Чистый ледяной воздух стелется над бескрайней равниной. Грани вспыхивают и блестят вдали под сияющим морем света этого мирного неба. Все такое светлое и радостное, такое цветное и прозрачное. Так тихо лежит город среди мерцающей белизны со множеством, множеством деревянных домиков. Почти неподвижно они посылают дым к небу. Счастливая страна! Летом эти обширные пространства изобиловали самыми пышными плодами, достаточными, чтобы накормить полмира. Но человек вселяет в него ужас. Будь то «белый» или «красный», вот в чем дело... С ужасом в 1918 году был свергнут красный террор. Кровью и ужасом была укреплена новая власть, теперь возвращается красная волна, страшно сильная, властная, спасение мира, свобода, равенство, – большевизм... (и т.д. – КГ). Около тысячи нас военнопленных жило тогда в Ново-Николаевске в хороших условиях, обеспеченные деньгами благодаря нашей работе, озабоченные транспортировкой на восток, но не опасаясь красной волны, которая дает нам надежду на окончательное открытие пути на запад...

Волна беженцев идет по стране и по городу. Но в каждом доме он дышит своим ядовитым дыханием и страшной чумой. Сыпной тиф в каждой семье. В лагерь волна ежедневно выбрасывает новые толпы людей, которые здесь из деревень, из городов, из убежищ и войск, чтобы спрятаться,

пока не закончится волна. Штат лагеря внезапно увеличивается с 1000 до 2000, 3000, 4500. Где они найдут место? Польские войска разгромили использованную ими часть барачков, вывезли двери, окна, стены, полы для расширения своих транспортных поездов. Мы при необходимости восстанавливаем наименее захваченные барачки, отапливаем их досками из других барачков.

Теперь и болезнь в лагере. Наш небольшой аварийный госпиталь на 30 коек в спешке расширяется до 400 коек. Застрявший в Ново-Николаевске американский вспомогательный поезд попадает, так сказать, в наши руки... Ежедневно чума требует своих жертв среди бедняг, которые так близки к желанной свободе. Из замерзшего поезда далеко от города мы спасаем в лагерь нескольких полузамёрзших, голодных товарищей. Но смерть забирает у нас и одного из них, молодого прапорщика.

Наконец поток беженцев иссяк. Почти внезапно. Отчаянные оставшие все еще гонятся по городу, последние верные уходящему правительству взрывают могучий мост Оби в двух местах. На кладбищах расстреливают арестованных, которых уже невозможно содержать. В течение нескольких часов город безлюден; только чума держит свое черное крыло над бедным городом, не заботясь о «белом» и «красном», и насмешливо ухмыляется над сверкающей в последних лучах солнца землей.

Потом в город въезжают первые красные всадники, утром на ратуше развевается красный флаг. В лагере первого «комиссара» встречают с ликованием, несколько пулеметных очередей разлетаются по барачкам при прохождении планеров – двое легко ранены... но теперь свобода здесь, и возвращение домой – самое блаженное Рождество...»⁹¹.

Но концлагерь не может пустовать. И вскоре приходят новые пленные белогвардейцы. «Это стада людей, которые неделями голодали и мерзли, оборванные, с ключьями на ногах, руках и голове, — это теперь выливается в широкие казарменные здания перед нашим лагерем, на 40 000 человек. Поезд из примерно 2000 человек тащится в наш лагерь, в барачки без дверей и окон. Бесшумно толпа вталкивается в деревянные хижины. Какой холод, голод и смерть! Просто наконец-то есть тихое место, чтобы умереть! Новое правительство не справилось со всем этим, не в состоянии обеспечить достаточное количество продовольствия и дров для этих бедняг. Голодные добираются и до нашей лагерной кухни, и их нужно прогнать. Их слишком



много, и все они полны ужасающей чумы.

Великая смерть. Мертвых просто бросают перед казармой, перед барачком, крепко замораживают в том положении, в каком они умерли. Жадные люди стаскивают с тел последнюю одежду и сапоги. Изредка сани везут груды трупов на близлежащее кладбище, где уже где-где возвышаются тысячи и тысячи гор, высотой с дом. Болезнь оставалась сдержанной в лагере, но за шесть недель умерло более двухсот бедных товарищей.

Как бы для того, чтобы придать трагедии кульминацию, новое правительство 20 декабря отменяет все оборотные деньги белого правительства. Сухой приказ, две строчки, как в оперетте, – фантастически-идеалистический удар по капиталу, но наносились эти удары по бедным, голодающим, больным и умирающим. В канун Рождества в лагере на каких-то жалких деревьях висели многие тысячи колчаковских купюр. Философия «блаженного Августина», но ликование новой властью было убито.

Вокруг лагеря в эти дни тянулся кордон с солдатами и колючей проволокой. Ни внутри, ни наружу... И постепенно дома и барачки опустели, буквально вымерли, но на кладбище чудовищно выросли горы трупов, которые, наконец, после оттаивания земли, были закопаны долгим трудом....

Таким было наше Рождество в Сибири в 1919 году. Мы прошли через все это с содроганием и стали жесткими. Но история человечества идет своим путем, продолжая писать книги, и продолжает писать книги с золотыми краями о величии человека и человеческой культуры».⁹²

Плюс страшнейшая эпидемия тифа среди гражданского населения, русских солдат, унёсшая десятки тысяч жизней. «Вскоре похоронить мертвых стало уже

невозможно. Были предприняты попытки убрать трупы, собирая их вместе и даже запикивая в кирпичную печь, чтобы сжечь. Это не удалось. Затем рядом с кладбищем военнопленных была вырыта могучая братская могила, и здесь полусгоревшие трупы клали, залили известью и закопали. Эти два кладбища, в которых было похоронено не менее 15 000 погибших, являются ужасным напоминанием об ужасах войны и гражданской войны».⁹³

Для поляков, воевавших на стороне белых, всё кончилось тоже печально. Дивизия Румши была разбита, большая часть её капитулировала, солдатам гарантировалась личная неприкосновенность. ЧК активно работала по выявлению «контрреволюционеров», грабителей, выискивала офицеров. Пленные снова заполнили лагерь.

Часть дивизии (120 офицеров и 800 солдат) во главе с самим Румшей смогли через Иркутск добраться до Харбина, и 1 июля 1920 г. на английском корабле «Ярослав» прибыли в Гданьск. Начавшаяся советско-польская война привела к массовым арестам и репрессиям против бывших польских солдат в СССР – от нового заключения в концлагерь до быстрого расстрела.

Комиссия по репатриации военнопленных начала работать в 1921-м году. Но и немцам уехать домой теперь оказалось не так просто. Советская власть планомерно работала. Ещё в апреле 1920-го при Сиббюро ЦК РКП(б) было создано Немецкое областное бюро, в задачи которого входила не только, и даже не столько пропаганда среди военнопленных, но и работа среди немецких крестьян, агитация по сдаче хлеба, вербовка добровольцев на польский фронт. Власть стремилась удержать в России часть иностранных коммунистов, подготовить из них своих агитаторов на

86 ГАНО. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 276. Л. 9-10об. 11-14

87 Островский Л.К. Польские военные в Сибири (1904-1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. Ноябрь. С. 88-92

88 Буоберг А. Дневник белогвардейца (качкавская эпопея). Новосибирск: Новосибирское книжное издательство. 1991. 400 с. С. 307

89 ГАНО. Ф. П-5а. Оп. 4. Д. 1524. Л. 420

90 Dyboski R. Siedem lat w Rosji i na Syberji... P. 124

91 Weiland Hans. Kern Leopold. In Feindeshand... Band 1. 456 p. P. 171, 172

92 Weiland Hans. Kern Leopold. In Feindeshand... Band 2. 478 p. P. 382, 383

93 Moller Andreas Peter. Kriegsfangernes skæbne. 1926. 06 Juli.

территории Германии для осуществления идеи экспорта революции на запад. В июне 1921-го ЦК РКП(б) издал постановление по которому иностранные коммунисты объявлялись мобилизованными, ответработники из числа военнопленных могли выехать домой только с согласия ЦК РКП(б). В списках уезжавших должен был быть указан их точный адрес в Германии. (Илл. 23. Мадьяры, партизаны отряда Сухова⁹⁴).

Многие интернационалисты уже успешно освоились в партизанских отрядах, советских карательных частях, частях особого назначения, занимались изыманием у крестьян хлеба, потом стали членами партии, занимали ответственные должности, и уже не хотели возвращаться на родину. Венгерские коммунисты даже издавали в Ново-Николаевске газету «Коммунизм» на родном языке. Многие завели семьи, дом, получили паспорта на фамилию жены.

Вот регистрационная карточка австрийского военнопленного Франца Сайдела. 1921 год. Проживает на Петроградской, 172. (ныне Ленинградская). Зарегистрирован на бирже труда. (Илл. 24. Регистрационная карточка австрийского военнопленного. 1921.⁹⁵).

Только 27 марта 1922-го Сиббюро ЦК разрешило всем бывшим военнопленным вернуться на родину, и то не всем. Почти всех невозвращенцев ждала волна репрессий 1930-40 годов.

В 1925 году между СССР и Венгрией также было достигнуто соглашение о выезде на родину венгерских военнопленных и членов их семей. Его порядок прописывался циркуляром НКВД № 169 от 24 марта 1925 года.

На сибирской земле остались могилы нескольких тысяч военнопленных. Точного их местонахождения определить уже вряд ли возможно. Вопрос это стоял и среди задач германского консула Георга Гросскопфа, работающего у нас в 1920-30-х годах. Он разыскивал списки умерших и похороненных военнопленных, а также места их захоронения. «По имеющимся в Германском консульстве сведениям в Ново-Николаевске похоронены около семи сот солдат германских военнопленных, скончавшихся в местном военном госпитале»⁹⁶ (Илл. 25. Запрос немецкого консульства. 1923.⁹⁷).

На его официальные запросы было отвечено, что с приходом Советской

⁹⁴ Немцы, австрийские и другие военнопленные в Красной Армии. [Электронный ресурс] // Студия «Сибирь». URL: <http://www.siberian-miniatures.ru/forum/showthread.php?fid=12&tid=373> (дата обращения 14.11.2021)

⁹⁵ Регистрационная карточка австрийского военнопленного. 1921. [Электронный ресурс] // Antique Photos. URL: forum.antique-photos.com/topic/3423-registratsionnaya-kartochka-avstriyskogo-voenoplennogo-v-sssr-1921-g (дата обращения 15.11.2021)

⁹⁶ ГАНО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 14. Л. 26

⁹⁷ Там же. Л. 79

Илл. 24. Регистрационная карточка австрийского военнопленного. 1921

7843. *4. Waffe 4. Klasse*
Регистрационная карточка
 № Военно пленного *Австрийского* подданного
 Фамилия *Сайдел*
 Имя *Франц*
 Отчество
 Возраст *20* национальность *ав. немец*
 Образование *Среднее*
 Специальность *Строит. професс.*
 Местожит. до войны
 Государство *Австрия*
 Уезд *гор. Райхенбург*
 Вол. *дир.*
 Холост. женат *женат* адрес:
 При нем наводятся
 В каком полку служил до плена
 Звание *с-р Унтер-офицер*
 Когда попал в плен и где
1916 г. 30 января на Волчанске
 Чем занимается в настоящее время и сколько зарабатывает
 Местожителство в плену
Ново-Николаевск
Регистр. № 172

Илл. 25. Запрос немецкого консульства. 1923

79 *133*
 Германское Консульство г. Ново-Николаевск, 14-го ноября 1923 г.
 В отношении от 13-го ноября за № 8072.
 Выражая Отделу Управления Сибревкома свою благодарность за сообщение Консульству сведения о месте погребения германских военнопленных, умерших в Ново-Николаевске при Колчаке, Консульство честь имеет покорнейше просить Отдел Управления Сибревкома, не отказать в наведении справок о том, где похоронены германские военнопленные, умершие в Ново-Николаевском военном госпитале при бывшем царском правительстве. Имевшиеся в Консульстве списки относятся именно к этому периоду. В упомянутых списках указаны умершие, начиная с апреля 1915 г. до июня месяца 1916 г. За позднее время в Консульстве списков умерших не имеется, а поэтому Консульство было бы весьма признательно Отделу Управления Сибревкома за предоставление Консульству списков умерших и похороненных в Ново-Николаевске германских военнопленных при временном правительстве и при Колчаке.
 Германский Консул.
Гросскопф
 Отдел Управления Сибревкома
 Ново-Николаевск.

Илл. 27. Требование регистрации бывших германских военнопленных. 1926

В. С. Р.
 ВОЕН СЕЛЬСОВЕТАМ. - *3*
 В следствие распоряжения Ново-Николаевского ОДО от 21/1-22 № 7236, Райисполком вторично приступил к учету бывших германских военно-пленных/иностранцев/ поэтому всем сельсоветам предлагается с полудня 28-го ноября 1926 года немедленно явиться в РИК, для регистрации всех проживающих в Вашем сельсовете бывших германских военно-пленных/иностранцев/ Если же в Вашем сельсовете упомянутых военно-пленных нет то об этом не позднее 28-го февраля довести РИК'у.
 Предрайисполкома
 Секретарь *Сидоров*

власти все концентрационные лагеря бывш. военнопленных были распущены и всем им было предоставлено свободное проживание на территории РСФСР на одинаковых с русскими гражданами основаниях. Поэтому установить место погребения умерших при Советской власти указанных граждан не представляется возможным. Что же касается места погребения бывш. военнопленных при Колчаке, то из произведенного тщательного расследования выяснилось, что военнопленные вообще и германские подданные в частности хоронились в бывшем при Колчаке концентрационном лагере военнопленных в Закаменском районе за военным городком в конце Артиллерийский улицы, а также и на новом общем городском кладбище в Ипподромском районе в конце улицы Крылова и Карамзина по Каменной дороге»⁹⁸ Это окрестности Закаменского кладбища (ныне сквер Воинский) и парка Березовая роща. На месте могил был даже установлен памятник, но его точное место вновь было потеряно. (Илл. 26. Памятник на месте захоронения германских военнопленных. 1928.⁹⁹).

Андреас Мёллер, член ассоциации бывших участников войны писал в 1926-м: «Я стою с секретарем консульства Германии Хюбнером на этом большом печальном кладбище. Холм за холмом, частично украшенные маленькими простыми деревянными крестами, но почти все без названия. Меланхолические мысли возвращаются к долгим и трудным годам плена, и благодарность

⁹⁸ Там же. Л. 80

⁹⁹ Weiland Hans, Kern Leopold. In Feindeshand... Band 2. 478 p. P. 388

100 Møller Andreas Peter. Krigsfangernes skæbne. 1926. 13 Juli.

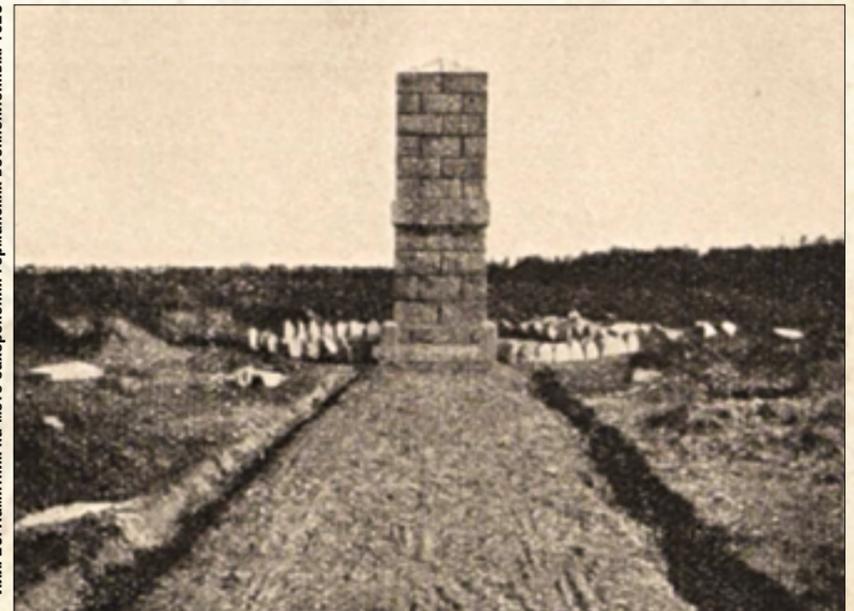
101 Møller A. P. Den ukendte Soldat // Aarbog 1941. Udgivet af Foreningen af dansksindede sonderjyske Krigsdeltagere / ved Johs, Clausen H. Hunger A. P. Møller N. Petersen-Hokkelbjerg. Aabenraa: Trykt i

Hejmdal's Trykkeri. 1941. 95 p. P. 86-88

102 ГАНО. Ф. Р-1899. Оп. 1. Д. 91. Л. 3

103 Там же. Л. 7

Илл. 26. Памятник на месте захоронения германских военнопленных. 1928



мы уже отмечали, далеко не все решили получить дорожные деньги и вернуться на родину.

Репатриацией польских военнопленных в 1921 году занималась Российско-Украинско-Польская смешанная комиссия, которой удалось спасти от расстрела многих соотечественников. Части их (работающим на селе, квалифицированным специалистам, интеллигенции) удалось выехать домой в 1921–1922 годах, после заключения Рижского мира и подписания соглашения о репатриации.

В книгах ЗАГСов начала 1920-х встречаются и неизвестные теперь названия кладбищ: Гарнизонное, Солдатское, Братское, Дальнее. Их местонахождение, возможно, никогда и не удастся восстановить. Так, в 1997 делегация австрийского Чёрного креста занималась розыском захоронений своих пленных солдат, была даже составлена их примерная схема, но в результате памятный знак им установили на Заельцовском кладбище, которое было создано только во время Великой Отечественной войны. (Илл. 28. Памятник австрийским военнопленным на Заельцовском кладбище. 2020 год. Фото автора).

Автор выражает благодарность за помощь: Липатниковой Наталье, Хрящеву Сергею, Захарченко Роману.

Илл. 28. Памятник австрийским военнопленным на Заельцовском кладбище. 2020 год. Фото автора



СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Baginski H. Wojsko Polskie na Wschodzie. 1914–1920. Warszawa, 1921. 598 p

Букин С.С., Долголюк А.А., А.И. Савин А.И. Военнопленные в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.] Новосибирск: Институт истории СО РАН. Историческое наследие Сибири. 2009. Т. 1. А-И. 716 с.

Зиновьев. В.П. Цены на продукты

потребления в Томске в 1862–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429 апрель.

Масярж В. Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.): Автореф. дис. д-ра ист. наук. Иркутск, 1995.

Познанский В.С. Очерки истории вооружённой борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск: Наука. 1973. 307 с.

Россия. Военное министерство. Систематический сборник приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного штаба ... / [соч.] Косинского. – СПб., 1885–1900. Второе дополнение к 3-му изданию: За время с 1 января 1898 г. по 1 января 1900 г. СПб. Изд. В. Березовского. 1900. 723 с, прил. 484 с.

REFERENCES

Baginski H. Wojsko Polskie na Wschodzie. 1914–1920. Warszawa, 1921. 598 p

Bukin S.S., Dolgoljuk A.A., A.I. Savin A.I. Voennoplennye v Sibiri // Istoricheskaja jenciklopedija Sibiri: [v 3 t.] Novosibirsk: Institut istorii SO RAN. Istoricheskoe nasledie Sibiri. 2009. T. 1. A-I. 716 s.

Zinov'ev. V.P. Ceny na produkty potreblenija v Tomske v 1862–1917 gg.

// Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 429 april'.

Masjarzh V. Poljaki v Vostochnoj Sibiri (1907–1947 gg.): Avtoref. dis. d-ra ist. nauk. Irkutsk, 1995.

Poznanskij V.S. Oчерки istorii vooruzhjonnoj bor'by Sovetov Sibiri s kontrrevoljuciej v 1917–1918 gg. Novosibirsk: Nauka. 1973. 307 s.

Rossija. Voennoe ministerstvo. Sistematscheskij sbornik prikazov po Voennomu vedomstvu i cirkuljarov Glavnogo shtaba ... / [soch.] Kossinskogo. – SPb., 1885–1900. Vtoroe dopolnenie k 3-mu izdaniju: Za vremja s 1 janvarja 1898 g. po 1 janvarja 1900 g. SPb. Izd. V. Berezovskogo. 1900. 723 s, pril. 484 s.

«СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ГАЗЕТ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. НА ПРИМЕРЕ «LE FIGARO» И «МОСКОВСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Comparative analysis of the advertising policy of Russian and European newspapers in the late XIX – early XX century

Как в России, так и в Европе, газета была способом привлечения широкой аудитории, а для периодических изданий частные объявления зачастую были основным источником дохода. В России первая печатная газета, ориентированная на массового читателя, начала издаваться в 1728 г. («Санкт-Петербургские ведомости»); в ней регулярно печатались объявления частных лиц. А уже к середине XIX в. окончательно сформировался речевой жанр рекламных печатных объявлений¹. Что касается городских газет, их появление и становление зависело от развития городов – это относится и к столицам, и к провинциям.

Историографическая база исследования является не столь большой по той причине, что написано довольно мало исследований, направленных именно на сравнение рекламы в российских и зарубежных газетах. Однако на данный момент в большом обилии представлены исследования, посвящённые рекламе в российских газетах, они появились в постсоветский период и с каждым годом их количество растёт. Таким образом, целью данного исследования является изучение особенностей рекламной политики европейских (французских) и российских газет.

В данном исследовании газеты для сравнения были выбраны не случайно, ведь газеты «Le Figaro» и «Московские губернские ведомости» являлись крупнейшими печатными изданиями в своих странах. Именно на страницах этих газет было опубликовано достаточно рекламы, тем самым они выполняли роль своего рода рупора рекламы.

Газета «Le Figaro», выпускающаяся с 1826 г. по настоящее время – это старейшая ежедневная французская газета. Она основана в Париже и получила своё название в честь героя пьес французского драматурга Бомарше – Фигаро. До 1854 г. в газете публиковался материал сатирического содержания, в 1854 г. же Ипполит

де Вильмессан возродил газету, публикуя в ней скандальный материал о жизни парижан (анекдоты и «сплетни»). До сих пор газета является одним из самых читаемых печатных изданий во Франции.

Газета «Московские губернские ведомости» выпускалась в Москве с 1756 по 1917 г., она является одной из старейших газет в Российской империи. Платные казённые и частные объявления гражданско-правового характера являлись главным источником дохода и первое время составляли основное содержание газеты. В 1840–1850 гг., когда редакторами являлись Е.Ф. Корш и М.Н. Катков, стала ведущей либеральной литературной и общественно-политической газетой.

Во Франции на период рубежа XIX–XX вв. приходится так называемый апогей периодической печати. Количество выпускаемых журналов в столице выросло в 5 раз, а в провинции – в 13. Стремительному развитию французской периодической печати способствовали различные факторы: социально-экономические, политические, правовые и технико-технологические. Среди них стоит выделить усиление экономической взаимосвязи между правящими державами, благодаря которому происходил обмен опытом. В качестве примера можно рассмотреть заимствование европейской периодической печатью американского опыта реппу press, где увеличение тиража издания достигалось путём максимального снижения цены при ориентации на массового читателя².

Здесь можно проследить преемственность между европейской и американской периодической печатью. И, конечно, необходимо упомянуть закон о печатной 1881 г., который был направлен на устранение мер, направленных на ограничение публичного выражения мнения в какой-либо форме (это могут быть книги, газеты, журнала, афиши, гравюры и т.д.)³. Таким образом, французская пресса активно развивалась в этот период.

Геворкян Ануш Артаваздовна – студентка факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета, РФ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 e-mail: anushgevorokyan71@mail.ru

Аннотация: В конце XIX – начале XX в. в периодической печати всё чаще и чаще можно было встретить различные рекламные объявления. В работе будут проанализированы и сравнены особенности рекламных объявлений в таких российских и зарубежных газетах, как «Московские губернские ведомости» и «Le Figaro». Автор приходит к выводу о том, что происходит дублирование рекламных приёмов, а порой и информации: российские газеты дублируют рекламную политику зарубежных. Европейские газеты будут рассматриваться на примере французских, так как именно во Франции в конце XIX – начале XX в. наблюдался всплеск периодической печати.

Ключевые слова: реклама, газета, периодическая печать, рекламные объявления, российские газеты, французские газеты.

Gevorkyan Anush A. – student of the faculty of historical and political sciences of the National Research Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia e-mail: anushgevorokyan71@mail.ru

Abstract: At the end of the XIX – beginning of the XX century. in the periodical press, various advertisements could be found more and more often. The work will analyze and compare the features of advertisements in such Russian and foreign newspapers as «Moskovskie provincial vedomosti» and «Le Figaro». The author comes to the conclusion that there is a duplication of advertising techniques, and sometimes information: Russian newspapers duplicate the advertising policy of foreign ones. European newspapers will be considered on the example of French ones, since it was in France at the end of the XIX – beginning of the XX century. there was a surge in periodicals.

Keywords: advertising, newspaper, periodicals, advertisements, Russian newspapers, French newspapers.

¹ Тарасова К.П. Генезис жанра рекламного объявления в XIX веке (на материале российских газет) // Вестник Московского государственного областного университета. Русская филология. Москва, 2019. №3. С. 51.

² Ключицина Е.В. Особенности французской периодической печати конца XIX – начала XX века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №61. С. 125.

³ Ключицина Е.В. Особенности французской периодической печати конца XIX – начала XX века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №61. С. 126.

Что касается ситуации России, конец XIX – начало XX в. характеризуется скачком в индустриализации и экономическим ростом страны. В этот период с развитием общественно-политической жизни, капитализацией в различных сферах деятельности, а также с появлением технических инноваций в процессе печати происходит активный рост как количества, так и разнообразия периодической печати⁴. На рубеже XIX–XX вв. в России происходит процесс, который среди современных исследователей принято называть «коммерциализацией» прессы. Этот процесс отражает социально-экономические преобразования 1890-х гг. и заключается в превращении газетного дела в доходную отрасль. Так, с этого периода выпуск газет стал приносить владельцам прибыль, периодические издания стали восприниматься в качестве коммерческого дела, однако для этого важно было и верное представление об общественных запросах⁵.

Итак, в данный период на первый план выступает информирующая пресса, так как издатели поняли, что для завоевания аудитории нужно поставлять наиболее полную информацию. Таким образом, политическая информация в газетах уступает место материалам общего и развлекательного характера: в газетах печатают лотереи, проводят конкурсы. И, что важно, увеличился удельный вес рекламы, что приводит к увеличению объёма газет до 8–12 страниц против обычных 4-х в 1870–1880 гг.

Сначала рассмотрим газету «Le Figaго», после чего сравним ее с газетой «Московские ведомости». Так, в выпуске за 17 февраля 1885 г. французской газеты уже на третьей странице можно заметить рекламные объявления. Среди них публикация меню на ужин в некоем Гранд Отеле; Казино, которое сдаётся в аренду; больше всего внимания привлекает объявление о капсулах Raquin (сразу оговаривается, что они одобрены Парижской академией медицины). Нельзя не обратить внимание и на объявление, на котором изображён мужчина с больной ногой, рядом с ним написано о подагре и ревматизме, также написано имя мужчины и тот факт, что он снят на плёнку. А под именем написано «Vin Duflo Surnemné le Vin de Quinquina des Goutteux», что переводится, как «вино Дюфло по прозвищу Квинквина де Гутто». И далее идёт описание этого средства, где говорится о немедленном облегчении после принятия, о том, что нужно принимать по стакану за

каждый приём пищи, а также о том, что это средство продаётся во всех аптеках для полного выздоровления. Довольно неоднозначно воспринимается тот факт, что вино считается средством, которое лечит. Сразу под этим объявлением указано другое лекарственное средство, а именно льняное семя Тарин, которое тоже представлено во всех аптеках. Таким образом, мы видим, что однородные объявления редакция объединила не просто на одной странице газеты, но и в одной специально отведённой для этого части. Или же можно предположить, что у этих средств единый производитель, который купил рекламу в газете.

Последняя страница газеты посвящена всевозможным объявлениям: о курсах английского языка; о новостях из области спорта (в данном случае – конного); о программах в театрах и так далее. Зачастую объявления очерчены границами, большими заглавными буквами написано первое слово, словосочетание или же строчка. Особо привлекают внимание два объявления от книжной Blous et Bagral: первое из них «La loire et l'est», что в переводе означает «Светит на Восток», под авторством генерала Амберта. А второе – под заглавием Antropologie – в нём говорится о книге, посвящённой медицинской науке, а также открытиям и достижениям доктора Горбю, врача Парижского факультета. У обеих книг указаны цены.

Присутствует и раздел «Petites Annonces», что переводится с французского, как «маленькие анонсы», где находится уже информация о регистрации за фиксированную плату (1 франк) для арендодателей и продавцов. Также здесь говорится о том, что стоимость объявлений – 6 франков за строку (линию). В качестве исключения представлены разделы «Учреждения, курсы и уроки», «Предложения о приёме на работу» и «Домашние люди» (можно лишь догадываться о назначении данного раздела), в которых объявления будут появляться по средам всего за 3 франка за строку. Наконец, уточняется, что в строке 38 букв.

Во некоторых выпусках газеты, начиная с первых выпусков 1889 г., на последней странице газеты можно обнаружить несколько нотных листов с теми или иными музыкальными произведениями. В газете встречаются произведения таких известных композиторов, как Чарльз Лефевр (выпуск от 20 марта 1889 г.), Рихард Вагнер (выпуск от 16 октября 1895 г.), Жюль Массне

(выпуск от 27 ноября 1897 г.) и другие. Что примечательно, зачастую выпуски газет, в которых нет музыкальных произведений, содержат 4 страницы, а выпуски с нотами – 6 страниц, хотя ноты занимают лишь одну.

Резюмируя сказанное, отметим, в газете «Le Figaго» часто встречается приём изобразительного контраста, который характеризуется наличием всевозможных рамок, наклонённого текста, – того, что создаёт контраст (примеры можно встретить в каждом выпуске газеты). Далее идет приём эстетичного оформления фирменного знака, который можно охарактеризовать особым оформлением знака того или иного магазина, фирмы или компании (в качестве примера можно рассмотреть объявление об американской машине № 1 Fenton в выпуске от 21 мая 1896 г., где видно фирменный знак Fenton). Можно встретить и приём использования цифр: в выпуске от 17 декабря 1905 г. используются цифры в объявлении о лотерее.

Довольно часто в европейской прессе встречаются объявления о медикаментах (с указанием адреса аптеки) от каких-то болезней (например, астма, невралгия, кашель), о выставках, об алкогольных напитках с рисунком (вина, ликёры) – они занимают больше всего места, что наводит на выводы о том, что продавцы данных товаров имели необходимые средства для публикаций, занимающих столько места на газете.

«Московские губернские ведомости», как уже упоминалось, это одна из старейших газет в Российской империи. Реклама отражает повседневную жизнь общества, а на рекламу влияет спрос, который рождает потребности, но это взаимобратный процесс, ведь реклама тоже влияет на общество, на образ мыслей людей⁶. Говоря об эволюции коммерческих афиш (рекламы товаров) – в российских периодической печати всё двигалось медленнее, чем в Европе. Как и в европейских, в российских газетах большое внимание уделялось дизайну афиш, который был направлен на эмоциональное воздействие на потребителей. Тексты включали в себя призывы, однако в европейских газетах раньше появились рекламные слоганы.

В российских газетах, в отличие от европейских, реклама представлена и на первых, и на последних страницах. На рекламу порой отводились отдельные столбцы (как в выпуске «Московских губернских ведомостей» от 7 января 1904 г.). От выпуска к

выпуску рекламы появляется больше, она становится разнообразнее и креативнее с точки зрения дизайна и графики. Необходимо также охарактеризовать рекламные приёмы, которые использовались в российских газетах на примере «Московских губернских ведомостей».

Из вышеприведенных рекламных приёмов европейских газет в упомянутой российской газете в первую очередь бросается в глаза приём изобразительного контраста. Это подтверждают различные рисунки, которые всё чаще появляются рядом с объявлениями, внедрение новых шрифтов, всевозможные попытки выделить объявление среди других. Но стоит отметить, что к 1913 г. в некоторых выпусках газеты рекламы становится значительно меньше (например, выпуск № 35 1913 г.), отчасти пропадают даже рисунки в объявлениях. Помимо этого, присутствует приём эстетичного оформления фирменного знака. В качестве примера можно рассмотреть выпуск №241 от 1905 г., в котором размещена реклама нескользящих резиновых галош «Колумб». За исключением бросающегося в глаза текста, нарисован сам ботинок, а по краям – руки мастеров с инструментами. В 1900-е гг. использовались и цветные афиши (вне газет) с этими фирменными элементами.

Некоторые производители использовали государственный герб в своих объявлениях, возможно, предполагая, что

это вызовет доверие среди потребителей. Примером этому служит выпуск № 55 от 1905 г., в котором говорится о семенах Э. Иммера и сына (поставщиков двора «его императорского величества»), и сверху изображены два государственных герба (первый за 1881 г. и последний за 1896 г. – новый). Помимо этого, в выпуске № 46 от 1905 г. есть реклама натуральной кавказской содовой воды № 20, где так же присутствует герб Российского государства.

В выпуске от 1 января 1903 г. используется приём упоминания общеизвестных лиц в объявлении, в котором говорится о гитарах и балалайках (вероятнее всего, импортных). Упоминается имя Юлии Генрих Циммерман – немецкого фабриканта музыкальных инструментов. Если в российской газете опубликована информация о европейских товарах, то скорее всего в европейских газетах (немецких) она тоже встречается реклама алкогольных напитков, можно предположить, что в российские газеты она перешла именно из французских, ведь схоже даже оформление (например, в выпуске от 7 января 1904 г.).

Среди отличий отечественной прессы от зарубежной, во-первых, стоит отметить тот фактор, что западноевропейской журналистике была присуща торгово-коммерческая информация, соответственно, она была направлена на эти цели, обслуживая интересы буржуазии. Российская же прес-

са возникла из потребностей государства в формировании общественного мнения в том или ином направлении. Нередко, изучая российскую прессу конца XIX – начала XX в. можно отметить своеобразное оформление рекламных объявлений, характерное для того периода, которое в дальнейшем будет прогрессировать и всё более становиться похожим на европейскую периодическую прессу. Помимо этого, к различиям следует отнести и разное количество страниц в российских и европейских газетах: в российских их число варьируется в рамках 8 страниц, а в европейских – 4–6 страниц.

Нельзя не отметить и то, что в европейской прессе новые рекламные приёмы внедрялись быстрее, чем в российской, из чего можно сделать вывод, что российские газеты дублировали рекламные приёмы из европейских.

Таким образом, рекламная политика, используемая в ведущих российских газетах рубежа XIX–XX вв., характеризуется не только заимствованиями, но наличием самобытной национальной рекламы. В отечественной среде происходило становление рекламной профессии, а работники старались избегать агрессивных элементов, пытаясь обращаться к духовности, чувствам читателей. Рекламу старались сделать более полной, отражающей всю необходимую информацию о товаре или услуге, но при этом проникновенной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Тарасова К.П. Генезис жанра рекламного объявления в XIX веке (на материале российских газет) // Вестник Московского государственного областного университета. Русская филология. – 2019. – № 3. – С. 50–60.

Клюшина Е.В. Особенности французской периодической печати конца XIX – начала XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 61. – С. 124–130.

Джагарян Е.А. Московская периодическая печать как исторический источник по изучению образа Москвы в последней трети XIX – начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 23–27.

Костриков С.П., Надёхина Ю.П. Периодическая печать России как отрасль предпринимательства (на примере Московской прессы рубежа XIX–XX вв. // Вестник Новгородского государственного

университета. – 2012. – № 69. – С. 75–78.

Геворкян А.А. Рекламные приёмы в Томских газетах конца XIX – начала XX вв. // Социальные и гуманитарные исследования сегодня: непредсказуемое прошлое, неопределённое будущее. Сборник материалов XVI Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. – Томск, 2021. – Вып. 16. – С. 211–217.

REFERENCES

Tarasova K.P. The genesis of the genre of advertising in the XIX century (based on the material of Russian newspapers) // Bulletin of the Moscow State Regional University. Russian philology. – Moscow, 2019. – No. 3. – pp. 50–60.

Klyushina E.V. Features of the French periodical press of the late XIX - early XX century // Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen. – 2008. – No. 61. – pp. 124–130.

Dzhagaryan E.A. The Moscow periodical

Press as a historical source for the study of the image of Moscow in the last third of the XIX - early XX century. // Bulletin of KSU. – 2018. – No. 2. – pp. 23–27.

Kostrikov S.P., Nadekhina Yu.P. Periodical press of Russia as a branch of entrepreneurship (on the example of the Moscow press of the turn of the XIX-XX centuries. // Bulletin of the Novgorod State University. – Moscow, 2012. – No. 69. – pp. 75–78.

Gevorkyan A.A. Advertising techniques in Tomsk newspapers of the late XIX – early XX centuries. // Social and humanitarian studies today: unpredictable past, uncertain future. Collection of materials of the XVI All-Russian (with international participation) scientific conference of students, undergraduates, postgraduates and young scientists. – Tomsk, 2021. – Vol. 16. – pp. 211–217.

4 Джагарян Е.А. Московская периодическая печать как исторический источник по изучению образа Москвы в последней трети XIX – начале XX в. // Вестник КГУ. 2018. №2. С. 23.

5 Костриков С.П., Надёхина Ю.П. Периодическая печать России как отрасль предпринимательства (на примере Московской прессы рубежа XIX–XX вв. // Вестник Новгородского государственного университета. Москва, 2012. №69. С. 75.

6 Геворкян А.А. Рекламные приёмы в Томских газетах конца XIX – начала XX вв. // Социальные и гуманитарные исследования сегодня: непредсказуемое прошлое, неопределённое будущее. Сборник материалов XVI Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Томск, 2021. Вып. 16. С. 211.

УДК 372.8

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ СРЕДИ КАДРОВ И АКТИВА ЗАПСИБКРАЙКОМА И НОВОСИБИРСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ в 1936–1938 гг.

Political repression among cadres and assets of Zapsibkraikom and Novosibirsk regional committee of the komsomol in 1936–1938

Горин Сергей Григорьевич – канд. ист. наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК), e-mail: sergey.g.gorin@gmail.com
РФ, 630087, г. Новосибирск, пр. Карла Маркса, 26

Аннотация: Спецификой данной работы является рассмотрение трагических событий периода Большого террора через призму сложившихся судеб руководителей Запсибкрайкома ВЛКСМ, ряда сибирских региональных комсомольских работников и актива. Мы исходили из того, что в историографии, особенно советского периода, многие известные исторические события недостаточно персонализированы. Для публикаций по истории ВЛКСМ, рассматривающих кризисные явления в комсомоле, недостаточное внимание уделено исторической персоналистике. Конкретные люди и их судьбы зачастую остаются вне поля зрения исследователей. Этот пробел хотелось бы восполнить.

В работе сознательно приводится большой массив архивных источников из Государственного архива Новосибирской области (ГАО) и следственных дел, отложенных в архиве УФСБ по НСО, которые широко цитируются и дополняются необходимыми комментариями. На наш взгляд, это позволяет лучше понять особый колорит, морально-психологическую атмосферу и специфику сложного времени Большого террора применительно к молодежным событиям в сибирском регионе.

Ключевые слова: Сибирь, политические репрессии, комсомол, Запсибкрайком ВЛКСМ

Gorin Sergei G. – candidate of historical science, Head of the Department of History and Theory of State and Law, Siberian University of consumer cooperation

Annotation: The specificity of this work is the consideration of the tragic events of the Great Terror period through the prism of the prevailing destinies of the leaders of the Komsomol of Zapsibkraikom, a number of Siberian regional Komsomol workers and activists. We proceeded from the fact that in historiography, especially of the Soviet period, many well-known historical events are insufficiently personified. For publications on the history of the Komsomol, considering the crisis phenomena in the Komsomol, insufficient attention is paid to historical personalism. Specific people and their destinies often remain out of the field of view of researchers. I would like to fill this gap.

The work deliberately provides a large array of archival sources from the State Archive of the Novosibirsk Region (GANO) and investigative cases postponed in the archive of the FSB for NSOs, which are widely quoted and supplemented with the necessary comments. In our opinion, this makes it possible to better understand the special flavor, the moral and psychological atmosphere and the specifics of the difficult time of the Great Terror in relation to youth events in the Siberian region.

Keywords: Siberia, political repression, Komsomol, Zapsibkraikom of Komsomol

Усиление репрессий и изменение массового сознания комсомольцев и молодежи

В 1930-е годы борьба с мнимыми и реальными оппозициями в стране, повсеместные выявления «троцкистских прихвостней», немецко-японских шпионов, контрреволюционеров и всяческих врагов народа не минули комсомольские кадры и актив сибирского региона. Репрессии и чистки, борьба с малейшими проявлениями инакомыслия активно насаждались в молодежной среде.

В конце 1930-х годов по мере укрепления авторитарно- бюрократического режима и усиления карательной политики в стране менялся уровень политического сознания в обществе в сторону подозрительности, доношительства, двойных стандартов поведения. Новые идеологические установки зачастую критически воспринимались в публичном пространстве, обсуждались в «закрытом режиме». Провоцировалось недоверие друг к другу. В водоворот взаимного недоверия и доношительства вовлекалось все больше молодежи, многие комсомольские работники в этих условиях без видимых причин подвергались обструкции, репрессиям, арестам. В результате усиления массовых репрессий в тот период по-существу были разгромлены кадры комсомольских комитетов крупных сибирских городов и арестованы как враги народа их руководители: Томск (Л.Машкин, Р.Спрингис), Новосибирск (Н.Прудовский, П.Гнедош), Барнаул (Ф.Аркуша), Бийск (Л.Шольский, Ефименко), Кемерово (А.Калганов), Сталинск (А.Мурашкин, В.Акимов), Рубцовск (Мезенев), Тайга (Н.Антипин), Колпашево (Паршин), Троицкое (Храмов), Нарым (Эндер) и др.

Первый секретарь Запсибкрайкома ВЛКСМ Николай Пантюхов, направленный для кадрового укрепления краевой комсомольской организации из Москвы в 1935 году, через два года работы был снят

с должности «за отсутствие политической остроты в борьбе с врагами народа в комсомоле», арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и расстрелян. Массовые репрессии и расстрелы непосредственно коснулись руководящих и рядовых работников аппарата Запсибкрайкома ВЛКСМ, городских и районных комитетов комсомола и простых комсомольцев Западно-Сибирского края.

Архивные материалы дают нам достаточные представления о своеобразной молодежной атмосфере в основном небольших сибирских городов и деревень Западно-Сибирского края. Во второй половине 1920-х годов из почти ста тысяч комсомольцев доля крестьянской молодежи (середняки, бедняки и батраки) составляла две трети, а всего в сибирском крае из 4,5 тысяч комсомольских ячеек менее 10 % были фабрично-заводскими¹. Специфика крестьянского края, деревенская психология его обитателей накладывала отпечаток на работу комсомольских ячеек. Например, если речь шла об их участии в «атаке» на кулака в ходе коллективизации, то можно было столкнуться с феноменом неприятия основной массы сельского населения курса большевиков на борьбу с рыночной «мелко-собственнической» идеологией в сибирской деревне. Это ставило многие деревенские ячейки в жестокое противоборство с крестьянскими массами, в ряде случаев даже вынужденный переход на нелегальное положение, поскольку члены Союза молодежи по определению должны были поддерживать и обеспечивать партийный курс. По необходимости участвуя в различных «перегибах» в официальных мероприятиях, комсомольцы и молодежь выражали разные точки зрения, в том числе в оценке текущих политических и хозяйственных реалий. Это способствовало тому, что уже в середине и конце 1920-х годов начались нападки на комсомольцев, особенно их вожakov, высказывающих суждения, отличные от официальной (сталинской) точки зрения, которые были солидарны с некоторыми троцкистскими взглядами по разным политическим и хозяйственным вопросам. Им приклеивали ярлыки троцкистов.

В то же время многие номенклатурные комсомольские работники, в рамках тогда еще свободной дискуссии, активно высказывались с критическими замечаниями о распространенных в то время в массах молодежи взглядов Л. Троцкого. Среди них можно назвать будущих лидеров Центрального комитета комсомола (Л. Шацкий, П. Смородин, А. Косарев и др.) и региональных комсомольских работников. Они быстро добивались карьерного роста и покровительства партийной сталинской элиты. Однако, во второй половине 1930-х годов враждебные ярлыки троцкистов стали активно навешиваться на них самих, причем совсем по любому поводу (и левый, и правый уклоны). Началась не только идейная борьба с любым инакомыслием, но и физическая и моральная расправа с его носителями. «Троцкизм» стал удобным ярлыком для исключения из комсомола, репрессий, арестов, расстрелов. Тут уже пострадали многие комсомольские лидеры, ранее выдвинутые Сталиным на руководящую комсомольскую и партийную работу. Историческими фактами являются репрессии и расстрелы всех довоенных первых секретарей ЦК комсомола. Многие комсомольские вожак в центре и регионах, в том числе сибирских, не избежали этой участи. Среди них Н.Пантюхов, Н.Лесковская, Н.Калганов, А.Яценецкий, Р.Спрингис, Л.Шольский и многие другие. В результате усиления массовых репрессий имел место настоящий разгром комсомольских комитетов в сибирских городах.

Комсомольские работники обвинялись во взаимоотношениях, основанных на общности политических взглядов с уже арестованными ранее как враги народа своими товарищами, в основном окончившими Институт красной профессуры (ИКП). Для этой группы лиц были характерны весьма критические толкования мероприятий ВКП(б) и Советского правительства с позиций правых и троцкистов, что было довольно распространено в 1920-х годах чаще в виде открытой партийной полемики, но уже в начале и середине 1930-х подобные мысли были «загнаны в подполье», а их носители подвергались вначале обструкции, а затем повесным репрессиям.

Неприятие и ревизия официальной партийной линии, фрондерство и откровенное вольнодумство было широко распространено среди слушателей и преподавателей ИКП, что не было новостью для официальной власти и впоследствии вызвало репрессивные реакции. Как известно, большая часть выпускников Института красной профессуры «колебалась» в противофазе линии партии². Такие группы единомышленников оформились и в партийных кругах Новосибирска, и в Западно-Сибирском

учебном Институте марксизма- ленинизма (ИМЛ), в котором они повышали свой образовательный уровень. В «политический водоворот оппозиционных мнений» невольно была вовлечены некоторые номенклатурные комсомольские работники Запсибкрая.

Были ли у региональных оппозиционеров-троцкистов кроме «кухонных разговоров» в то время какие-либо попытки организованных действий? Многочисленные исследования историков и публицистов, архивные источники не дают однозначного ответа на этот вопрос. Возможно, были. Но не стоит забывать, что до и особенно в 1936-1938 гг. сталинское НКВД упреждающе действовало в русле повсеместных тотальных репрессий и арестов в отношении всякого рода «троцкистов», инакомыслящих и сомневающийся, наклеивая им ярлыки «врагов народа» и иностранных шпионов. Этот период не зря именуется «Большим террором». Общеизвестны исторические факты, подтверждающие судебные процессы, аресты и расстрелы, причастной (хотя и не обязательно) к противостоянию официальной сталинской линии партии, представителей политической, хозяйственной и военной элиты в центре и регионах. Но были ли реальные антипартийные и антиправительственные заговоры их участников? Мнения историков часто разделяются... Большинство отрицает наличие организованных контрреволюционных групп оппозиции в тех условиях.

Однако, если обратиться к документам, отложенным в архивах спецорганов и говоря языком этих документов, в Запсибкрае и Новосибирской области «был вскрыт и ликвидирован контрреволюционный правотроцкистский центр, возглавлявший контрреволюционную работу на территории Новосибирской области и Алтайского края. Политической целью правотроцкистского центра, как это установлено следствием, являлось провозглашение Сибирской республики (и это было возможно в 1937 году? - С.Г.) в момент объявления войны при содействии Японии за счет территориальных компенсаций в ДВК (Дальневосточный край – С.Г.). Правотроцкистский центр организационно был связан с врагами народа Бухариным и Рыковым, от которых получал директивы по контрреволюционной работе в Сибири.

Исходя из этого, участники правотроцкистской организации по указанию центра проводили подготовку вооруженного восстания, шпионско- диверсионную и вредительскую террористическую работу».

Такое вступление характерно для всех обвинительных заключений и дублируется во многих подобных документах, а затем уже приводятся специфические детали, связанные

с конкретными обвиняемыми и особенностями их «преступных» деяний. Для более значимой номенклатуры в их следственных делах часто можно увидеть следующую фразу: «Члены правотроцкистского центра, исходя из программы тактических установок, имели связь с представителями иностранных консульств в Новосибирске, по указанию которых занимались шпионской, диверсионной и разрушительной работой. Установлено, что правотроцкистским центром в период с 1934 по 1937 гг. создана в Новосибирской области широкая сеть контрреволюционных групп и организаций из двурушников, правых и троцкистов».

Активность по осуществлению репрессий в нашем регионе среди партийных, хозяйственных и комсомольских руководителей в тот период, возможно, была связана с представлением из УНКВД Западно-Сибирского края в Наркомвнудел не всегда достоверных материалов, рисующих картину широкого распространения германской, польской и японской разведывательной сети на предприятиях Кузбасса, Томской железной дороги и прилегающих районах. Там якобы германские технические специалисты планировали вывести из строя стратегически важные промышленные объекты в момент объявления войны, а по заданию японской разведки готовились диверсионные акты на магистралях Сибирской железной дороги³. ...

Секретарь Запсибкрайкома ВЛКСМ Николай Пантюхов

Из лидеров сибирского комсомола Н.Г. Пантюхов был одним из тех, кого направили из центра на укрепление кадров в Сибирь⁴. Пантюхов появился в Новосибирске только в сентябре 1935 г. Два предыдущих года краевую организацию преследовали кадровые проблемы: один за другим отстранялись от работы первые секретари Запсибкрайкома ВЛКСМ. Сначала - в июне 1933 г. А.И. Голиков, затем такая же участь в августе 1935 г. постигла А.Я. Кокорина. Характерно, что оба комсомольских функционера были лишены своих постов фактически по одному и тому же основанию – финансовые злоупотребления: наличие «черной» кассы, использование ее для своеобразного «сплочения» кадров и актива через организацию коллективных выпивок.

После таких кадровых провалов ЦК ВЛКСМ решил направить в Новосибирск ставленника Москвы, который прошел все ступеньки комсомольской карьеры: был и на низовой работе – секретарь ячеек ВЛКСМ Бежецкого паровозостроительного завода (сегодня - это

² Подробно об этой атмосфере, в частности среди слушателей Института красной профессуры, пишет А.Авторханов в известной работе «Технология власти».

³ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. М.Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2010. С.48.

⁴ Подробнее о трагической судьбе и деятельности Н.Пантюхова на посту первого секретаря Запсибкрайкома ВЛКСМ см. в книге Аристов Ю.С., Горин С.Г. Лидеры комсомола: От всплеска революционной стихии к крушению союза. Новосибирск. ИГНТБ. 2018. С.100-114.

1 Очерки истории ВЛКСМ: Сибирские страницы / С.Г.Горин, В.В.Моисеев, М.Ю.Шматов. Новосибирск: ГАУК НСО ИГОНБ. 2020. С.39.

крупнейшее предприятие транспортного машиностроения России Брянский машиностроительный завод), работал на уездном и губернском уровнях в Брянской губернии, в ЦК ВЛКСМ был инструктором, зав сельскохозяйственным сектором. После окончания курсов марксизма-ленинизма и Института Красной профессуры становится помощником начальника политуправления по комсомолу Наркомата совхозов СССР. Добавив к этому начало трудовой деятельности в качестве рабочего на одном из предприятий Брянска, можно констатировать характерную и классово образцовую для того времени биографию этого комсомольского функционера: прошел производственную школу на одном из крупнейших индустриальных предприятий страны с его многотысячным коллективом, обучался в ведущем учебном учреждении, заслуженно признаваемым кузницей «красных» управленцев. Он был наиболее подготовлен с точки зрения образовательного и общекультурного уровня в сравнении со всеми предыдущими руководителями сибирского комсомола.

Обстановка того периода была непростой не только для страны, но и для комсомольцев и молодежи сибирского региона, особенно в плане специфики (правильнее сказать ограниченности) политического сознания широких молодежных масс. Об этом свидетельствуют вопросы, обсуждаемые на бюро и секретариате Запсибкрайкома ВЛКСМ. Приведем только один пример. В 1936 г. высший орган краевого комсомола – бюро было вынуждено резко реагировать на публикацию в региональной молодежной прессе «Большевистской смене» и «Юном Ленинце» статей о книге Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Факт этот оценивался как грубая политическая ошибка. Издания якобы предоставили «трибуну» для троцкистских контрабандистов для популяризации сплетен на большевистскую партию. Редактор газеты Брызгалов был обвинен в притуплении политической бдительности, коль скоро рекомендует эту книгу как «блестящую книгу и живую историю Октября». Были объявлены выговоры зам. редактора «Большевистской смены» и редактору «Юного Ленинца», а секретарям Запсибкрайкома Пантюхову, Семенову, Лесковской поручалось пересмотреть состав всех редакций. В особом секретном решении было обращение к бюро крайкома ВКП(б) с предложением изъять книгу для широкого пользования⁵. Понятно, что реакция достаточно просвещенных и теоретически подготовленных комсомольских работников была специфической, но таковых было меньшинство...

Западносибирский комсомол активно «патронировал» важнейшие народнохозяйственные объекты. Участие молодежи в процессе социалистической реконструкции рассматривалось на заседании бюро Запсибкрайкома ВЛКСМ 20 ноября 1936 г. Речь шла о практике организации комсомольских вахт на Кузбассе. Эта форма комсомольской работы проводилась в русле развертывающегося по всей стране стахановского движения. Обсуждения на бюро и выступление самого Пантюхова свидетельствовало о комплексном понимании решаемых вопросов. Так, он не поддержал критику материальных стимулов в ударничестве: «Тут ничего плохого нет, так как у нас деньги существуют, рубль имеет свою силу, и мы цепляемся за материальный интерес с тем, чтобы затем тащить его и выращивать политически»⁶. Он подверг критике также слабый охват комсомольскими организациями молодых рабочих основных профессий, которые и определяли объем угледобычи. Комсомольскую вахту Пантюхов призвал рассматривать как форму не только ударничества, но и внимания к техническому, культурному уровню молодых рабочих: «Развивая эти вахты, выращивая мастеров угля, т.е. всесторонних развитых рабочих, всесторонне развитых людей... мы... будем выполнять и разрешать... задачу коммунистического воспитания...»⁷.

Таким образом, в самом начале своей руководящей деятельности Пантюхов погружается в практическую реализацию концепции усиления классово-борьбы по мере строительства социализма, можно даже сказать с учетом провинциальной специфики. Как подготовленный и адекватный комсомольский руководитель уже через год после появления в Новосибирске он разобрался во многих местных проблемах.

Между тем политическая система СССР входила в очередной виток борьбы с врагами партии и народа, в том числе в молодежной среде. И свою роль в этом процессе предстояло сыграть секретарю Запсибкрайкома комсомола Пантюхову. Быть жертвой или стать палачом? Первые тревожные «звоночки» поступили во время работы пленума Запсибкрайкома ВЛКСМ 12 июля 1937 г. В своем выступлении Пантюхов, кроме необходимости подготовки к выборам в Верховный Совет СССР по сталинской Конституции 1936 г., был, видимо, вынужден затронуть вопрос о своих ошибках в руководстве крайкомом. Правда, он использовал фразу «наши ошибки», имея в виду недостатки коллективного органа. Он сослался на критику на предыдущем пленуме, где высказывались претензии по поводу отрыва от низовых орга-

низаций, канцелярско-бюрократического стиля руководства, отсутствия самокритики в бюро крайкома. Но самое опасное – либеральное отношение к недостаткам в работе райкомов и горкомов комсомола. Это проявилось в нехватке остроты и благодушии по ситуации в Томской и Кемеровской организациях, где «орудовали троцкистские бандиты». «Политическая беспечность» – серьезное обвинение по тем временам, но Н.Г. Пантюхов был вынужден использовать эту фразу⁸.

Обстановка недоверия сгустилась над фигурой первого секретаря. Это объясняет факт того, что Пантюхов был вынужден приступить к поискам «врагов». Свидетельством этого является его фраза из доклада – «стали ближе знакомиться с кадрами». Результат не заставил себя ждать. Секретарь Кольванского райкома комсомола оказался сыном жандарма. В Бийской организации был разоблачен японский «шпион» Третьяк. После его разоблачения никто не позаботился о том, чтобы провести соответствующую профилактическую работу в комсомольских организациях⁹. Докладчик оценил это как политическую беспечность. И опять Пантюхов обращается к самокритике, беря на себя вину в отсутствии политической остроты в руководстве крайкомом комсомола, то есть в поиске врагов и их агентов. А для этого надо анализировать умонастроения разных слоев молодежи, уметь их увидеть и понять существующие настроения. Приводя пример Сталинской организации, докладчик среди всего прочего назвал в качестве особой группы «спецпереселенческую молодежь»¹⁰. То, что крайком комсомола не имел особого подхода к разным слоям нового поколения, использовали «враждебные элементы» в своих целях. Они – «троцкисты и прочая сволочь» подогревали недовольство молодежи по поводу разного рода недостатков в условиях невнимания комсомольских организаций к проблеме спецпереселенческой молодежи.

В целом выступление Н.Г. Пантюхова на пленуме носило противоречивый характер. С одной стороны, постоянные фразы о необходимости борьбы за очищение рядов. С другой стороны, предостережение об ошибках в этом направлении. Например, при критике вышеупомянутых работников крайкома он допускал их дальнейшее использование в работе после «помощи через критику и исправления ошибок»¹¹. Так, говоря о положении в Томске, он критикует Томский горком за самотек в контроле за организациями индустриального института и университета. В них «поверхностно подходили» к определению политического ли-

ца того или иного комсомольца. В результате «пачками» исключали из организации, отстраняли от учебы, лишали права учиться. По его мнению, Томский горком не смог «разъяснить... из чего складывается и строится борьба за очищение своих рядов от подлинных двурушников, подлинно чуждых элементов». Судя по расплывчатости и неопределенности доклада Пантюхова, он сам был дезориентирован и не очень хорошо понимал, что делать после его проработки в ЦК ВЛКСМ генеральным секретарем ЦК А.Косаревым, на выступление которого он сослался на этом пленуме.

Не мог Пантюхов пройти мимо ситуации в томских учебных заведениях, тем более на недостатки по этому вопросу обращала внимание при посещении Томска секретарь ЦК ВЛКСМ В.Ф. Пикина. В городе существовала, по словам первого секретаря, разветвленная троцкистская сеть и она целенаправленно воздействовала на молодежь, используя всякого рода недовольство, что должно было бы мобилизовать работников горкома, но этого не произошло. Это проявилось в вопросе о так называемой комсомольской демократии, когда в Кировском районе заговорили о полной самостоятельности комсомольской организации, полной демократии, полной выборности, о независимости от партийной организации. Появились попытки противопоставить себя партийному аппарату. При анализе этого сюжета уже не в первый раз всплывает фамилия секретаря горкома Р. Спрингиса, чья «троцкистская деятельность» сыграла свою роль при предъявлении обвинений через несколько месяцев самому Пантюхову. Но пока Спрингису приписывались только «деляческие» подходы к руководству организацией. Не хватило Пантюхову и «смелости» предъявить серьезные политические обвинения в адрес тех людей, «которые являются носителями подобного рода настроений»¹².

Затем докладчик в своем выступлении привел какой-то невнятный пример из Зырянского района, где была разоблачена молодежная троцкистская организация. Возглавлял её комсомолец, но не было названо ни одной фамилии и других каких-то подробностей. В другом, даже не названном районе какая-то группа готовила убийство местных работников, разлагала колхоз, пропагандировала Троцкого. Видимо, Пантюхов приводил эти примеры в целях «настройки» краевого актива на поиск враждебных элементов повсюду, чтобы не притуплять политическую бдительность. И тут же он предостерегал от ошибок в этом направлении, что свидетельствовало о неприятии огульного обвинения «всех и вся» для сохранения имиджа борца за чистоту рядов. Так, он привел пример по Асиновскому району, где из комсомола был

исключен как троцкист педагог Волков. Дело в том, что он поспорил с парторгом Тутушкиным на одном из занятий. Тот поставил вопрос об его исключении, обвиняя его в чтении контрреволюционной литературы «среди молодежи». Парторг отнес к ней и «Вий» Н.В. Гоголя. Похожий случай произошел на политзанятии в Чаинском сельсовете Купинского района, когда при выступлении комсомолец-учитель привел несколько выдержек из произведений Гоголя. Местный парторг заявил буквально следующее: «Вы тут всяких контрреволюционеров не подносите». Секретарь комсомольской организации также припугнул учителя: «Ты смотри у меня, тебя попросим с собрания на первый раз, если ты еще раз заикнешься на счет Гоголя». Пока еще члены пленума крайкома позволили себе лишь посмеяться по этому поводу¹³.

Можно, наверное, признать актом если не политического мужества, то хотя бы человеческой честности и порядочности следующее его заявление на пленуме: «Я этим хочу показать, ...как неправильно подходят иногда из своей неграмотности, политической неграмотности, не умеют распознать, где же, за что надо уцепиться, чтобы подлинных враждебных элементов выявить, иногда попадают в рубрику троцкистов и их последователей и честные комсомольцы»¹⁴.

Предчувствовал или догадывался Пантюхов, что он этими фразами предсказал свою судьбу? Позиция его самого базировалась на разумном и логичном подходе – огульное обвинение без всяких достаточных фактов вредит делу очищения от двурушников и враждебных элементов, наносит ущерб комсомольским организациям, а недовольство такими фактами станет питательной почвой для деятельности антипартийных группировок, и троцкистов, и бухаринцев.

Самокритичный тон доклада вызвал реплику у секретаря крайкома партии Шубрикова: «Вы говорите все о том, что вы не делали. Вы скажите о том, что вы делали». Пантюхов на это отреагировал ссылкой на то, что уже говорил о недостатках по этому вопросу в руководстве крайкомом. И далее объяснил бездеятельность по поводу развала комсомольских организаций на селе, в колхозах. Тот факт, что даже центральная партийная газета «Правда» не прошла мимо вопиющего случая, когда в Татарском районе решили распустить комсомольскую организацию, поскольку она плохо работает, было свидетельством «плохой политической работы» крайкома. В ряде районов – Ребрихинском, Ордынском секретари райкомов комсомола противопоставляли себя райкомам партии.

Заключая доклад, Пантюхов опять «посыпал голову пеплом»: «трудно было говорить

о недостатках нашей политической работы... Мы тут проявили очень большую беспомощность»¹⁵. После доклада ему поступил вопрос, как часто за свое пребывание в должности он бывал в сельских организациях. Пантюхову похвастаться было нечем: в 1937 г. только раз по заданию крайкома партии в Чебулинском районе. Ответ был явно неутешительным. А факт самого вопроса свидетельствовал о критическом настроении перед началом обсуждения.

Выступления на пленуме комсомольских работников и актива не добавили оптимизма. Секретарь Тоугинского РК ВЛКСМ И.А. Кузьмин подчеркнул отсутствие всякого руководства со стороны крайкома сельскими комсомольскими организациями. Говоря о работниках аппарата, привел фразу: «Люди отсиживаются только в кабинетах». Один из выступающих в прениях возмущался тем, что 5 членов бюро работало неудовлетворительно и ставил вопрос об их выводе из состава этого руководящего органа. Задав риторический вопрос в зал – «разве это руководство», получил реакцию в виде реплики из зала по поводу Пантюхова – «о себе только не сказал», т.е. о выводе и его из состава бюро. Последовало предложение целиком распустить бюро во главе с Пантюховым: «До чего докатились – не можете воспитывать аппарат, который у вас имеется...» Далее следовала уничтожающая тирада: «Вы в 1937 году были в одном районе, побеседовали с секретарем, а с комсомольцами не побеседовали... Сколько вы сменили в своем аппарате инструкторов?... Вы не знаете работы райкомов комсомола. Поэтому вы плохо сделали доклад, что не знаете работы, не знаете, о чем говорить...»¹⁶

На этом пленуме рассматривались критические стороны деятельности Пантюхова как действующего лидера краевой комсомольской организации. Но тучи сгустились. В верхах уже было принято решение о его аресте в числе большой группы партийных и хозяйственных работников края, по разным причинам признанных врагами народа.

В пленум Запсибкрайкома, где Пантюхова заочно сняли с должности, был созван в августе 1937 г. и проходил в присутствии представителя ЦК ВЛКСМ Минца и секретаря крайкома партии Шубрикова. Секретарь Запсибкрайкома комсомола Н. Лесковская задала в докладе настрой работы и обсуждения вопросов, сославшись на критику бюро и его секретаря Пантюхова со стороны Эйхе и секретаря крайкома партии Шубрикова. В качестве серьезного промаха Пантюхову был приписан развал работы бюро крайкома: «...опираясь на связи с некоторыми бывшими работниками в ЦК комсомола, ныне разоблаченными как враги народа, стал на путь противопоставления себя крайкому партии...»

5 ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.642. Л. 90.

6 ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.790. Л.110.

7 Там же. Л. 128.

8 ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.1054. Л. 13.

9 Там же. Л. 29.

10 Там же. Л. 24,25.

11 Там же. л.23.

12 ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.1054. Л.34.

13 Там же. Л.37-38.

14 Там же. л.38.

15 Там же. Л.56.

16 Там же. лл.59,63.

Конкретнее - «... мешал разоблачению врагов народа и вражеской агентуры, пробравшейся в отдельные звенья комсомольской организации...», таких как Спрингиса в Томске, Баранова - в Кожевниковском районе, Храмцева - в Троицком»¹⁷. На бюро крайкома врагами народа были признаны также Мурашкин, Янценецкий, Акимов.

Уничжительной критике подвергла сама себя и второй секретарь Запсибкрайкома Лесковская: «... в практической своей работе я допускала также целый ряд грубейших политических ошибок, соглашаясь с отдельными предложениями Пантюхова и в том, что до последнего я доверяла ему...», мне как секретарю крайкома... надо было бы и перед Крайкомом комсомола и Крайкомом партии гораздо раньше поднять все вопросы, которые мною были упущены...»¹⁸.

Еще более зловещим был вывод представителя ЦК ВЛКСМ о только начальной стадии разоблачения врагов и борьбы по очищению западносибирского комсомола - «убрав Пантюхова... и других, мы открыли только клапан, который не давал возможность разоблачить врагов». Для «выкорчевывания пантюховского охвостья» косаревский посланник ЦК комсомола Минц требовал называть факты, не останавливаясь на только озвученных фамилиях»¹⁹. В целом чувствовалась неудовлетворенность представителя ЦК работой в этом направлении - такова была политическая линия центра.

Протицируем окончательное решение о первом секретаре крайкома: «Считать установленным, что секретарь Крайкома ВЛКСМ Пантюхов в своей работе саботировал разоблачение врагов народа, троцкистско-бухаринских агентов фашизма, явно игнорировал прямые и конкретные указания Крайкома ВКП(б) о повышении политической остроты и бдительности в работе Крайкома ВЛКСМ, не выполнил директивы Крайкома ВКП(б) о разоблачении врага народа Спрингиса, пробравшегося к руководству Томской организации ВЛКСМ и прикрывал явно враждебных и переродившихся людей. Противопоставляя себя Крайкомом ВКП(б), пытался оторвать комсомольскую организацию от партийного руководства. Неоднократно выезжая в Сталинск, Пантюхов фактически способствовал развалу комсомольской работы в Сталинске, за что Пантюхова снять с работы секретаря Крайкома ВЛКСМ и исключить из состава бюро и пленума Крайкома комсомола»²⁰. Читатели, представляющие реалии того времени, могут предположить, чем закончился этот комсомольский пленум для его секретаря.

17 ГАНО. Ф. П-189. Оп. 1. Д. 1055. Л. 34.

18 Там же. Л. 42.

19 Там же. Л. 121.

20 Там же. Л. 2.

21 Криворученко В. К. В тисках сталинщины: трагедия комсомола. Москва. Институт молодежи. 1991. С. 299.

22 Горин С. Г. Александр Косарев - генсек ЦК ВЛКСМ. 1929-1938 гг. Правда истории или оборотная сторона медали. В сб. Российская молодежь... С. 105-110.

23 Исаев В. И. Особенности морально-политического климата в комсомольских организациях Новосибирской области в 1930-е годы. В сб. Российская молодежь... С. 157.

24 О комсомольской деятельности и судьбе Н. Лесковской см. подробнее в статье Горина С. Г. Трагическая судьба: одна из многих... в Библиотеке сибирского краеведения <http://bsk.nios.ru/content/traagicheskaya-sudba-odna-iz-mnogih>

25 В авангарде молодежи. История Новосибирского комсомола (1918-1991 годы) / Андреев С. Н., Аристов Ю. С., Горин С. Г. и др. Новосибирск: Параллель. 2018. С. 95.

Трагическая судьба Пантюхова, попавшего в расстрельные списки вместе с высшим партийным активом Запсибкрайкома, поражает многими вопиющими фактами. Получив по решению косаревского ЦК ВЛКСМ 2-3 месяца на организацию широких репрессивных действий среди комсомольских функционеров сибирского края, он, конечно, не справился и был обречен.

По свидетельству известного историка комсомола В. К. Криворученко, основанного на данных Центрального архива ВЛКСМ, бюро ЦК комсомола в нарушении Устава сняло с работы первого секретаря Западно-Сибирского крайкома крайкома ВЛКСМ без согласования не только с крайкомом комсомола, тем более с рядовыми комсомольцами, но даже с крайкомом партии, практически поставив его перед фактом. На следующий день в Новосибирск была направлена телеграмма:

«Новосибирский обком партии. Товарищу Эйхе.

Предлагаю Пантюхова немедленно снять с работы секретаря обкома мотивами отсутствия необходимой политической остроты в борьбе с врагами народа, отсутствия политической бдительности, зажима критики и самокритики, явно слабое руководство организацией, неправильности подбора кадров. Прошу составить наше мнение также возможности выдвижения местной кандидатуры.

Цекамол Косарев»²¹.

Такова была практика работы косаревского ЦК в 1936-1938 гг. и стиль руководства самого генерального секретаря в региональных комсомольских организациях, вплоть до его снятия с должности на VII Пленуме ЦК ВЛКСМ (19 - 22 августа 1938 г.), признания самого «врагом народа» и последующего расстрела²². В постановлениях бюро ЦК ВЛКСМ при освобождении от работы, арестах номенклатурной комсомольской элиты различного уровня, употреблялись следующие формулировки: за засорение актива враждебными элементами, слабую очистку организации от враждебных элементов, явный либерализм к врагам народа, проявленную нетерпимую политическую беспечность, связь с врагами, участие в контрреволюционных троцкистских группах, разложение, систематические пьянки.

Через некоторое время в результате изменения политической линии ЦК ВКП(б) внутренний «террор» завершил свою первую (но не последнюю) стадию, в том числе и в

Сибири... После «чистки» комсомольская организация края была обескровлена и в кадровом и в организационно-политическом отношении. По результатам исследования сибирского историка В. И. Исаева в течение 1936-1937 гг. были исключены из ВЛКСМ 6425 человек, в том числе как враждебные элементы - 2850, как нарушители комсомольской дисциплины - 1457, как морально разложившиеся - 1071, как шкурники и карьеристы - 392, по другим причинам - 655. Из числа исключенных 2505 подали апелляцию об их неправильном исключении, но 3925 человек даже не стали требовать апелляции, считая, видимо, что это бесполезно. Вполне вероятно также, что значительная часть исключенных из комсомола была арестована и осуждена как враги народа»²³.

Трагический тандем

С приездом Н. Г. Пантюхова в 1935 году в Новосибирск для укрепления краевой комсомольской организации, он сразу обратил внимание на завотделом юных пионеров, которую выдвинули для работы в крайком ВЛКСМ, не дав доучиться год в ИМЛ. Через некоторое время по его инициативе Н. Я. Лесковскую²⁴ избрали вторым секретарем Запсибкрайкома ВЛКСМ, она стала правой рукой молодежного лидера края. Возможно, это сыграло решающую роль в трагической судьбе молодой женщины. Напомним, что Н. Пантюхов 3 октября 1937 г. попал в сталинские расстрельные списки в числе 83 партийных и хозяйственных руководителей края²⁵. Но не только это привлекло внимание репрессивных органов. Еще во время учебы в ИМЛ Н. Лесковская водила тесную дружбу с впоследствии репрессированными врагами народа из числа преподавателей и слушателей этого учебного заведения...

Морально-политическая атмосфера в стране, особенно среди партийных и комсомольских кадров в конце 1930-х годов постепенно приобретала черты активной борьбы с инакомыслием, альтернативными мнениями, которые формировались в том числе в молодежной среде. Критические разговоры по вопросам внутренней политики ВКП(б) могли материализоваться в попытки создавать некие группы единомышленников-оппозиционеров среди комсомольцев, что приводило к ответной репрессивной реакции со стороны власти. Политика центральной и региональной партийной власти и, соответственно, руководящие указания комсомольских органов провоцировали на местах усиление тотальной подозрительности, доносы, карательные методы работы.

19 июля 1937 г. в Запсибрайком ВКП(б) поступила компрометирующая докладная записка, остро вскрывающая связи Н. Пантюхова и Н. Лесковской с уже выявленными врагами народа в их окружении. В доносе, подписанным М. Бочкаревым, говорится о дружбе Лесковской с «подлыми предателями» четой Зуевых, разоблаченных как враги народа и шпионы. Автор доноса пишет: «Лесковская сейчас изменилась до неузнаваемости. Она стала «острее ставить вопросы», её речи насыщены призывами к бдительности, но всё это только показная сторона дела. Беспредметная трескотня, набор крепких слов являются, видимо, не чем иным, как только маскировкой, маневром, преследующим цель рассеять всякие сомнения в ее политической честности. На деле же Лесковская не борется по-настоящему с врагами народа и не показывает комсомольцам примера большевистской бдительности»²⁶. В докладной записке также указаны факты сокрытия ею сомнительных эпизодов в деятельности работников аппарата крайкома Адоньева, Шольского, Янценецкого и Мурашкина.

В этом документе, который судя по архивным данным обсуждался партийным органом края, также подвергался уничтожительной критике ее комсомольский руководитель Н. Пантюхов, которому вменялись факты политической недалекости, окружения себя «негодными людьми», троцкистами-контрреволюционерами, приведшими к «политическому банкротству» Запсибкрайком комсомола. Бывших работников аппарата крайкома называли подручными и лакеями вредителей и диверсантов, часто приклеивая обычным недостаткам в работе политические ярлыки.

«Не ясно ли, чего боится Пантюхов, утаивая все эти дела и от комсомольской организации края, и от ЦК ВЛКСМ? - ставит риторический вопрос М. Бочкарев. - Не подлежит сомнению, что при таких условиях крайком не способен возглавить борьбу с врагами народа. Как можно расценить тот факт, что в Кемерово после процесса на сих пор еще никто из крайкома не был? Сейчас идут выборы в крупнейших организациях края: Сталинске, Кемерово, Ленинске, Анжерке. Выборы проходят без руководства со стороны крайкома. В этих организациях процветают благодущие и беспечность (см. докладную записку секретаря Кемеровского горкома), но это ничуть не тревожит крайком»²⁷.

Представляется, что это был не единственный донос на попавшую в опалу второго секретаря Запсибкрайкома ВЛКСМ и ее шефа. По логике того времени за разбором следовало исключение из партии, снятие с должности и последующий арест. Что и произошло. Сначала с Н. Пантюховым, затем с Н. Лесковской

26 ГАНО. Ф. 376. Оп. 1. Дело 342. Л. 11

27 Там же. Л. 11-12.

28 ГАНО. Ф. П-4. Оп. 18. Д. 9022. Л. 6.

29 Там же. Л. 5.

и многими другими работниками аппарата Запсибкрайкома и райкомов ВЛКСМ края.

31 июля 1937 г. Бюро Запсибкрайкома ВКП(б) выносит постановление «О секретаре Крайкома ВЛКСМ Пантюхове»:

«Считать установленным, что секретарь Крайкома ВЛКСМ в своей работе саботировал дело разоблачения врагов народа - троцкистско-бухаринских агентов фашизма, явно игнорировал прямые и конкретные указания Крайкома ВКП(б) о повышении политической остроты и бдительности в работе Крайкома ВЛКСМ, не выполнил директивы Крайкома ВКП(б) о разоблачении врага народа Спрингиса, пробравшегося к руководству Томской комсомольской организацией, и прикрывал явно враждебных и переродившихся людей.

Неоднократно выезжая в Сталинск, Пантюхов фактически способствовал развалу комсомольской работы в Сталинске.

Бюро крайкома ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

а) Снять Пантюхова с работы первого секретаря бюро Крайкома ВЛКСМ и вывести его из состава кандидатов бюро Крайкома ВКП(б);

б) Внести на пленум Крайкома ВКП(б) предложение о выводе Пантюхова из состава членов Крайкома ВКП(б).

в) Просить Партколлегию КПК по Запсибкраю дополнительно рассмотреть все материалы по Пантюхову, после чего решить вопрос о партположении Пантюхова»²⁸. После рассмотрения этого вопроса на Партколлегии КПК 8 августа 1937 г. бюро Крайкома ВКП(б) исключает Пантюхова из членов партии²⁹.

Следствие

Исключенные из партии и комсомола руководители Запсибкрайкома были арестованы. Обратимся к документам, отложенным в архиве УФСБ по НСО.

В Протоколе допроса Н. Пантюхова от 26 августа 1937 г. сказано, что он подтверждает свою принадлежность к контрреволюционной троцкистской организации и признает себя виновным. В организацию был вовлечен в августе 1935 г. бывшим секретарем ЦК ВЛКСМ Салтановым, которого знал по совместной работе в ЦК комсомола с 1929 г. В показаниях подследственного говорится: «С 1930 по 1933 гг., находясь на учёбе, я не встречался с Салтановым и восстановил с ним связь только в 1933 году, перейдя на работу в политуправление совхозов. Вскоре после того, как я приступил к работе в политуправление совхозов, Салтанов вызвал меня к себе в ЦК и в беседе сообщил мне о его намерении закрепить меня на комсомольской работе.

Работая в политуправлении совхозов, я часто бывал в ЦК, заходил, как правило, к

Салтанову, который мне был известен ближе других секретарей ЦК. В течение всей работы в политуправлении совхозов я неоднократно жаловался Салтанову на ряд трудностей, которыми сопровождалось выдвижение и перемещение на периферии комсомольских работников по линии политотделов МТС. Казалось, что слишком медленно решались эти вопросы в сельхозотделе ЦК ВКП(б).

В начале Салтанов говорил мне о том, что затяжка оформления объясняется необходимостью тщательного отбора этой категории работников, но по мере того, как я начал высказывать ему более резкое недовольство этой медлительностью, Салтанов ответил мне: «А что ты собственно пёшься об этом? Они в ЦК ВКП(б) завели там у себя настолько бюрократический аппарат, в недрах которого хранятся не только твои вопросы, но и вопросы, которые имеют большое значение для развития нашей страны!» При этом он высказал явно троцкистские взгляды по отношению к партийному аппарату, который он не назвал иначе, как рассадником бюрократизма.

Под впечатлением от подобных бесед с Салтановым, который являлся для меня значительным авторитетом, во мне начало культивироваться недоброжелательное отношение к ЦК ВКП(б) и зарождаться сомнение в правильности проводимой им политики, особенно по вопросам внутрипартийного режима.

Я поделился своими сомнениями с Салтановым. Он заявил, что это не только моё мнение, но, что и он, и другие (при этом назвал фамилию секретаря Московского комитета ВЛКСМ Лукьянова) мыслят так же.

Такие разговоры продолжались до второй половины 1935 года. То есть до откомандирования меня на работу в Западную Сибирь. В первых числах сентября 1935 г. меня вызвали в ЦК ВЛКСМ, и в ОРКО сообщили мне о решении ЦК послать меня секретарем Западно-Сибирского крайкома ВЛКСМ в Новосибирск.

На этот раз я имел продолжительную беседу с Салтановым. Салтанов сказал мне, что ЦК посылает меня в Западную Сибирь - это очень большой и вместе с тем богатый край. Работы там очень много, и работа довольно сложная. Я ответил ему, что с помощью ЦК постараюсь с работой справиться. В дальнейшей беседе Салтанов сказал мне, что ему очень хорошо известны мои политические взгляды и отношение к ЦК ВКП(б). По заявлению Салтанова, эти взгляды являются совершенно правильными; «и в Сибири» - сказал он мне, - «ты будешь иметь массу фактов, которые окончательно убедят тебя в том, что правы мы, а не они». Понятно было, что «они» - это члены ЦК ВКП(б).

Салтанов информировал меня о том, что

в последнее время им и другими членами ЦК ВЛКСМ ведётся большая работа, направленная к тому, чтобы стянуть на ответственную работу в ЦК своих людей, создать сильную группу единомышленников; при этом он назвал мне фамилии Лукьянова, Файнберга, как людей, намеченных к работе в аппарате ЦК ВЛКСМ. Сообщив мне о том, что Западная Сибирь представляет собой край, где в недалёком прошлом были сконцентрированы высланные туда известные троцкисты Раковский, Радек, Муралов, Богуславский и другие...»³⁰.

«Салтанов указал мне на необходимость изучения состава краевой комсомольской организации и выявления троцкистов и сторонников троцкизма и объединения их вокруг себя с тем, чтобы в нужный момент иметь в Сибири хорошо сколоченную троцкистскую организацию из комсомольцев.

Салтанов предупредил меня о том, что сразу же по прибытии в Новосибирск я должен буду горячо взяться за улучшение работы комсомольской организации, приобрести доверие и авторитет краевой партийной организации. Только после приобретения доверия Сибирской партийной организации я должен был начать работу по формированию троцкистских кадров. Я заверил Салтанова о том, что все его указания будут мной полностью выполнены.

Прощаясь со мной, Салтанов рекомендовал мне по прибытии в Новосибирск установить тесную связь с Тимофеевым, работавшим редактором «Советской Сибири», охарактеризовал мне его как человека, полностью разделявшего нашу точку зрения в вопросах отношения к Сталинскому руководству. Я точно выполнил все его указания. Прибыв в Новосибирск, я сразу взялся за укрепление комсомольской организации, выправив провалы, допущенные бывшим секретарём крайкома Кокориным. К началу 1936 года у меня установились дружеские отношения с Тимофеевым, который неоднократно приглашал меня к себе в кабинет в редакции, где говорил со мной, расспрашивая о моих Московских связях среди ответственных комсомольских работников. В частности, он особенно интересовался моими взаимоотношениями с секретарями ЦК ВЛКСМ Файнбергом, Лукьяновым и Салтановым.

Всегда в самых положительных тонах я информировал его о том, что Салтанов, Файнберг и Лукьянов мне хорошо известны. При этом я высказывал также положительное мнение о них, особенно о Салтанове, которого я знал ближе других. В дальнейших беседах со мной Тимофеев начал высказывать свою озлобленность к руководящему составу крайкома ВКП(б). В частности, к секретарю крайкома Эйхе. При этом, он жаловался мне на

то, что крайком забирает у него значительную сумму денег и обращает последние на свои нужды... Наиболее характерным являлся факт высказывания Тимофеевым своего отрицательного отношения к линии ЦК ВКП(б) и борьбе с контрреволюционными троцкистами и правыми элементами. Исключение их из партии за принадлежность к троцкистским и правым группировкам он считал неправильным.

Во всех случаях [я] полностью соглашался с доводами Тимофеева, высказывая ему и своё несогласие с слишком крутыми, жёсткими, по моему мнению, мерами, принимаемыми с троцкистско-правым элементом, оставшимся в партии. На этой беседе с Тимофеевым я заключил, что он так же, как и я, двурушничает и враждебно относится к линии партии, взятой на выявление и изгнание из рядов ВКП(б) троцкистов, правых и связанных с ними»³¹.

Из этого повествования можно сделать вывод, что троцкистская организация единомышленников существовала. Н.Пантохов приводит множество причастных фамилий и фактов бытовых встреч, постоянных собраний и разговоров между ними. Но планов активных конкретных действий членов этой группы единомышленников совершенно не просматривается. На вопрос, в чём заключалась практическая контрреволюционная работа троцкистской группы, он ответил: «Прежде всего, в том, что все мы стали двурушниками. Формально признавая решения, указания партии о задачах комсомола, о работе среди молодёжи, о коммунистическом воспитании молодежи, и в то же время последовательно, упорно и неуклонно не проводили это в жизнь. Сознательно проходили мимо крупнейших недостатков в работе отдельных комсомольских организаций. Не организовывали, не искали причин плохой работы. Умышленно давали возможность троцкистам и правым, пробравшимся к руководству отдельными комсомольскими организациями, разваливать эти организации».

На вопрос назвать конкретные факты контрреволюционной деятельности вашей группы, последовал ответ: «...мы, обсудив положение комсомольской организации в свете проводившейся партийными организациями борьбы с троцкистами и правыми, приняли решение не выдавать ни одного человека, состоявшего в связях с троцкистами, и в случае явного провала кого-либо из них, в целях сохранения себя от подозрений принимать некоторое участие в разоблачениях, но одновременно принять меры к переводу таких людей на другую работу, независимо от решений вопроса о пребывании в партии разоблаченного»³². Но практика показывает, что этого им, как правило, не удавалось, причем, на всех даже высших уровнях

центральной власти.

Все последующие утверждения Пантохова в протоколе его допроса в НКВД говорят о том, что деятельность членов правотроцкистской организации в основном сводилась к критике власти, зачастую только призывами к действиям, но не более. Реальных боевых групп и подготовки террористических актов не существовало. На наш взгляд, и не могло быть в условиях тотального контроля и активных опережающих репрессивных действий правоохранительных органов. Это, собственно, и подтверждает подследственный, оговаривая себя, отвечая на конкретный вопрос, что вами практически было сделано, были ли вами созданы террористические группы: «Лично мною террористические кадры в Новосибирске подобраны не были, так как ко времени принятия нами этого решения я не имел никаких связей среди членов Новосибирской комсомольской организации. Короче говоря, я не знал людей – следовательно, выполнить принятое нами решение я не мог, чего не осуществил до дня моего ареста. Ясно одно: если бы меня не разоблачили и не арестовали, я нашёл бы возможность выполнить это решение и террористические кадры в Новосибирске были бы мной подготовлены, но мой арест помешал этому»³³. Создается впечатление, что морально сломленный арестованный наговаривает на себя именно по указке следователей, либо подписывает уже подготовленный ими протокол.

Результат ареста и следственных действий известен. Н.Г. Пантохов одним из первых был осужден и расстрелян в числе большой группы партийных, хозяйственных и комсомольских работников края в период 1937-1938 гг.

По логике событий того времени настал черед соратников секретаря крайкома. После ареста Н.Лесковской в ноябре 1937 г. и двухмесячной «выдержке» ее в следственном изоляторе, 13 января 1938 г. состоялся очередной допрос обвиняемой. Анализ протокола допроса позволяет сделать вывод о полной информированности следователей по делу арестованной, о насыщенности дела обилием фамилий врагов народа и завербованных ими в контрреволюционную правотроцкистскую организацию молодежи. Приводятся весьма своеобразные факты якобы попыток каких-либо организационных действий, направленных на распад существующей политической системы, но реальных противоправных деяний и даже планов не прослеживается. Наветы, интерпретация текущих недостатков под определенным углом зрения, навешивание политических вредительских ярлыков на обычные просчеты в работе, обструкция вполне разумных мнений и поступков превалируют в ответах арестованных.

Обвиняемая Н.Лесковская сама приводит многочисленные надуманные сведения своей «контрреволюционной» деятельности, зачастую просто оговаривая себя и своих товарищей. Создается впечатление, что с ней хорошо «поработали» во время ее предварительного пребывания в тюрьме. Но утверждать это можно только предположительно, сам протокол допроса и другие документы ее дела дают только косвенную информацию о психологическом сломе обвиняемой.

Н.Лесковская приводит не менее двух десятков фамилий и имен знакомых ей уже разоблаченных врагов народа и своих товарищей по работе, утверждая, что была завербована осужденным ранее первым секретарем Запсибкрайкома комсомола. Обратимся к протоколу допроса: «Из членов ВКП(б) я исключена с формулировкой: «За связь с врагами народа, в частности, с бывшим секретарём крайкома ВЛКСМ Пантоховым». В действительности же, как я указала в своем заявлении, причина исключения из ВКП(б) и последовавшего ареста заключается не только в связи с Пантоховым, но и в том, что я на протяжении длительного периода вела активную борьбу с ВКП(б), являлась участницей контрреволюционной троцкистской группы, существовавшей в краевой организации ВЛКСМ и возглавлявшейся Пантоховым... Я должна заявить следствию, что еще до приезда Пантохова в Новосибирск я имела связь с троцкистами Хоробрых и Зуевым и была ими обработана в троцкистском направлении»³⁴.

Обвиняемая заметно оговаривает своего шефа и себя, часто выдавая недостатки в работе за планомерную вражескую деятельность: «За это время Пантоховым и мной в осуществление задачи засорять руководство организации комсомола враждебными элементами были выдвинуты: секретарем Новосибирского горкома ВЛКСМ Прудовский, известный мне как один из ярых сторонников троцкизма, на работу в качестве секретаря комсомольского комитета на оборонном заводе № 153 – Титов Василий, до этого снятый за развал комсомольской работы в политотделе Томской железной дороги. На работу в качестве секретаря Дзержинского райкома ВЛКСМ был выдвинут Марьин, известный своими неустойчивыми настроениями, проявляющий враждебное отношение к руководству ВКП(б), скатывающееся в троцкизм.

Оказывая прямое содействие Пантохову в расстановке враждебных людей на руководящую комсомольскую работу, я от него ещё прямого предложения на участие в организации не имела. Это предложение последовало со стороны Пантохова позднее... После опубликования в газете «Комсомольская правда» о негодном стиле руководства Новосибирского горкома и крайкома ВЛКСМ, где по существу

разоблачалась наша подрывная работа, Пантохов выехал в ЦК ВЛКСМ и оттуда от имени секретаря ЦК ВЛКСМ Лукьянова дал мне указание положить все силы и оставить у руководства Новосибирской городской организации комсомола Прудовского (находился под подозрением как враг народа – С.Г.). Эту директиву Пантохова и Лукьянова я выполнила, навязав ее на бюро крайкома ВЛКСМ как директиву ЦК ВЛКСМ.

Возвратившись из ЦК ВЛКСМ, Пантохов хвалил меня за умелое и четкое выполнение указаний и, оставшись со мной наедине, заявил мне, что он окончательно убедился в моём враждебном отношении к ВКП(б), в доказательство чего привел ряд фактов, когда он в моём присутствии высказывал прямые троцкистские взгляды по вопросам партийного руководства комсомолом, на что с моей стороны не встречал возражений, и указывал, что я совместно с ним несу ответственность за подбор враждебных людей на руководящую работу в комсомольской организации и предложил мне принять участие в деятельности троцкистской группы, созданной им по прямому указанию Салтанова, которое он получил при отъезде в Новосибирск.

Я предложение Пантохова приняла, заявив ему, что о его участии в троцкистской организации я догадывалась и имела намерение сама поговорить с ним об этом. После этого Пантохов посвятил меня более подробно в дела контрреволюционной группы. Он рассказал мне, что троцкистская группа в Запсибкрайкоме создана по указанию Салтанова и троцкистской деятельностью охвачены многие областные и республиканские комс. организации, где у руководства стоят члены троцкистских организаций.

Пантохов сообщил, что участниками троцкистской группы являются Калганов Николай, работавший тогда заведомом руководящих комсомольских органов, Спрингис Роберт – бывший секретарь Томского горкома ВЛКСМ, Янцинецкий Александр, работавший заведомом учащейся молодёжи крайкома ВЛКСМ, Гадаев Игнатий, бывший начальник политотдела Томской железной дороги по комсомолу, Прудовский Наум Михайлович – секретарь Новосибирского горкома, Мурашкин Александр Васильевич – бывший секретарь Сталинского горкома ВЛКСМ»³⁵.

Отвечая на вопросы следователей о практической работе троцкистской группы Лесковская приводит штампованную фразу: «Основной целью нашей группы являлось оказание всемерной помощи враждебным элементам и существующим контрреволюционным организациям в деле вооружённого свержения Соввласти и реставрации капитализма в СССР. Исходя из этой цели, главной задачей всех участников нашей группы, в том числе и актива, являлась дальнейшая вербовка новых

членов в состав группы, о чём я уже выше дала подробные показания. Пантохов говорил мне о существовании организаций, подобных нашей, в ряде республиканских и областных организаций. Кроме того, мне со слов Пантохова известно о существовании в Новосибирской области правотроцкистской организации, с которой у Пантохова существовала связь. Из его слов известно, что он был связан с членами центра этой организации...

Наряду с вербовкой новых участников нашей группы, проводили большую подрывную работу в области политического воспитания в комсомоле. Вследствие деятельности участников группы Спрингис, Марьина, Титова, Прудовского, Гнедош во многих организациях комсомола политическое образование комсомольцев было сорвано. Кроме того, актив нашей контрреволюционной группы проводил большую работу в области морально-бытового разложения комсомольского актива, втягивая его в пьянки.

Мной лично, кроме перечисленных выше фактов контрреволюционной деятельности по вопросам вербовки в состав организации и выполнению указаний из ЦК ВЛКСМ о подборе кадров инструкторов и пропагандистов, была сорвана работа по переподготовке секретарей сельских райкомов комсомола. Не обеспечив курсы преподавателями, помещением и учебными пособиями, я добила того, что 30 районных работников, будучи оторванными от своих районов, проживали в Новосибирске, в районах работа комсомольских организаций разваливалась, а я, истратив все деньги, отпущенные ЦК на проведение курсов, сорвала работу последних.

В 1937 году мною сорвана летняя оздоровительная детская кампания – пионерские лагеря были неподготовлены, и прямым следствием моей вредительской работы являлись факты несчастных случаев в пионерлагерях. Денежные средства, отпускаемые ЦК ВЛКСМ для нужд низовых районных организаций и на культурно-бытовые нужды комсомольского актива, мною не использованы: средства снимались, счета закрывались. Со слов Пантохова и других членов нашей контрреволюционной группы мне известно, что участники нашей группы Полумосквин и Климина протаскивали контрреволюционную контрабанду в детских газетах.

Участник группы Марьин развалил работу Дзержинской районной комсомольской организации. Гадаев, осуществляя связь с участниками правотроцкистской организации, Ваньяном и Степановым, в то же время был связан с Лукьяновым и Пантоховым и проводил подрывную работу в комсомоле Томской железной дороги, срывая политическое воспитание комсомольцев. Практическая деятельность остальных

30 Архив УФСБ по НСО. Дело Пантохова Н.Г. № 3598. Протокол допроса. Л.59-60.

31 Там же. Лл. 63-64.

32 Там же. Лл. 65-66.

33 Там же. Лл. 73.

34 Архив ФСБ по НСО. Следственное дело Лесковской Н.Я. № 5873. Л. 10.

35 Там же. Лл. 11-13.

участников мной показана выше»³⁶.

В протоколе допроса кроме информации о возможной вербовке сторонников нет никаких реальных сведений о контрреволюционных действиях комсомольских работников, за исключением случаев критического обсуждения текущей внутренней политики и деструктивной морально-психологической обстановки в стране, что было несомненной реальностью того времени. Криминала в действиях комсомольцев, даже по ст. 58 тогдашнего УК РСФСР, не было. В основном навешивались надуманные взаимные ярлыки, скорее всего по активной указке следственных органов. Результаты арестов и следственных действий были предreshены...

Суд и приговор

Обратимся дословно к Обвинительному заключению по делу № 14788 по обвинению Лесковской Нины Яковлевны в преступлении, предусмотренном ст. 58-8-7-11 УК РСФСР, утвержденном прокурором при Главной военной прокуратуре военюристом 2-го ранга т. Липовым: «Управлением государственной безопасности УНКВД по Новосибирской области в июне-августе 1937 года вскрыт и ликвидирован глубоко законспирированный контрреволюционный правотроцкистский центр в составе: Грядинского – бывший пред. Запсибкрайисполкома, Воронина и Тиунова – бывшие заместители предкрайисполкома, Колотилова – бывший зав. сельхозотделом крайкома ВКП(б), Фомина – бывший начальник крайЗУ, Тимофеева – бывший редактор краевой газеты «Советская Сибирь», Кракмана – зав. крайздравотделом и друг.³⁷

Политической целью правотроцкистского центра, как это установлено следствием, являлось провозглашение «Сибирской республики» в момент объявления войны при содействии Японии за счет территориальных компенсаций в ДВК. Правотроцкистский центр организационно был связан с врагами народа Бухариным и Рыковым, от которых получал директивы по контрреволюционной работе в Сибири. Члены правотроцкистского центра, исходя из программно-тактических установок, имели связь с представителями иностранных консульств в Новосибирске, по указанию которых занимались шпионской и диверсионно-разрушительной работой.

Установлено, что правотроцкистским центром в период 1934 – 1937 гг. создана в Новосибирской области широкая сеть контрреволюционных групп и организаций из двурушников, правых и троцкистов. Участники контрреволюционной правотроцкистской организации по

заданию своего контрреволюционного центра проводили подготовку вооруженного восстания против Соввласти, занимались шпионско-диверсионной и вредительской работой в области промышленности и сельского хозяйства и вели подготовку террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советского Правительства.

Следствием по делу установлено, что одним из активных участников названной организации является Лесковская Нина Яковлевна, которая вошла в состав организации в 1936 году по предложению руководителя террористической группы организации Пантюхова Н.Г. В 1936 году от Пантюхова получила установки по проведению подрывной работы по развалу низовых комсомольских организаций, вовлечению новых участников в троцкистскую организацию. Приняв указанное задание, Лесковская в 1937 году лично завербовала в организацию руководящих комсомольских работников: Шольского, Марьина и Мезенева.

В марте месяце 1937 года Шольскому дала задание создать террористическую группу в г. Бийске для совершения террористических актов над руководителями советского правительства и ВКП(б). Вместе с другими участниками контрреволюционной организации Лесковская проводила подрывную и вредительскую работу, выразившуюся в развале некоторых районных комсомольских организаций.

На основании вышеизложенного: Лесковская Нина Яковлевна 1906 г.р., русская, гражданка СССР, бывший член ВКП(б) 1926 – 1937 гг. (исключена за связь с врагами народа), окончила 2 курса ИМЛ, до ареста работала вторым секретарем крайкома ВЛКСМ Западно-Сибирского края, обвиняется в том, что, являясь активной участницей контрреволюционной правотроцкистской организации, руководимой врагами народа Бухариным и Рыковым, ставила своей целью свержение Соввласти и реставрацию капитализма в СССР методами шпионажа, вредительства и террора. В течение ряда лет подготавливая террористические акты над руководителями ВКП(б) и Советского Правительства, она – Лесковская:

1. В 1936 году по предложению руководителя троцкистской организации Пантюхова вошла в состав контрреволюционной правотроцкистской террористической организации.
2. Лично завербовала в организацию Шольского, Марьина и Мезенцева, которым давала задания по контрреволюционно-подрывной работе в комсомоле.
3. В 1937 году дала задание Шольскому по созданию контрреволюционной группы в Бийске.

4. Работая вторым секретарем крайкома (исправлено: обкома - С.Г.) ВЛКСМ³⁸, совместно с другими участниками контрреволюционной организации, проводила подрывную вредительскую работу, выразившуюся в засорении троцкистами аппарата крайкома и других комсомольских организаций.

То есть в преступлении, предусмотренном статьей 58-7-8-11 УК РСФСР.

Виновной себя признала полностью. Кроме того, изобличается показаниями обвиняемых: Янцинецкого, Шольского, Калганова и очными ставками с Шольским, Гнедош, Калгановым и Янцинецким.

Настоящее дело подлежит рассмотрению военной коллегии Верховного суда Союза ССР в порядке закона от 1 декабря 1934 года»³⁹.

Многие арестанты на суде соглашались с предъявленными обвинениями и своими прежними показаниями, хотя, очевидно, их мысли были о другом... Надежда на сохранение молодой еще жизни, желание вырваться из мучительных застенков, прекратить, наконец, моральные и физические издевательства любой ценой...

Интересное суждение по этому поводу опубликовал известный историк комсомола В.К. Криворученко, ссылаясь на высказывание Л.М. Гурвича, одного из последних работников Комиссии по изучению истории Коммунистического союза молодежи и юношеского движения в России и СССР⁴⁰, созданной в 1921 г. по решению ЦК РКСМ. Он пояснил это очень просто: в лагерях и тюрьмах «отучали говорить, что мы были правы, нас научили признавать вымышленные ошибки»⁴¹. Каким образом приучали, нам хорошо известно.

Для некоторых арестованных достаточно было психологического воздействия и зачастую абсурдных показаний во время очных ставок. Существенное значение имели обещания сохранить жизнь в случае соглашения с версией следствия. Многие в течении недель пребывания в условиях следственного изолятора были подавлены, становились опустошенно безразличными к своей дальнейшей судьбе. Как бы там ни было, но Николай Пантюхов и Нина Лесковская, в отличие от других, на суде не стали отказываться от своих показаний и признаний своей мнимой вины, думаю, все-таки понимая, что в любом случае они обречены.

В деле № 5873 сосредоточены Справка о содержании Лесковской в ДПЗ УНКВД по НСО с 12 ноября 1937 г., Протокол Подготовительного заседания выездной сессии военной коллегии Верховного суда, Обвинительное заключение, Расписки о его получении Н.Лесковской, Прото-

кол закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. г. Новосибирск от 4 июня 1938 года и окончательный приговор. Завершает дело № 5873 секретная Справка о том, что приговор о расстреле Лесковской Нины Яковлевны приведён в исполнение в городе Новосибирске 4 июня 1938 года⁴². Решение суда, лишившего жизни молодой, как мы видим практически невиновной женщины, длилось всего 10 минут. Таковы реалии конца 1930-х годов!

Кадровый разгром в аппарате Запсибкрайкома ВЛКСМ. Трагические последствия постигли подчиненных Н.Г. Пантюхова и Н.Я. Лесковской зав. отделом юных пионеров Леонида Шольского и зав. отделом руководящих комсомольских органов Запсибкрайкома ВЛКСМ Николая Калганова, которые привлекались по одному делу⁴³ и были расстреляны в июне 1938 г.

Персональное дело об исключении из партии как врага народа Л. Шольского было завешено во время его работы в Крайкоме ВЛКСМ, откуда его передали на рассмотрение Бюро Октябрьского райкома партии. До этого он почти 4 года состоял на выборной комсомольской работе в Бийской организации ВЛКСМ, в том числе в последнее время в качестве секретаря райкома. Из протокола № 17 от 15 августа 1937 г. заседания Бюро РК ВКП(б) следует, что «Шольский являлся одним из руководителей подпольной троцкистско-фашистской группы в Бийской организации ВЛКСМ, которая ставила своей задачей пробраться в руководство... для подрывной контрреволюционной работы. Эта группа пыталась оторвать комсомольскую организацию от партийного руководства. Шольский подбирал и расставлял на различные участки работы «своих людей» из контрреволюционной троцкистско-бухаринской банды, ...сознательно засорял аппарат райкома ВЛКСМ и Комитеты первичных комсомольских организаций враждебными контрреволюционными элементами, развалил работу ряда комсомольских организаций в Пошевенно, колхозы «Красное знамя», «им. Буденного», «Волна», на текстильной фабрике и др.»⁴⁴.

Бюро Октябрьского райкома партии исключило Шольского из рядов ВКП(б) как врага партии и народа. В Новосибирский Горком ВКП(б) была направлена соответствующая записка о «подрывной работе» бывшего секретаря Бийского райкома и зав. отделом Крайкома комсомола. В архивном деле Шольского сохранилась подробная апелляция, которая не была удовлетворена. В ней он пытается доказать, что недостатки в работе не имеют отношения

к «искривлению» линии партии, к вражеской и диверсионной работе и никакой контрреволюционной троцкистской организации молодежи он не создавал⁴⁵. Несмотря на это, Шольский был исключен из партии и арестован НКВД. Следующие события развивались уже по другому сценарию.

Обратимся к Справке, утвержденной начальником Управления НКВД по Запсибкраю майором госбезопасности Горбач и Протоколу допроса обвиняемого: «По имеющимся данным в 4-м отделе УГБ УНКВД по ЗСК, Шольским во время его работы секретарём райкома ВЛКСМ в Бийске создана контрреволюционная группа в составе 18 комсомольцев. Помимо вербовки участники контрреволюционной группы занимались разложением комсомольских организаций, дискредитировали партийное руководство, а во время выборов комсомольских органов проводили в них кандидатуры троцкистов – участников контрреволюционной группы»⁴⁶. В Протоколе допроса Шольский обвиняет Лесковскую о его вербовке в контрреволюционную троцкистскую организацию: «Она стала говорить о том, что проводимые ЦК ВКП(б) репрессии по отношению ко всем, примыкавшим когда-то к оппозиции, слишком суровы и требуют немедленного изменения в сторону их смягчения, что всех нас превращают в молчаливых исполнителей директив... Что в партии установлен порядок выполнять, что тебе прикажут, и не думая, верно это или нет, а то выгонят из партии и с работы. Что внутри партийная демократия – пустой звук, маска, прикрываясь которой ЦК партии творит всё, что ему заблагорассудится. Что этот внутрипартийный режим нужно изменить немедленно и что, по её мнению, изменять его можно лишь при удалении нынешнего руководства партии, а это без упорной борьбы с ЦК невозможно. Что Шольский подбирал и расставлял на различные участки работы «своих людей» из контрреволюционной троцкистско-бухаринской банды, ...сознательно засорял аппарат райкома ВЛКСМ и Комитеты первичных комсомольских организаций враждебными контрреволюционными элементами, развалил работу ряда комсомольских организаций в Пошевенно, колхозы «Красное знамя», «им. Буденного», «Волна», на текстильной фабрике и др.»⁴⁴.

Я в этом разговоре принимал деятельное участие и сказал Лесковской, что полностью разделяю её убеждения. Это, видимо, убедило Лесковскую, что это достаточно обработан, так как наши с ней разговоры и беседы сводились, как я понял потом к этому. Тут же она рассказала мне, что в крае существует подпольная троцкистская организация, ставящая своей целью борьбу с генеральной линией партии и свержение существующего строя, и предложила мне вступить в эту организацию»⁴⁷. Таким образом на допросе Шольский полностью «сдаёт» Лесковскую и воспроизводит с ее слов фамилии членов этой мифической организации. Трудно в полной мере винить в этом арестованного, возможно,

судя по текущим событиям, обреченного на пытки и смертный приговор.

Под давлением следствия, как потом выяснилось, под физическим и моральным воздействием, Шольский соглашается, что получал и частично выполнял ее вражеские задания: «Работая в отделе пионеров крайкома... я увидел, что работа среди пионеров и школьников развалена. Сначала я принялся восстанавливать состояние пионерорганизаций, но потом, когда вошёл в состав троцкистской организации, я эту работу повёл в обратном направлении. Штат вожатых в пионерских отрядах был крайне засорён, политическое воспитание детей было доверено классово чуждым людям. Я этот штат вожатых ещё более засорил классово чуждыми людьми. Срывал коммунистическое воспитание детей, снимал с работы лучших квалифицированных проверенных пионервожатых как не справившихся с работой.

Мною была сорвана работа курсов по подготовке начальников и старших пионервожатых лагерей, что я сделал путем несвоевременной подготовки помещения для курсов, не подобрал преподавателей, не дал вовремя разрядки районам о количестве мест на курсах, сорвал краевое совещание пионервожатых по летней работе среди детей. Этим срывом курсов и совещания я нанёс вред проведению летней детской оздоровительной кампании. Мной санкционировано открытие нескольких летних пионерских лагерей в помещениях, совершенно не приспособленных для этой цели, что подчас угрожало опасностью для жизни детей. Так было с пионерлагерем в городе Сталинске, где я разрешил открыть лагерь с количеством в 300 человек детей в помещении опасном в пожарном отношении, причём в этом помещении не было даже противопожарного инвентаря.

Иногда пионерлагеря были открыты без достаточного количества пионервожатых, в результате чего очень часто имели место несчастные случаи с детьми. Мною была сорвана подготовка кадров пионервожатых, так как я сорвал открытие в 1937 году краевой школы вожатых несмотря на специальное указание об этом ЦК ВЛКСМ.

Всё это вместе взятое привело к тому, что в ряде школ из-за отсутствия работы по коммунистическому воспитанию детей начали появляться антисоветские вылазки, обнаруживались контрреволюционные прокламации религиозного содержания, распространялись фашистские значки. Такие явления имели место в 52-й школе города Новосибирска, в НСШ станции Эйхе, в школах Бийска и Томска и других районах края. О всех этих явлениях меня

36 Архив ФСБ по НСО. Следственное дело Лесковской Н.Я. № 5873. Лл.20-22.

37 Упомянутые персоналии были заместителями и соратниками Р.И. Эйхе, первого секретаря Запсибкрайкома ВКП(б) того времени, известного тем, что он просил центральные власти увеличения лимита по НСО подлежащих расстрелу партийных и хозяйственных работников. Сам впоследствии был расстрелян, не исключено, что в том числе за переписи на этом поприще.

38 Рукописное исправление неизвестного происхождения – о том, что не крайком, а обком: 1937 году было завершено районирование и с этого года изменилось территориальное деление Новосибирской области, поэтому речь идет не о Западно-Сибирском краевом комитете, а именно – об Новосибирском областном комитете ВЛКСМ.

39 Архив УФСБ по НСО. Следственное дело Н.Я.Лесковской № 5873. Лл.69-72.

40 Подробнее о деятельности Истмола и его сибирских отделений см. очерк Сибистпарт и сибистмола: взгляд на проблему: В кн. Очерки истории ВЛКСМ: Сибирские страницы... С.27-35.

41 Криворученко В.К. Молодежь, комсомол, общество 30-х годов XX столетия: к проблеме репрессий в молодежной среде. Научная монография. М. Московский гуманитарный университет. 2011. С.14.

42 Архив УФСБ при НСО. Дело Лесковской Н.Я. № 5873. Лл. 72-74; Лл.75-75 об.; 76-76 об.; 77.

43 Следственные дела всех обвиняемых комсомольских работников были объединены №14788, затем №9562712 и после перерегистрации в 1958 г. № 5873 Дело Лесковской, № 5874 Дело Калганова, № 5875 Дело Шольского.

44 ГАНО. Ф. П-22. Оп.7. Д.5659. Лл.5.

45 Там же. Лл.1-4

46 Архив УФСБ по НСО. Дело Шольского Л.Н. № 5875. Лл.1.

47 Там же. Лл. 12.

информировали, но никаких мер к их устранению я не принимал»⁴⁸.

Анализ многих утверждений Шольского и деталей его подробного допроса, опубликованных в следственном деле, позволяет сделать предположительный вывод о моральном сломе обвиняемого, в результате - оговоре себя и своих товарищей. Под силовым воздействием следственных органов вынужденно придать обычным недостаткам в работе политический контрреволюционный оттенок. Как можно оказывать троцкистское влияние на пионеров-подростков, мало понимающих «текущую политическую линию партии», причем, не на политзанятиях, а на летнем отдыхе? Тем более, что в Протоколе закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР 4 июня 1938 г. отмечено, что подсудимый «виновным себя НЕ признаёт и показания, данные им на предварительном следствии отрицает – он ложно себя и ее оговорил: Лесковская в контрреволюционную организацию его не вербовала». В предоставленном последнем слове подсудимый заявляет, что участником контрреволюционной организации никогда не был и просит суд о справедливости⁴⁹. Заседание суда длилось всего 10 минут. Шольский Леонид Николаевич был приговорен к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в Новосибирске в тот же день 4 июня 1938 г. Акт хранится в особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР. Том 10. Лист 1650.

В это же время шло разбирательство с другими арестованными работниками аппарата крайкома комсомола. В Следственном деле № 5874 Н.В. Калганова в Справке, подписанной известным уже нам начальником УНКВД по Запсибкраю сказано: «Следствием по делу установлено, что в составе крайкома ВЛКСМ существовала контрреволюционная группа, в состав которой входил Калганов. Арестованный по данному делу Пантюхов показал: в бюро краевого комитета ВЛКСМ организационно оформилась и существовала контрреволюционная троцкистская группа в составе меня (Пантюхова), Калганова... которая вела активную контрреволюционную деятельность. Практическая контрреволюционная деятельность этой группы заключалась в том, что все мы стали двурушниками, формально признавая решения и указания партии... последовательно, упорно и неуклонно не проводили их в жизнь... Калганов как участник контрреволюционной троцкистской организации участвовал в разработке плана совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советского пра-

вительства, а также вёл активную подготовку необходимых для этой цели террористических актов. Пантохов 22 августа сего года по этому вопросу показал: 1 декабря 1936 года ... в моей квартире собрались я (Пантохов), Гадаев и Калганов. Гадаев информировал нас о том, что он привёз из Москвы директивы Лукьянова о подготовке в ЗСК террористических кадров, которые можно было бы в нужный момент перебросить в Москву.

Мы между собой распределили районы, в которых наметили создание тергрупп. Калганов должен был вести эту работу в Кемерово, где он имел обширные связи среди комсомольской организации и знал людей, враждебно настроенных к Советской власти и партии... Со слов Калганова мне известно о том, что им были подготовлены несколько человек террористов в Кемерово»⁵¹.

В Обвинительном заключении по делу, утвержденном прокурором при Главной военной прокуратуре военюристом 2-го ранга Липовым, по обвинению Калганова Н.В. в преступлении, предусмотренном ст. 58-7-8-11 УК РСФСР говорится: «Следствием установлено, что одним из активных участников названной организации являлся Калганов Николай Васильевич, который вошёл в состав организации в 1936 году по предложению руководителя террористической группы организации Пантюхова. В 1936 году получил указания от Пантюхова о проведении подрывной работы, направленной на развал комсомольских организаций. Участвовал в нелегальном сборище 1 декабря 1936 года, где получил задание от руководства организации о создании террористической группы в городе Кемерово.

На основании вышеизложенного: Калганов Николай Васильевич 1909 года рождения, русский, гражданин СССР, уроженец с. Мягкое Серебряно-Прудского района Московской области, служащий, член ВКП(б) с 1930 по 1937 г., исключен за связь с врагами народа, до марта 1937 года работал зав. ОРКО крайкома ВЛКСМ⁵², обвиняется в том, что является активным участником контрреволюционной правотроцкистской организации, руководимой врагами народа Бухариным и Рыковым, ставившей своей целью свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР методами шпионажа, вредительства и террора. В течение ряда лет им подготовлялись террористические акты над руководителями ВКП(б) и Советского правительства. Он, Калганов:

1. В 1936 году по предложению руководителя террористической организации Пантю-

хова вошёл в состав контрреволюционной правотроцкистской организации.

2. По заданию Пантохова проводил подрывную работу по развалу комсомольских организаций.

3. Участвовал в нелегальных сборищах, где обсуждались вопросы о подготовке террористических кадров.

4. Лично ему было поручено организовать террористическую группу в городе Кемерово.

То есть преступления, предусмотренные ст. 58-7-8-11 УК РСФСР.

Виновным себя признал полностью.

Кроме того, изобличается показаниями Пантюхова, Лесковской, Янцинецкого, Тимофеева и очной ставкой с обвиняемой Лесковской.

Настоящее дело подлежит рассмотрению Военной коллегии Верховного суда Союза ССР в порядке закона от 1 декабря 1934 г.»⁵³. В деле также находится справка, в которой указано, что арестованный Калганов содержится в ДПЗ⁵⁴ УНКВД с 13 сентября 1937 г. Вещественных доказательств по делу нет. Тем не менее Калганов, как и все другие фигуранты этого дела был расстрелян в день вынесения окончательного приговора 4 июня 1938 г.

Осужденные вместе с Ниной Лесковской по одному делу к ВМН⁵⁵ - расстрелу, работники аппарата Запсибкрайкома ВЛКСМ Николай Калганов и Леонид Шольский на суде не признали своей вины, но это ничего не изменило. Н. Калганов просил суд учесть многолетнюю честную работу на комсомольском поприще. Л. Шольский просил суд о справедливом решении⁵⁶.

Фронтальный анализ приведенных и не вошедших в данный материал архивных документов показывает, что на самом деле обвинения строились на бездоказательной базе, в основном на голословных показаниях, оговорах и на конъюнктурной основе, как и многие другие обвинения, о которых пойдет речь ниже.

Репрессии среди комсомольских работников областей Запсибкрая

Среди сибирских комсомольских лидеров по делу о принадлежности к контрреволюционной правотроцкистской организации в Западной Сибири был арестован, осужден и расстрелян первый секретарь Томского горкома ВЛКСМ Р. Я. Спрингис.

Роберт Яковлевич Спрингис родился 14 августа 1904 в Новгородской губернии в семье латышского крестьянина. В 1927 был направлен

учиться в Москву в коммуниверситет национальных меньшинств Запада им. Ю. Мархлевского. По окончании комвуза с 1932 по 1935 гг. вместе с женой по направлению ЦК партии работал в пропагандистских кружках Гурьева, Ярославля, Гусь-Хрустального. Затем их как уже имеющих опыт пропагандистской работы включили в состав пропагандистской группы ЦК ВЛКСМ и направили в г. Сталинск (ныне - г. Новокузнецк).

После упразднения пропагандистской группы был направлен на комсомольскую работу в Томск, где начал работать в должности заведующего культурно-пропагандистским отделом горкома комсомола, а затем – секретарем горкома.

30 июля 1937 г. в газете «Большевицкая смена» (органа Запсибкрайкома и Новосибирского горкома ВЛКСМ) была опубликована передовая статья, в которой было указано, что секретарь Томского горкома ВЛКСМ Роберт Спрингис «проводил явно враждебную работу в организации, возглавлял враждебные настроения в вопросах материального положения студенчества, срывал политическое воспитание молодежи, отвлекал организацию от борьбы с врагами народа». На следующий день, 31 июля 1937 г. Спрингиса арестовали. В этот же день он был исключен из членов ВКП(б).

После ареста Р. Спрингис был этапирован для следствия в Новосибирскую тюрьму НКВД. 1 августа 1937 г. с разоблачительными статьями в его отношении вышли газеты: та же «Большевицкая смена», а также томская газета «Красное знамя» со статьей «Разгромить вражескую агентуру в комсомоле». 2 и 6 августа газета «Красное знамя» вновь вспомнила о вражеской деятельности Спрингиса. Еще до вынесения приговора 5 августа 1937 г. на состоявшемся VI пленуме Томского горкома комсомола его ещё раз гневно заклемили, а также заклемили его жену как недостаточно активно осуждавшего своего мужа. 3 сентября 1937 она также была арестована.

27 октября 1937 г. в ходе подготовительного заседания Военной Коллегии Верховного суда СССР было принято решение предать Р. Спрингиса суду Военной Коллегии Верховного суда СССР по ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР в порядке закона от 1 декабря 1934 г., т.е. дело заслушать в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей. 28 октября 1937 г. суд Военной Коллегии Верховного суда СССР вынес в отношении его смертный приговор, в этот же день он был расстрелян в Новосибирской тюрьме НКВД⁵⁷. Реабилитирован 12 декабря 1956.

На допросе в НКВД 31 августа 1937 г. Спрингис признал, что до ареста являлся участником контрреволюционной право-троц-

кистской организации, в которую был вовлечен Никульковым В.И., работавшим в 1932-1936 гг. ответственным (первым) секретарем Томского горкома ВКП(б), но «практически никакой троцкистской работы не вел и задания как таковые не получал». Спрингис признал, что «установки от Никулькова сводились к тому, чтобы оторвать комсомольскую организацию от партии и очередных задач соц. строительства... и практически провести следующее:

1. Ликвидировать политическую учебу комсомольцев и студенческой молодежи вообще, путем развала штата пропагандистов, привлечения к руководству школами и кружками политучебы политически безграмотных и соц. чуждых людей, сосредоточив всю работу комсомольской организации на академической учебе и культурном провозждении времени, в форме вечеров самодеятельности, танцев и организации художественных школ.

2. Прекратить изгнание из комсомола лиц, скрывших свое происхождение, из соц. чуждой среды и связи с ней при вступлении в ВЛКСМ. Одновременно развернуть работу по приему в комсомольскую организацию классово чуждого и другого антисоветского элемента.

3. Производить обработку политически неустойчивых и соц. чуждой молодежи для привлечения новых членов в нашу контрреволюционную организацию»⁵⁸.

Далее под давлением следствия Спрингис приводит множество фамилий якобы вовлеченных в Томске в контрреволюционную троцкистскую молодежную организацию, с том числе студентов ряда томских вузов, зачастую просто оговаривая их и себя. В протоколе допроса приводятся следующие сведения:

«Следствием установлено, что право-троцкистская организация, участником которой Вы являлись, практически подготавливала террористические акты в отношении руководящих работников ВКП(б) и правительства. Почему Вы это скрываете? Признаюсь, что об этом я умолчал, так как мне тяжело говорить об этом. Я действительно получал задания от членов нашей организации Машкина (бывший секретарь Горкома ВЛКСМ, осужден за к/р работу в 1936 году) создавать боевые террористические группы из к/р части студенческой молодежи, привлекая для этого наиболее озлобленных против ВКП(б) и сов. власти лиц... В соответствии с полученными мною от Никулькова, Машкина и Пантюхова указаниями, я сделал следующее:

1. Лично сам завалил учет у комсомольцев физ.-технич. института, где я являлся руководителем полит. кружка, и давал установки на срыв политучебы другим пропагандистам.

2. Возглавлял сетаботж по выполнению новой программы ЦК ВЛКСМ, по изучению

истории партии, игнорировал и не проводил в жизнь решения пленума ЦК ВЛКСМ об обязательном привлечении к пропагандистской работе руководящих комсомольских работников.

3. Скрыл от комсомольцев решение Пленума Горкома ВКП(б) о поднятии политической активности и бдительности комсомольцев.

4. Развалил работу Пленума Горкома ВЛКСМ, созыв которого я оттягивал в течение 9 месяцев.

5. Долительно и планомерно разваливал колхозные организации ВЛКСМ, не давал им никаких установок по работе, не посылал в помощь руководящих комсомольских работников из города. До июня месяца 1937 года ни разу не созывал для инструктажа секретарей деревенских организаций ВЛКСМ, не давал им никаких указаний. Работа их никогда не обсуждалась на Бюро Горкома ВЛКСМ и на собрании комсомольского актива.

6. Засорял комсомольскую организацию выходцами из классово чуждой среды, и другими антисоветскими элементами, путем приема их в ВЛКСМ и оставления их в рядах комсомола в случае разоблачения первичными организациями»⁵⁹.

Анализ протокола допроса и косвенных материалов, отложенных в следственном деле Р. Спрингиса позволяют сделать вывод, что инкриминировать арестованному можно было лишь развал в работе, за который следовало его наказывать, в том числе и по партийной линии, но не приговаривать в высшей мере наказания. Это не соответствовало даже тогдашней статье 58 УК РСФСР, по которой привлекались большинство обвиняемых комсомольских работников.

Репрессиям подвергались не только секретари горкомом и райкомов. В таком же положении были лидеры комсомольских организаций вузов, предприятий и колхозов. Ярлыками активных троцкистов были награждены, например, Марьин, секретарь Дзержинского РК ВЛКСМ, В.Титов, секретарь комитета комсомола оборонного завода № 153 (ныне - завод им. В.Чкалова), И.Гадаев, нач.политотдела Томской железной дороги по комсомолу и др. (добавить).

Решением Ленинск-Кузнецкого ГК ВКП(б) 4/II. 1937 г. был исключен из партии В.М.Светлицкий как «троцкист-двурушник, активный пособник банды диверсантов Шахновича (директор шахты им. С.М.Кирова) и протаскивание троцкистских взглядов... Установлено, что Светлицкий арестован НКВД»⁶⁰. Во время исключения он работал нач. КРО шахты им. С.М.Кирова. Вся вина Светлицкого заключалась в том, что во время учебы в Томском Технологическом институте и будучи секретарем парт-

48 Архив УФСБ по НСО. Дело Шольского Л.Н. № 5875. Л.14-15.

49 Там же. Л.96.

50 Там же. Л. 94.

51 Архив УФСБ по НСО. Дело Калганова Н.В. № 5874. Л.1.

52 ОРКО - Отдел руководящих комсомольских органов, так называемый орготдел крайкома, куда был выдвинут Н.Калганов с поста секретаря Кемеровского горкома комсомола.

53 Архив УФСБ по НСО. Дело Калганова Н.В. № 5874. Л. 102-103.

54 ДПЗ - Дом предварительного заключения.

55 Высшая мера наказания - расстрел; в некоторых архивно-следственных документах казуистически называется ВМСЗ - высшая мера социальной защиты.

56 Архив УФСБ при НСО. Д. 5875. Л. 94.; Дело Шольского Л.Н. №5975. Л. 94

57 Архив Мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД». Книга памяти Томской области. <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/springis-robert-yakovlevich/> Томским исследователям удалось выложить в интернет подлинники и ввести в научный оборот все общительные документы по следственному делу репрессированного и расстрелянного Р.Я.Спрингиса.

58 Архив: УФСБ по Томской обл. Ф-8 О-1 Дело П-99. <https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/DOCUMENTS/MATIROLOG/SpringisRJ/Protokol-doprosa-obvinyemogo-Springis.pdf>

59 Там же.

60 ГАНО. Ф.П-8. Он.1.Д.3088. Л.16.

коллектива, он не вел борьбы с троцкистами. В решении парторганизации об исключении из партии сказано: «Светлицкий, состоя в партии, двурушничая, создавал видимость борьбы с троцкистами, подхалимничая, стремился войти в доверие партийной организации...»⁶¹. Затем, работая в Крайкоме ВЛКСМ допустил выдвижение троцкиста Л.Машкина в члены бюро Томского горкома партии и секретаря горкома ВЛКСМ... «Светлицкий объясняет это ошибкой, но эта ошибка была сделана неслучайно, т.к. это подтверждается также его связями с троцкистскими диверсантами Бушиным и Шахновичем уже во время работы нач. КРО на шахте»⁶². Бюро ГК ВКП(б) тщательно готовилось к рассмотрению дела В.Светлицкого: в его партийном личном деле отражены факты, казалось бы, безобидных высказываний, что индустриализацию партия провела за счет крестьянства, что свободы как таковой у нас нет и быть не может, а также по сути специально организованные доносы работавших с ним К.Каминского, К.Федосеевой, О.Кликевича⁶³. Результат - арест, следствие и расстрел 31-летнего бывшего партийного и комсомольского работника, и молодого производственника.

В архивном деле зав.отделом Запсибкрайкома ВЛКСМ А. Янценецкого в его Заявлении на имя председателя выездной тройки ЦК ВКП(б) т. Лихачевой сказано, что, будучи в командировке по поручению крайкома комсомола в г. Томске он не разоблачил там секретаря горкома ВЛКСМ Спрингиса, оказавшегося врагом народа. За это его исключили из партии и освободили от должности зав.отделом крайкома после всего лишь 5 месяцев работы. Он согласился, что вина его заключалась в том, что «я не сумел политически правильно оценить действия Спрингиса и, настаивая на снятии его с работы, не квалифицировал его действия заведомо ложными». Янценецкий до выдвижения на комсомольскую работу в течении трех с половиной лет работал в политотделе Томской дороги, за хорошую работу был награжден, имел 10-летний партийный 17-летний комсомольский стаж и партзвзвонкам никогда не подвергался. Он просил внимательно ознакомиться с его делом, отмечал что понял свои ошибки и писал, что «если партия предоставит мне возможность, я на работе докажу свою преданность партии»⁶⁴.

Янценецкий также написал заявление в комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), где подробно изложил обстоятельства своего дела: «На бюро Крайкома ВЛКСМ б/секретарь крайкома партии Шубриков обвинил меня в том, что я не выполнил его указания о разоблачении секретаря Томского ГК ВЛКСМ Спрингиса,

проводившего в Томске враждебную работу. Как обстояло дело на самом деле? 23 июня я выехал в командировку в Томск для оказания помощи ГК ВЛКСМ в проведении отчетно-выборной кампании, перед отъездом я никаких указаний от Шубрикова не получал и только будучи в Томске узнал от инструктора Крайкома ВКП(б) Костюченко, что он имеет поручение от Шубрикова вместе со мной подготовить к бюро Крайкома ВКП(б) сообщении Томского ГК партии о руководстве выборами в комсомоле.

7/VI бюро крайкома ВКП(б) под председательством Шубрикова слушало секретаря Томского ГК партии Кужелева и Спрингиса. Выступающий на бюро Шубриков и др. указывали на целый ряд недостатков и ошибок в руководстве выборов в комсомоле, однако, ни в выступлении на бюро, ни в принятом решении не было даже намека на враждебную работу Спрингиса. Шубриков до меня был в Томске, проводил городскую партконференцию, при нем Спрингис был избран в члены ГК и делегатом на городскую партконференцию, что мешало ему разоблачить Спрингиса на партийной конференции или, наконец, на бюро крайкома партии. В крайкоме комсомола я работаю недавно... до работы в крайкоме я совершенно не знал Спрингиса и после первой своей поездки в Томск резко критиковал его за работу, но моей грубейшей политической ошибкой является тот факт, что сам я не сумел правильно политически оценить ошибки Спрингиса, не сумел в этих ошибках разглядеть сознательную вражескую работу, за это я заслуженно должен нести суровое партийное наказание. Однако, я никогда не был и не буду пособником врагов народа»⁶⁵.

Судя по этим материалам, Янценецкий пострадал всего лишь за конфликтные отношения на прежней работе и разногласия с партийными работниками, но в результате рассмотрения его дела 7 августа 1937 г. бюро Новосибирского комитета исключило его из партии за пособничество врагам народа. Его дело было сдано в архив, а сам он был арестован НКВД, о чем и было сообщено в Москву в комиссию партконтроля Короткову⁶⁶.

А. Янценецкий был обвинен как активный участник контрреволюционной троцкистской организации, разоблаченной УГБ УНКВД по Новосибирской области в конце 1937 г. В Обвинительном заключении сказано: «Янценецкий Александр Иосифович, 1905 г. рожд., русский, гр. СССР, урож. г. Томска, служащий, б. член ВКП(б) с 1927 по 1937 г., исключен за связь с врагами народа. До августа 1937 г. работал зав. отделом учащейся молодежи Запсибкрайкома ВЛКСМ обвиняется в том, что... он - Янценецкий:

1. В 1937 году по предложению руководителя террористической группы Пантохова вошел в состав контрреволюционной правотроцкистской организации.

2. По заданию Пантохова совместно с участником организации Спрингис в г. Томске [организовал] террористическую группу, предназначенную для совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства.

3. Работая заведующим отделом учащейся молодежи крайкома ВЛКСМ, совместно с другими участниками к-р организации проводил подрывную вредительскую работу, выразившуюся в руководстве комсомольских организаций, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7-8-11 УК РСФСР.

Виновным себя признал полностью. Кроме того, изобличается показаниями обвиняемых: Пантохова, Калганова, Лесковской и Шольского и очной ставк. с обв. [иняемой] Лесковской.

Настоящее дело подлежит рассмотрению Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР, в порядке закона ЦИК СССР от 1/XII 1934 года»⁶⁷.

Репрессивные процессы протекали неоднозначно. Часть обвиненных комсомольских работников кроме обструкции подвергались арестам и детальным расследованиям органов внутренних дел, за которыми следовали длительные сроки осуждения, ссылки и расстрелы. Некоторые работники, обвиненные в связях с врагами народа, после тщательного разбора персональных дел были освобождены от обвинений, хотя и не все были восстановлены на прежней работе. Так, в марте 1936 г. в комсомольской организации Кемеровского Коксохимического завода была избрана секретарем комитета Ольга Голощекина, которая впоследствии была выдвинута на работу в Кемеровский горком ВЛКСМ, а в августе 1937 г. была утверждена зав. отделом учащейся молодежи Новосибирского обкома ВЛКСМ⁶⁸.

После менее полугода работы, как пишет сама О.М.Голощекина в партийной автобиографии, «по клеветническим материалам была обвинена в связях с врагами народа и снята с работы в обкоме. Первичная парторганизация обкома ВЛКСМ вынесла мне выговор «за потерю революционной бдительности и за некоторые связи с врагами народа» ... Октябрьский РК ВКП(б) разобрал мое дело, выговор, данный мне первич. парторганизацией не утвердил, решение первичной организации отменил, как необоснованное и клеветническое... Решением бюро и затем пленума Новосибирского обкома

ВЛКСМ обвинения предъявленные мне ранее были признаны вымыслом и клеветой и изменена формулировка снятия с работы. Пленум обкома записал: «освободить в связи с переходом на др. работу»»⁶⁹. Другая работа, конечно, не была связана с освобожденной комсомольской. Таким образом часто увольняли незапятнанных работников по надуманным основаниям, ослабляя работу комсомольских органов с молодежью.

В декабре 1937 г. был снят с работы и выведен из членов бюро и пленума обкома комсомола бывший секретарь Барнаульского горкома ВЛКСМ, работающий в краевом комитете по физкультуре и спорту Аркуша Ф.К. Ему выразили политическое недоверие и обвинили в связях с разоблаченными врагами народа в комсомоле.

При разборе дела в Кагановичском райкоме ВКП(б) все факты предъявленного обвинения были признаны необоснованными и никаких партзвзвонкам наложено не было. Однако, на прежнем месте его не восстановили и направили на рядовую работу начальником отдела кадров Запсибдревтреста⁷⁰. Следует заметить, что это не повлияло на последующую партийную карьеру Ф.К. Аркуши, который в 1940 г. был избран в состав Центрального райкома ВКП(б), а пленумом избран членом бюро и утвержден зав. оргинструкторским отделом райкома. Затем 8 февраля 1941 г. он был выдвинут вторым секретарем Октябрьского райкома⁷¹, а 14 октября 1941 г. первым секретарем Дзержинского РК ВКП(б)⁷².

Надуманные «чистки» рядов комсомольских работников и актива касались в разной степени их связей с сосланными «врагами народа» и спецпереселенческой молодежью. В докладной записке в Запсибкрайком «Об итогах 3-й Нарымской окружной конференции ВЛКСМ работавший в то время зав. оборонно-спортивным отделом крайкома, Аркуша сообщает об исключении из комсомола до открытия конференции делегатов Штепы, секретаря Каргасокского райкома ВЛКСМ и Вепринцева, зав. отделом политучебы и лишения мандатов на самой конференции комсомольских работников Климчака, Лебедева и Соколова за связь с врагами народа, «искривления линии партии», браки с сосланными и переселенцами, а также за родственные связи с осужденными. Среди них знакомые Штепы Веряскин, Белимов, Волков. Всех этих «враждебных и политически непроверенных» людей Штепа на бюро окружкома справедливо и с риском для

себя защищал, и только на бюро окружкома партии под давлением был вынужден «признать свои ошибки». Также бюро окружкома партии выразило недоверие Эндеру, отстранив его от должности секретаря и члена бюро окружкома за принятие на пленуме антипартийного решения в вопросе приема в комсомол спецпереселенческой молодежи, уравнивая ее со всей молодежью, широко открывая для нее двери комсомола, а также потерю политической бдительности в работе.

В докладной записке отмечено, что на конференции «вскрылось исключительно большое засорение организации различными чуждыми и разложившимися элементами, многочисленные факты женитьбы комсомольцев и даже актива на спецпереселенцах, родственные связи с ссыльными и что окружком и райкомы с этим не вели острой решительной борьбу»⁷³.

В выступлениях комсомольцев на конференциях и пленумах комитетов, в прениях требовалось в обязательном порядке высказывать соображения о необходимости «революционной бдительности», проводить тенденциозные «разборы» их бытовых поступков, порой совершенно безобидных высказываний. Зачастую их смысл приобретал нелепый характер. Политические ярлыки навешивались на совершенно нейтральные действия комсомольцев. В одном из выступлений сказано: «В Кытмановский район из края был прислан на должность режиссера дома Соцкультуры враг народа Светличный. Этот прохвост Светличный выхлещивал из плана работы все политические вопросы, проповедовал буржуазную теорию о том, что культурно-массовая работа не имеет ничего общего с политикой, наше дело, говорил он - ставить спектакли, танцевать и т.п.»⁷⁴.

После IV Пленума ЦК ВЛКСМ в решениях и резолюциях региональных комсомольских конференций и пленумов, в отчетах и справках появляются специальные разделы «О вредительской деятельности троцкистов и двурушников в комсомольских организациях», «О революционной бдительности», «О контрреволюционной деятельности врагов народа и их приспешников», «О вражеских агентах и диверсантах, пробравшихся в комсомол» и т.д. Так например, в докладной записке в Крайком ВЛКСМ «О состоянии борьбы с вражеской агентурой в Бийской комсомольской организации ВЛКСМ» отмечается:

«В Бийской организации комсомола вскрыта и разоблачена троцкистско-фашистская, японо-германская подпольная группа,

ставившая своей задачей:

Через подпольную работу среди комсомольцев разгромить руководство райкома ВЛКСМ, насадить своих людей в первичных комсомольских организациях, и захватить руководство в райкоме ВЛКСМ.

Дискредитировать партийное руководство комсомолом и оторвать комсомол от партии из под партийного идеологического руководства.

Подпольная группа работала конспиративно с 1936 года, особенно активизировав свою деятельность с конца 1936 года, имея непосредственную связь с сыном Троцкого Седовым (и это на периферии! - С.Г.)... Методом работы фашистской подпольной группы являлись: создание (для отвлечения парадности и шумихи через организацию походов, экскурсий, фестивалей, банкетов и т.д. подхалимство, двурушничество, бытовое разложение молодежи, показывая бдительность, и учет настроения молодежи, использование для привлечения в свою троцкистскую группу «недовольных», «обиженных», вредительство в аппарате райкома и первичных организациях, путем контрреволюционных установок на собраниях во время отчетно-выборной кампании, истолковывание демократии как ослабление руководства, предствление ложных сведений по политучебе, через создание видимости благополучия. развал комсомольских организаций, торможение роста комсомольских организаций»⁷⁵.

Решением бюро районного комитета партии от 7/VIII отмечено, что в подпольную троцкистско-фашистскую группу входили 8 комсомольских работников, руководитель Шольский Л. К данной подпольной троцкистской группе близко примыкали еще 7 человек (указаны фамилии - С.Г.)

В докладной записке приводятся конкретные сведения компрометирующего характера на членов этой группы Шольского, Реута, Лужбинину, Седова, Чиркову, а также выдвинутых Шольским Горячева, Нежиловского, Захарова и др., (всего 9 человек - С.Г.), в основном на рядовую комсомольскую работу в хозяйствах⁷⁶. Весьма колоритным представляется стиль этих архивных документов: «Все вышеперечисленные троцкистские последыши имели свою агентуру в первичных организациях, разоблачение которых еще только началось...»

В заключении сделаны соответствующие выводы. Автор записки работник аппарата Запсибкрайкома ВЛКСМ, проверяющий М.Седов, машинопись подписана лично

61 ГАНО. Ф. П-8. Оп.1. Д.3088. Л.2.

62 Там же. Л.2-3.

63 Там же. Л.4-5, 7-12.

64 ГАНО. Ф. 9. Оп.1. Д.1539.

65 Там же. Л.6-7.

66 Там же. Л.1-4.

67 Архив УФСБ Томской области. Д. П-2103. Л.77-79. <https://nkvд.tomsk.ru/researches/passional/yanceneckij--aleksandr-iosifovich/>

68 ГАНО. Ф.4. Оп.18. Д. 2377. Л.3.

69 ГАНО. Ф. П-22. Оп. 5. Д. 1230. Л. 3-4.

70 ГАНО. Ф. 22. Оп.5. Дело 193. Л. 3-4.

71 Там же. Л.8.

72 Там же. Л.10.

73 ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.1108. Л.56-58.

74 Там же. Л.68.

75 ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.1094. Л. 1.

76 Там же. Л. 1-2.

секретарем крайкома Н. Лесковской⁷⁷.

По решению IV Пленума ЦК ВЛКСМ работники аппарата Запсибкрайкома выезжали на места с целью организации борьбы с врагами народа в комсомоле, рассматривая текущие недостатки в работе через призму вражеского влияния на молодежь и предполагая репрессивные действия в отношении инакомыслящих. В справке для членов бюро Крайкома ВЛКСМ «О положении в Болотнинской районной организации ВЛКСМ», подписанной зав.отделом крестьянской молодежи Крайкома Адоньевым говорится: «В январе-феврале месяце с.г. Краевой комитет ВКП(б) вскрыл контрреволюционный троцкистский гнойник в руководстве Болотнинского района. Во главе с председателем Болотнинского РИКа Добрыгиним в районе свирепствовала шайка отъявленных мерзавцев, ставившая своей целью развалить колхозы, подорвать авторитет партии в массах, задушить инициативу и активность масс.

Руководство Болотнинской районной комсомольской организации (Максимов, Лебедев и др.) вместо разоблачения этой шайки оказались на поводе у врагов народа и переняли у них все, что давит инициативу и активность, и разваливает работу»⁷⁸.

Реабилитация

В период 1954–1958 гг. все названные комсомольские работники были реабилитированы, а их дела пересмотрены. В ходе реабилитационных действий в конце 1950-х годов, свидетель Никитина, которая содержалась в камере вместе с Лесковской, утверждала, что в отношении нее и других арестованных оперативные работники УГБ НКВД по НСО применяли незаконные методы следствия с целью принуждения к даче ложных показаний. Каковы были эти незаконные методы можно только предполагать. Архивные документы (протокол допроса, справки и

заявления, очные ставки и др.), к сожалению, не дают полного ответа на этот вопрос.

После реабилитации расстрелянных в 1938 г. комсомольских работников Запсибкрая бывшие сотрудники Новосибирского УНКВД, участвовавшие в следствии и обвинители в суде, были осуждены за нарушения социалистической законности.

Приведенные документы характеризуют истинную морально-политическую атмосферу в комсомольских организациях Запсибкрая в сложный период эскалации повсеместных репрессий, получивший в социально-политической истории России XX века название Большого террора. Это привело к кадровому разгрому сибирских комсомольских организаций, хаосу в работе комитетов комсомола. Усиление недоверия и подозрительности в работе среди молодежи выступало как серьезный деструктивный фактор во всей текущей молодежной политике.

«Еще не привыкли», – отметит в дневнике Муров [9, с. 64].

Знакомство с национальной вьетнамской культурой для советских специалистов было организовано в виде просмотров документальных фильмов («Один день в Ханое», фильм о Хо Ши Мине). Об отношении вьетнамцев к приехавшим преподавателям из Советского Союза можно судить, в частности, по тому факту, что фильм о первом президенте Демократической Республики Вьетнам, снятый в 1960 г. к 70-летию со дня рождения Хо Ши Мина, сам политик не хотел выпускать в прокат. Однако решением Центрального комитета фильм был оставлен только для внутреннего проката во Вьетнаме. В своих вьетнамских записях композитор А.Ф. Муров оценил этот показ для приехавших советских специалистов как признание того, что вьетнамцы считают их «друзьями и братьями по крови» [9, с. 65].

За менее чем недельный срок пребывания в ДРВ супруги Муровы получили множество впечатлений от новой культуры: вьетнамской стороной был оказан чрезвычайно теплый прием. Советские специалисты посетили ряд концертов, несколько музеев (Революционный, созданный в 1959 г. с помощью советских специалистов; Армейский, созданный также в 1959 г.; Художественный), познакомились с достопримечательностями Ханоя (пагодой на одном столбе, центральным парком столичного города, дендрарием, рынком, центральной площадью «Ба-Динь»).

«Не знаю, как пройдет год, возникнут ли какие-либо сложности в отношениях и нежелательные переоценки, но этот месяц, что мы прожили здесь, просто исцелил нас. Мы буквально купаемся в хороших непредвзятых отношениях и с вьетнамцами, и с русскими. <...> Удивительно, как высоко здесь ценят творческих работников, артистов. Иногда нам становится просто неловко от постоянной почтительности и дружелюбия, которым мы здесь окружены. Естественно, что мы платим за это вдвойне своим расположением и желанием работать», – такую запись делает композитор в своем дневнике 1 мая 1971 г. [9, с. 75].

В то же время А.Ф. Муров отмечает, что в южно-азиатской стране совершенно иная культура, постичь которую бывает достаточно трудно. В числе культурных различий он называет несходное понимание юмора; беспрекословное подчинение учителю, которое «иногда даже пугает своим раболепием» (на вьетнамском языке слово *thai* означает и «учитель», и «отец»); своеобразную особенность мышления вьетнамцев, характеризующуюся их любовью к схемам и диаграммам; простоту, сочетающуюся с хитростью, умением что-то скрывать, быть себе на уме; большое чувство коллективизма с отсутствием гордого самолюбия или стремления к самоизоляции. Наконец, самым невероятным

сочетанием национального характера композитор называет сочетание доброты, гостеприимства, радушия с азиатской жестокостью [9].

Кроме того, особенностями культуры Демократической Республики Вьетнам А.Ф. Муров называет культ всевозможных собраний, совещаний, заседаний: решение самых простых задач требует согласований и обсуждений с начальниками. Как следствие – отсутствие оперативного решения задач.

В одном из ханойских писем композитор поделится со своими родителями: «Мы постоянно здесь испытываем разные удивительные впечатления от местных обычаев, образа жизни, окружающей природы» [10, л. 19].

Спустя несколько десятилетий после вьетнамской командировки жена композитора Алла Федоровна в «Воспоминаниях об Аскольде Мурове» в какой-то мере повторит это утверждение: «Вьетнам – страна очень загадочная и неоднозначная. В то время на фоне общей нищеты в буквальном смысле, мы видели довольно богатую жизнь во дворах людей не из простонародья» [9, с. 30].

На протяжении всего периода работы супругов Муровых в северовьетнамской республике им оказывались приемы на самых высоких уровнях: советское посольство во Вьетнаме, Государственный комитет по экономическим связям, Политическое управление Республики.

Дважды они приглашались на обеды к начальнику политического управления генералу Ле Куон Дао. Причем с первого раза произвели на генерала столь хорошее впечатление, что тот приказал обеспечить Муровым все, что они потребуют.

Летом 1971 г. супруги побывали в небольшом отпуске, в поездке по Вьетнаму. Когда же они вновь приступили к работе, поздравить их с выходом в училище приехала целая делегация во главе с начальником управления внешних отношений [10, л. 117об.].

В октябре 1971 г. Алла Федоровна была приглашена Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Демократической Республике Вьетнам И.С. Щербakovым на коктейль в честь делегации Комитета советских женщин, возглавляемого в тот период первой женщиной-космонавтом В.В. Терешковой [11].

Следует отметить, что несмотря на несомненное расположение вьетнамцев к советским специалистам, в 1968 г. был издан закон, в соответствии с которым общение местного населения с иностранцами разрешалось только на служебной почве. Если вьетнамцы посещали кого-то, то они должны были это делать группой, имея при этом разрешение. Иностранцы же не должны были встречаться с вьетнамцами в их квартирах (нарушение грозило вьетнамцам тяжелыми наказаниями, вплоть до повешения) [9, с. 82].

Занятия со своими учениками – вьет-

Жуковская Мария Александровна – кандидат педагогических наук, ведущий методист ГКУ НСО «Государственный архив Новосибирской области» (Свердлова ул., д. 16, г. Новосибирск, 630007, Российская Федерация); e-mail: maria_turbina@mail.ru

Аннотация: В статье представлен обзор архивных материалов из личного фонда советского композитора, лауреата Государственной премии Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, Аскольда Федоровича Мурова, пребывавшего вместе с женой Аллой Федоровной Муровой в течение года в служебной командировке в воюющей Демократической Республике Вьетнам (1971–1972 гг.).

В публикации отражены отдельные малоизвестные факты рассматриваемого исторического периода, касающиеся локального военного конфликта в Индокитайском регионе.

На основе анализа исторических источников автор приходит к выводу, что несмотря на сложность политических условий и остроту социальной ситуации, в которой происходило взаимодействие советской и вьетнамской культур, их взаимовлияние оказалось благоприятным для обеих сторон.

Ключевые слова: история советско-вьетнамских отношений, история внешней политики СССР, новейшая история Вьетнама, советско-вьетнамские культурные отношения, советские специалисты, Вьетнамская война, Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ, Северный Вьетнам).

Zhukovskaya Mariya Aleksandrovna – PhD in pedagogy, leading methodologist of the State Archive of the Novosibirsk Region (Novosibirsk, Russian Federation); e-mail: maria_turbina@mail.ru

Annotation: The article analyzes some review of archival materials from the personal collection of the soviet composer, laureate of the State Prize of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, Askold Fedorovich Murov, who has been staying with his wife Alla Fedorovna Murova for a year on a business trip in the warring Democratic Republic of Vietnam (1971–1972).

The publication reflects some little-known facts of this historical period about the local military conflict in the Indo-China region.

Based on the analysis on historical sources the author comes to the conclusion that despite of the difficulties of politic and social situation of the time mutual influence of cultures turned out to be favorable.

Keywords: history of Soviet-Vietnamese relations, history of USSR foreign policy, recent history of Vietnam, Soviet-Vietnamese cultural relations, soviet specialists, Vietnam War, Democratic Republic Vietnam (DRV, North Vietnam).

⁷⁷ ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.1094. Лл. 4об-5.
⁷⁸ ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.1108. Лл.102-105.

УДК 327(47+597)

К ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ВЬЕТНАМСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПИСЬМА ИЗ ХАНОЯ КОМПОЗИТОРА АСКОЛЬДА МУРОВА (1971–1972 гг.)

To the history of Soviet-Vietnamese relations: letters of the composer Askold Murov from Hanoi (1971–1972)

Официальное установление межгосударственных отношений России как правопреемницы СССР и Социалистической Республики Вьетнам относится к 1950 г., когда 30 января Центральный комитет ВКП(б) и правительство Советского государства приняли решение об установлении дипломатических отношений с Демократической Республикой Вьетнам (ДРВ)¹. В 1955 г. Советский Союз и ДРВ подписали соглашение по экономическому и торговому сотрудничеству, положившему начало развитию экономического, научно-технического и торгового сотрудничества.

При этом безусловно значимым в отношениях двух стран является период Вьетнамской войны 1965–1975 гг., ставшей одним из важнейших событий другого более масштабного исторического явления – Холодной войны. Ход и итоги этого длительного военного конфликта не могли не повлиять на геополитическую ситуацию не только в Юго-Восточной Азии, но и во всем мире.

Изучение документов, относящихся к истории экономических и политических советско-вьетнамских отношений, нашло достаточно широкое отражение в отечественной

научной литературе и публицистике [1–6].

Менее изученным следует признать культурный аспект взаимодействия Советского Союза и Вьетнама в годы военного противостояния между двумя вьетнамскими государствами. При этом документы первого десятилетия становления отношений между СССР и ДРВ позволяют познакомиться с мало освещенными фактами, восстановить исторические события, оценить современные общественные процессы.

В связи с вышесказанным особенно интересным может оказаться обращение к таким письменным историческим источникам, как воспоминания, дневники и частная переписка людей, познакомившихся с культурной жизнью Северного Вьетнама в исторически непростой период боевой конфронтации 1965–1975 гг.

В начале 1970-х гг. воюющий Вьетнам запросил у Советского Союза двух специалистов – педагогов по композиции и вокалу. В связи с этим новосибирский композитор Аскольд Федорович Муров с женой-вокалисткой Аллой Федоровной Муровой в течение года находился в служебной командировке в ДРВ (1971–1972 гг.). Супруги

работали в военнохудожественном училище при Генеральном политуправлении Вьетнамской армии, их учениками были композиторы и вокалисты вьетнамских военных ансамблей.

В настоящей статье использованы материалы хранящегося в Государственном архиве Новосибирской области фонда композитора Аскольда Федоровича Мурова, лауреата Государственной премии Российской Советской Федеративной Республики, в котором отложились в том числе воспоминания и письма композитора о годовом пребывании в северовьетнамской республике.

Впечатления, которые советский композитор Аскольд Федорович Муров отмечает в своих дневниковых записях по приезду в апреле 1971 г. в северовьетнамскую столицу Ханой, можно назвать живыми и приятными. В первые же дни прилета он и его супруга Алла Федоровна встречают множество вьетнамских детей на улицах города. «Детей – гибель! И все они окружают, забегают вперед, заглядывают в лица, кричат «ленсо» (советский). Становит-

¹ Демократическая Республика Вьетнам – государство, созданное в 1945 г. в результате победы Августовской революции над французскими колонизаторами и японскими оккупантами. В октябре 1955 г. на юге страны было провозглашено еще одно вьетнамское государство – Республика Вьетнам, которое было сразу признано США, Великобританией, а затем и Францией. Как следствие, на территории Вьетнама образовались два государства: так называемый Северный Вьетнам – ДРВ и Республика Южный Вьетнам. Последняя была провозглашена в июне 1969 г. В 1976 г. произошло объединение Севера и Юга Вьетнама в Социалистическую Республику Вьетнам (СРВ) [7, 8].

намскими композиторами и вокалистами супруги Муровы вели через переводчиков, которыми советские специалисты были очень довольны. Несмотря на это определенные (по всей видимости неизбежные) сложности с точностью перевода на вьетнамский язык существовали.

В письме из Ханоя родителям 14 мая 1971 г. Аскольд Федорович напишет: «Большую трудность создает в работе перевод. Мой профессиональный лексикон сложный и порой утонченный, а передать все это никакой переводчик не в состоянии, поэтому до них [учеников] доходит не полная и исчерпывающая мысль-понятие, а только ее контуры!!!»² [10, л. 13]. Кроме того, особенностью Вьетнама является обилие диалектов. Как вспоминала позже и супруга композитора Алла Федоровна, ее переводчик ранее работал у военных, а потом попал в сферу искусства. Помимо этого, он был родом из места на границе с Китаем, а ученики-вокалисты – из других провинций, говорили на своих диалектах. Даже то, что понимал переводчик, он начинал объяснять певцу, а тот не понимал. «Приходилось все время рассказывать, показывать и руками, и ногами, и корпусом, и голосом» [9, с. 29].

Ансамбль, с которым начал работать А.Ф. Муров, полностью состоял из бывших солдат-артиллеристов и др. При этом, по словам Аскольда Федоровича, главной движущей силой была политраба, было очень много комиссаров-политруков (политруки в цехах, балете, оркестре). Вьетнамское руководство ансамбля с самого начала рассчитывало на действенную помощь в работе.

У Аскольда Федоровича стажировались тринадцать вьетнамских композиторов, у Аллы Федоровны столько же вокалистов.

По воспоминаниям супругов, работать со студентами, занимающимися вокалом, было легче, чем с вьетнамскими студентами-композиторами.

В частности, Алла Федоровна в одном из ханойских писем поделится с родственниками: «Все студенты занимаются очень охотно и с большим интересом, чего я бы не сказала о своих студентах в Новосибирске. Работать с ними приятно. <...> А они, бедные, не могут петь в полную силу, потому что организм истощен. А если и пытаются, то от сильного звука у них звенит в ушах и кружится голова» [10, л. 21].

И связано это было со скудным питанием вьетнамских вокалистов...

Композитор же в конце мая 1971 г. в письме в Новосибирск родителями изложит мысли и впечатления от работы со своими вьетнамскими стажерами. Он откровенно выскажет, что все они хотят писать оперы, концерты, балеты, а могут едва сочинить песню. В связи с этим приходится использовать именно практический накопленный

опыт прежних лет, иногда даже просто писать за учеников музыкальные фрагменты. Впрочем, Аскольд Федорович признает, что вьетнамские студенты – «люди очень способные и очень трудолюбивые, усердные» [10, л. 27об.].

Работать супругам приходилось в весьма трудных условиях, но очень много и с видимой отдачей.

Помимо педагогической деятельности А.Ф. Муров много времени уделял изучению вьетнамского фольклора, истории и культуры. Он регулярно проводил теоретические семинары, на которых анализировались европейские, в том числе советские, партитуры. По его же оценке, занятия воспринимались с большим интересом. Кроме того, для вьетнамских композиторов Муров читал цикл лекций о современной музыке.

Более полугодом Аскольд Федорович собирал исходные материалы для обработки вьетнамских народных песен. И в конце 1971-го на встрече с ханойскими композиторами он представил свой опыт работы над вьетнамскими произведениями. Председатель вьетнамского Союза композиторов, его секретарь и несколько членов союза поблагодарили Мурова за чуткое и уважительное отношение к национальной музыке, признав, что вьетнамские песни в обработках не искажены, хотя и чувствуется, что произведения написаны иностранцем [9].

За период пребывания супругов в ДРВ они многократно давали музыкальные концерты. Слушателями были и послы дружественных СССР европейских государств – Германской Демократической Республики, Чехословакии, Болгарии, и вьетнамские композиторы, и ханойские музыканты. Особенно значимым событием стало выступление Аллы Федоровны с сольным концертом в Большом театре Ханоя, которой она дала в январе 1972 г., незадолго до возвращения на родину. Программа состояла из двух отделений: академического и популярного, вьетнамского. Такое сочетание, по оценке композитора Мурова, не выглядело безвкусно, а даже органично. Уровень же организационно мероприятия был очень высоким. Достаточно сказать, что перед концертом с вьетнамской стороны выступил начальник художественного бюро Суан-Тхьем. С ответным словом выступил А.Ф. Муров. После окончания программы по просьбе публики четыре вещи были исполнены на бис. Вьетнамские песни были встречены шквалом аплодисментов [9].

Шесть обработок вьетнамских народных песен явились результатом работы Аскольда Федоровича в ДРВ, там они и были изданы.

Спустя несколько лет, уже вернувшись на родину, в передаче «От чистого сердца» на новосибирском радио композитор скажет, что работал над произведениями с большим увлечением, предназначал их конкретным

исполнителям-вокалистам и благодарен им за прекрасное исполнение песен. В эфире этой передачи помимо вьетнамской национальной музыки, обработок народных песен А.Ф. Мурова, созданных им во время командировки в ДРВ, прозвучали и новые произведения композитора, написанные уже на родине: «Два впечатления о незабываемом Вьетнаме». Как объяснил Аскольд Федорович, в этих произведениях не следует искать подражания вьетнамской музыке. «Но легкий, едва заметный, оттенок восточного, вьетнамского колорита, ритмы, а главное, чувства, которые я испытываю в этих звучаниях, – это главное, что заложено в этих двух произведениях и что связано с Вьетнамом. <...> Мы никогда не забудем эту прекрасную страну и этих замечательных людей!» – скажет в заключение передачи Муров [12, л. 11].

Гораздо позже, почти через четверть века – в 1995 г. – композитор, говоря о годичном пребывании во Вьетнаме, в своей автобиографии отметит: «Без ложной скромности считаю это нашим патриотическим поступком» [13, л. 5].

Уже в 2013 г. супруга композитора Алла Федоровна вспомнит о многочисленных выездах на позиции, на которых летали боевые самолеты. По приезду на фронт ученики-вокалисты начинали петь, поднимать боевой дух. При этом во Вьетнаме было немало советских специалистов, многие из которых погибли [14, с. 6].

Попытки оценить события Вьетнамской войны были предприняты разными сторонами и участниками международного локального конфликта.

Так, Филипп Б. Дэвидсон, отставной генерал-лейтенант армии США, служивший во Вьетнаме в качестве начальника разведывательного отдела штаба американского командования в своей биографической книге «Война во Вьетнаме» анализирует причины «проигрыша войны» американской стороной. В частности, рассуждая о победе северовьетнамцев, он приходит к выводу, что для них эта война была революционно-освободительной, а такая война, по словам американского военного, является политической, тотальной, затяжной, меняющейся. Помимо этого, «для ведения революционно-освободительной войны все силы используются как единое целое. Это включает в себя применение всех средств воздействия маленькой группой руководителей, опыт которых включает в себя не только военную теорию, но и политическую науку, психологию и дипломатию» [15, с. 458].

В связи с этим следует отметить, как в одном из ханойских писем А.Ф. Муров делится впечатлениями о концерте самодеятельности Хайфонского судостроительного завода³. Композитор и его жена побывали там на зенитных позициях. В подарок от защитников города

Муров получил перстень, на котором было выгравировано: «Хайфон–200». Это означало, что перстень сделан из металла двухсотого американского самолета, сбитого над Хайфоном. «...Поют и танцуют вьетнамские юноши и девушки несмотря на войну. Даже наперекор ей. Это тоже форма борьбы. Это признак силы нации, ее здорового духа, ее оптимизма», – напишет Аскольд Федорович 25 августа 1971 г. одному из своих друзей [16, л. 11].

Именно помощь в поддержании боевого духа (так называемая психология) была одной из целей приезда советских специалистов в ДРВ. И, судя по тому, что правительство северовьетнамской республики оценило их труд высокими национальными наградами, со своей задачей в поднятии уровня профессионализма вьетнамских музыкантов, выезжающих в составе агитационных бригад на передовые линии, они прекрасно справились. Каждый из супругов был удостоен ордена «За военный подвиг», медали «За сотрудничество в

борьбе с американским империализмом», оба получили боевые значки Министерства обороны Демократической Республики Вьетнам «Пятое Августа».

В 1972 г. генеральный секретарь Союза композиторов Демократической Республики Вьетнам До Нюан в письме, адресованном генеральному секретарю Союза композиторов СССР Т.Н. Хренникову и второму секретарю правления П.И. Савинцеву, подчеркнет, что работа супругов Муровых с вьетнамскими композиторами и вокалистами – «это неоценимая, практическая, искренняя помощь в наших культурных связях и выражение прекрасной дружбы, братского, боевого сотрудничества между двумя союзами композиторов, между двумя нашими странами» [14, с. 7].

В то же время богатая южно-азиатская культура оставила заметный след в памяти композитора и его супруги. Так, в письме, адресованном другу – композитору Ю.Н. Корнакову, Аскольд Федорович поделился

впечатлениями о посещении действующей вьетнамской пагоды: «...он [монах] читает нараспев слова Будды о Лотосе, цветы которого растут из гнилья, но аромат их чудесен. И этот аромат, и их чистота не подвержены запаху гнили.

Мысль емкая и пронизывающая. Мы покидаем этот храм, ошеломленные неувядаемой свежестью этих тысячелетних мудростей, с их светлыми надеждами, жаждой справедливости и любовью к людям, в которых так нуждается современный мир. Не правда ли? Нам, во Вьетнаме, это особенно видно» [16, л. 5].

Таким образом, несмотря на то что взаимодействие представителей Советского Союза и жителей Северного Вьетнама происходило в период жестокого международного локального конфликта, нельзя не отметить, что межкультурная коммуникация имела свое историческое значение для как для вьетнамской, так и для отечественной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Антонов С. Хроника катастрофы: как США проиграли войну во Вьетнаме в 1965–1975 годах Ч. I // URL: <https://rusplit.ru/society/hronika-katastrofyi-kak-ssha-proigrali-voynu-vo-vetname-v-19651975-godah-chast-i-19406.html> (дата обращения: 06.12.2021).
2. Антонов С. Хроника катастрофы: как США проиграли войну во Вьетнаме в 1965–1975 годах. Ч. II // URL: <https://rusplit.ru/society/hronika-katastrofyi-kak-ssha-proigrali-voynu-vo-vetname-v-19651975-godah-chast-ii-19418.html> (дата обращения: 07.12.2021).
3. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт – МОНФ, 1997. 353 с.
4. Исаев М.П., Чернышев А.С. История советско-вьетнамских отношений. 1917–1985. М., 1985. 304 с.
5. Конорева И.А. Новые архивные материалы о советской помощи Демократической Республике Вьетнам в 1955 г. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-arkhivnye-materialy-o-sovetskoj-pomoschi-demokraticheskoj-respublike-vietnam-v-1955-g/viewer> (дата обращения: 06.12.2021).
6. Антонов С. Хроника катастрофы: как США проиграли войну во Вьетнаме в 1965–1975 годах Ч. II // URL: <https://rusplit.ru/society/hronika-katastrofyi-kak-ssha-proigrali-voynu-vo-vetname-v-19651975-godah-chast-ii-19418.html> (дата обращения: 07.12.2021).
7. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт – МОНФ, 1997. 353 с.
8. Исаев М.П., Чернышев А.С. История советско-вьетнамских отношений. 1917–1985. М., 1985. 304 с.
9. Конорева И.А. Новые архивные материалы о советской помощи Демократической Республике Вьетнам в 1955 г. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-arkhivnye-materialy-o-sovetskoj-pomoschi-demokraticheskoj-respublike-vietnam-v-1955-g/viewer> (дата обращения: 06.12.2021).
10. Антонов С. Хроника катастрофы: как США проиграли войну во Вьетнаме в 1965–1975 годах Ч. I // URL: <https://rusplit.ru/society/hronika-katastrofyi-kak-ssha-proigrali-voynu-vo-vetname-v-19651975-godah-chast-i-19406.html> (дата обращения: 06.12.2021).
11. Антонов С. Хроника катастрофы: как США проиграли войну во Вьетнаме в 1965–1975 годах Ч. II // URL: <https://rusplit.ru/society/hronika-katastrofyi-kak-ssha-proigrali-voynu-vo-vetname-v-19651975-godah-chast-ii-19418.html> (дата обращения: 07.12.2021).
12. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт – МОНФ, 1997. 353 с.
13. Исаев М.П., Чернышев А.С. История советско-вьетнамских отношений. 1917–1985. М., 1985. 304 с.
14. Конорева И.А. Новые архивные материалы о советской помощи Демократической Республике Вьетнам в 1955 г. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-arkhivnye-materialy-o-sovetskoj-pomoschi-demokraticheskoj-respublike-vietnam-v-1955-g/viewer> (дата обращения: 06.12.2021).
15. Антонов С. Хроника катастрофы: как США проиграли войну во Вьетнаме в 1965–1975 годах Ч. I // URL: <https://rusplit.ru/society/hronika-katastrofyi-kak-ssha-proigrali-voynu-vo-vetname-v-19651975-godah-chast-i-19406.html> (дата обращения: 06.12.2021).
16. Антонов С. Хроника катастрофы: как США проиграли войну во Вьетнаме в 1965–1975 годах Ч. II // URL: <https://rusplit.ru/society/hronika-katastrofyi-kak-ssha-proigrali-voynu-vo-vetname-v-19651975-godah-chast-ii-19418.html> (дата обращения: 07.12.2021).

REFERENCES

1. Antonov S. Khronika katastrofy: kak SShA proigrali voynu vo V'etname v 1965–1975 godakh Ch. I // URL: <https://rusplit.ru/society/hronika-katastrofyi-kak-ssha-proigrali-voynu-vo-vetname-v-19651975-godah-chast-i-19406.html> (data obrashcheniya: 06.12.2021).
2. Antonov S. Khronika katastrofy: kak SShA proigrali voynu vo V'etname v 1965–1975 godakh Ch. II // URL: <https://rusplit.ru/society/hronika-katastrofyi-kak-ssha-proigrali-voynu-vo-vetname-v-19651975-godah-chast-ii-19418.html> (data obrashcheniya: 07.12.2021).
3. Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voyny (1945–1995). M.: Konvert – MONF, 1997. 353 s.
4. Isaev M.P., Chernyshev A.S. Istoriya sovetsko-v'etnamskikh otnoshenii. 1917–1985. M., 1985. 304 s.
5. Konoreva I.A. Novye arkhivnye materialy o sovetskoj pomoschi Demokraticheskoj Respublike V'etnam v 1955 g. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-arkhivnye-materialy-o-sovetskoj-pomoschi-demokraticheskoj-respublike-vietnam-v-1955-g/viewer> (data obrashcheniya: 06.12.2021).
6. Antonov S. Khronika katastrofy: kak SShA proigrali voynu vo V'etname v 1965–1975 godakh Ch. I // URL: <https://rusplit.ru/society/hronika-katastrofyi-kak-ssha-proigrali-voynu-vo-vetname-v-19651975-godah-chast-i-19406.html> (data obrashcheniya: 06.12.2021).
7. Antonov S. Khronika katastrofy: kak SShA proigrali voynu vo V'etname v 1965–1975 godakh Ch. II // URL: <https://rusplit.ru/society/hronika-katastrofyi-kak-ssha-proigrali-voynu-vo-vetname-v-19651975-godah-chast-ii-19418.html> (data obrashcheniya: 07.12.2021).
8. Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voyny (1945–1995). M.: Konvert – MONF, 1997. 353 s.
9. Isaev M.P., Chernyshev A.S. Istoriya sovetsko-v'etnamskikh otnoshenii. 1917–1985. M., 1985. 304 s.
10. Konoreva I.A. Novye arkhivnye materialy o sovetskoj pomoschi Demokraticheskoj Respublike V'etnam v 1955 g. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-arkhivnye-materialy-o-sovetskoj-pomoschi-demokraticheskoj-respublike-vietnam-v-1955-g/viewer> (data obrashcheniya: 06.12.2021).
11. Antonov S. Khronika katastrofy: kak SShA proigrali voynu vo V'etname v 1965–1975 godakh Ch. I // URL: <https://rusplit.ru/society/hronika-katastrofyi-kak-ssha-proigrali-voynu-vo-vetname-v-19651975-godah-chast-i-19406.html> (data obrashcheniya: 06.12.2021).
12. Antonov S. Khronika katastrofy: kak SShA proigrali voynu vo V'etname v 1965–1975 godakh Ch. II // URL: <https://rusplit.ru/society/hronika-katastrofyi-kak-ssha-proigrali-voynu-vo-vetname-v-19651975-godah-chast-ii-19418.html> (data obrashcheniya: 07.12.2021).

² В цитате сохранена пунктуация и графическое оформление А.Ф. Мурова.

³ Порт Хайфон подвергся особенно жестоким бомбардировкам со стороны американской авиации.

novye-arhivnye-materialy-o-sovetskoj-pomoschi-demokraticeskoy-respublike-vietnam-v-1955-g/viewer (data obrashcheniya: 06.12.2021).

6. Konoreva I.A., Korovyakovskii I.V. Sovetskii Soyuz i mezhdunarodnye lokal'nye konflikty v Indokitae: seredina 40-kh – nachalo 70-kh gg. KhKh v. // Uchenye zapiski: elektronnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 3. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15165751_65983254.pdf (data obrashcheniya: 07.12.2021).

7. Voennaya entsiklopediya. V 8 t. / Pred. gl. red. komissii P.S. Grachev. T. 2: Vaviloniya – Gyuis. M.: Voenizdat, 1994. 554 s.

8. Voina vo V'etname. 1965–1975 // Vsemirnaya istoriya: entsikl. // https://w.histrf.ru/articles/article/show/voina_vo_vietnamie_1965_1975 (data obrashcheniya: 06.12.2021).

9. Askol'd Murov: Muzyka. Sibir'. Epokha / Avt.-sost. L.L. Pyl'neva. Novosibirsk: Nauka, 2008. 448 s.

10. Pis'ma Askol'da Fedorovicha i Ally Fedorovny Murovykh iz g. Khanoya (V'etnam) rodnym. T. 1 // GANO. F. R-2472. Op. 1. D. 105. 142 l.

11. Priglasenie A.F. Murovoi na kokteil' ot Chrezvychainogo i Polnomochnogo Posla SSSR v Demokraticeskoi Respublike V'etnam v chest' delegatsii Komiteta sovetskikh zhenshchin, priglasenie na vstrechu s V.V. Tereshkovoii na v'etn. yaz. // GANO. F. R-2472. Op. 1. D. 214.

12. Tekst radiopredachi «Ot chistogo serdtsa» (vospominaniya suprugov Murovykh o prebyvanii vo V'etname); vystupleniya A.F. Murova na plenumе Soyuzа kompozitorov RSFSR; na kruglom stole «Muzykal'naya zhizn' sibirskikh gorodov» (g. Tomsk, stenogramma kruglogo stola s uchastiem drugih kompozitorov); tekst neproiznesennoi rechi [«Moe vystuplenie budet v osnovnom kriticheskim...»]; vystuplenie

A.F. Murova na torzhestvennom akte otkrytiya memorial'noi doski na dome, v kotorom v zhil I.I. Sollertinskii (g. Novosibirsk) i dr. // GANO. F. R-2472. Op. 1. D. 95. 50 l.

13. Avtobiografii, napisannye A.F. Murovym v raznye gody zhizni // GANO. F. R2472. Op. 1. D. 117. 5 l.

14. Murova A.F. Landshafty zhizni i tvorchestva Askol'da Fedorovicha Murova // Vestn. Novosib. muz. kolledzha im. Askol'da Fedorovicha Murova. 2014. № 7. S. 5–9.

15. Davidson Ph.B. Vietnam At War. The History 1946–1975. Oxford University Press, 1991. (Russ. ed.: De'vidson F. Voina vo V'etname. M.: Izografus; E'ksmo, 2002. 489 s.)

16. «Pis'ma iz Khanoya». Pis'ma A.F. Murova, adresovannye Yu.N. [Kornakovu?], iz Demokraticeskoi Respubliki V'etnam s rasskazami o prebyvanii vo V'etname. Pis'ma iz redaktsii zhurnala «Sovetskaya muzyka» A.F. Murovu o stat'yakh pro V'etnam // GANO. F. R2472. Op. 1. D. 107. 48 l.

УДК 908

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ БЫТОВЫХ УСЛУГ В ГОРНОМ АЛТАЕ В ГОДЫ «ОТТЕПЕЛИ»: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Development of the consumer services' sphere in Gorny Altai during the «thaw» years: achievements and problems

С 1953 г. в СССР начался новый этап развития, характеризующийся реформами во всех сферах жизни. С преодолением трудностей послевоенного времени, возросли материальные потребности советских людей, в том числе бытовые запросы, что требовало от властей принятия мер по ускоренному развитию службы быта.

Развитие сферы бытовых услуг в послевоенном Горном Алтае во многом носило те же проблемы и особенности, которыми характеризовалась служба бытового обслуживания населения еще в довоенные годы. Постепенно возможности доступа граждан к бытовым услугам значительно улучшились. Жители области могли получить услуги по индивидуальному пошиву, ремонту одежды и обуви, мебели, металлоизделий, обзоров, химчистке и крашению одежды¹. Однако для сельского населения большая часть предоставляемых услуг оставалась недоступной, поскольку они оказывались только в областном центре г. Горно-Алтайске.

Во второй половине 1950-х гг. в Горном Алтае ситуация с бытовым обслуживанием стала меняться в лучшую сторону. Значительно увеличился ассортимент бытовых услуг, были построены и введены в эксплуатацию новые объекты быта: в 1956 г. ткацкая, а в

1958 г. обувная фабрики, при которых начали работу мастерские по ремонту товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения. Значительно улучшилась ситуация с бытовым обслуживанием населения в районах. Так, например, в течение первого квартала 1959 г. в Онгудае и Усть-Кане начали принимать заказы мастерские по ремонту мотоциклов, велосипедов, швейных машин, радиоаппаратуры, электронагревательных приборов и другой техники. Однако качество оказания подобных услуг продолжало оставаться низким.

С ростом благосостояния населения, государство принимало меры по совершенствованию системы бытовых услуг. В 1959 г. вышло совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению бытового обслуживания населения», в котором органам власти на местах рекомендовалось расширить сеть предприятий по бытовому обслуживанию населения, особенно по пошиву и ремонту одежды и обуви, парикмахерских. В соответствии с указанным постановлением, в Горном Алтае к 1960 г. сеть бытовых мастерских удалось увеличить до 86 (в 1951 г. – 66). Появились новые виды бытового обслуживания населения: ремонт сложных бытовых машин и приборов, услуги прокатных пунктов. Но наибольшим спросом у населения продолжали пользоваться услуги по пошиву и ремонту одежды, обуви, валке валенок и парикмахерские².

В 1963 г. в области было создано Управление бытового обслуживания населения, на которое возлагалась задача превращения отрасли народного хозяйства. Ведущая роль в решении указанной задачи отводилась районным комбинатам быта, для которых 1963 год стал периодом организации производства³.

В 1964 г. комбинаты уже функционировали в Кош-Агаче, Онгудае, Усть-Кане, Майме и Турачаке. Бытовое обслуживание населения Усть-Коксинского района осуществлялось бытовыми цехами и мастерскими Мультинского деревообрабатывающего комбината, цеха и мастерские бытового обслуживания имелись при Шебалинском винкомбинате. Предприятия быта отсутствовали лишь в Улаганском районе. Наиболее крупным среди предприятий сферы бытового обслуживания населения являлся горбыткомбинат. Сотрудники его цехов и мастерских обслуживали не только городских жителей, но и выезжали в районы, где брали различные заказы и доставляли готовые изделия⁴.

За 1963 г. к уже имеющимся 86 были дополнительно открыты еще 76 бытовых

цехов и мастерских, велась работа по подготовке кадров для службы быта и повышению их квалификации: для предприятий быта удалось подготовить 17 специалистов, 34 направить на учебу, 139 специалистов, работающих в отрасли, обменялись опытом на предприятиях области⁵.

В результате принятых мер, объем бытовых услуг, оказываемых населению области, резко возрос. Так, только за 1963–1964 гг. он увеличился в 2 раза⁶. Его дальнейшему росту способствовала и организация в мае 1965 г. областного бюро обслуживания населения в качестве самостоятельного хозяйственного предприятия. Бюро принимало от населения заказы на работы и бытовые услуги, консультировало.

Особое внимание уделялось развитию службы быта в сельской местности. Для нужд населения функционировали 173 мастерские⁷, практически во всех районах, за исключением Кош-Агачского и Улаганского, при бытовых комбинатах были организованы выездные приемные пункты. Жители области отмечали, что постепенно улучшалось и качество бытового обслуживания. Например, в 1964 г. в чойской районной газете «Животновод» отмечалось: «Второй год на центральной усадьбе совхоза в селе Чоя работает пошивочная мастерская Майминского райбыткомбината... За полтора года после открытия мастерской здесь выполнено более четырехсот различных заказов, среди которых десятки шерстяных и шелковых платьев для доярок и телятниц, много костюмов для скотников и механизаторов совхоза, а также многочисленные заказы для детей. С каждым месяцем портнихи совершенствуют свое мастерство, значительно улучшают качество выполняемых ими заказов...»⁸. Однако такие положительные изменения, появившиеся в системе бытового обслуживания населения, являлись скорее исключением. В большинстве случаев качество оказываемых населению услуг продолжало оставаться низким, не хватало квалифицированных специалистов, а их труд зачастую использовался не по назначению⁹.

Главными направлениями в работе предприятий службы быта являлись создание

производственной базы и расширение видов услуг населению. На эти цели Министерство бытового обслуживания РСФСР только за 1967–1970 гг. выделило области 860 тыс. руб.¹⁰ Благодаря помощи государства, с середины 1960-х гг. в Горном Алтае развернулось капитальное строительство объектов сферы бытового обслуживания. В 1966 г. был введен в эксплуатацию Майминский райбыткомбинат¹¹, на базе кирпичной, известковой и деревообрабатывающей отраслей создан комбинат строительных материалов и ремонтных работ. В 1967 г. в Горно-Алтайске были организованы цех по переработке давальческой шерсти, мастерская по ремонту радиоприемников и телевизоров. С этого времени у жителей области появилась возможность получить качественную услугу по ремонту сложной бытовой техники. До этого времени для ремонта бытовой техники им приходилось обращаться в бийское ателье по ремонту телевизоров и радиоприемников, объемы и темпы которого не удовлетворяли потребностей населения области. В 1968 г. был построен шерстепрядильный цех¹², в большинстве районных центров области началось строительство типовых зданий комбинатов бытового обслуживания. В этом же году в Горно-Алтайске была пущена в эксплуатацию фабрика химчистки, для которой было закуплено новейшее отечественное оборудование. Однако в течение года проектная мощность фабрики использовалась только на одну треть. Началось строительство Дома быта, в котором был запланирован цех по вязанию и пошиву трикотажных изделий, механизированный отдел по строчному ремонту обуви¹³.

В результате ввода в действие производственных объектов службы быта, расширения видов бытовых услуг, объемы бытового обслуживания населения постоянно росли (таблица 1).

В целом по области за 1966–1969 гг. объем бытовых услуг населению увеличился в 2 раза. При этом в районах, расположенных вблизи областного центра (Шебалинском, Майминском, Турачакском), предприятий быта на 40–50% было больше, чем в отдаленных районах (Кош-Агачском, Усть-Коксинском, Онгудайском). Население отдаленных районов

Таблица 1. Объем бытовых услуг населению области, тыс. руб.¹

1965 г.	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.
773,0	923,4	1112,2	1329,1	1539,9	1820,4

1 Ложкина Н.Н. Развитие социальной инфраструктуры в Горном Алтае в 1965–1985 гг. // Горный Алтай: история социального развития второй половины XX века: монография. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – С. 98.

2 ГАРА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 1. Л. 6. 12.

3 Очерки по истории Горно-Алтайской областной организации КПСС. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1971. – С. 328.

4 ГАРА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 86. Л. 5–6.

5 Улучшается качество заказов // Животновод. – 1964. – 26 ноября.

6 ГАРА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 47. Л. 13.

7 Память народа. 70 лет Горно-Алтайской автономной области (Документы и материалы по социально-экономическому и культурному развитию). – Горно-Алтайск, 1993. – С. 416.

8 ГАРА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 47. Л. 9.

9 ГАРА. Ф. П-1. Оп. 22. Д. 4. Л. 111.

10 ГАРА. Ф. П-1. Оп. 22. Д. 4. Л. 17.

Захарова Татьяна Владимировна – Казенное учреждение Республики Алтай «Государственный архив Республики Алтай», РФ, 649002, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 109/6

В статье на основе широкого круга источников рассматривается развитие сферы бытовых услуг в Горном Алтае в годы хрущевской «оттепели». Главными направлениями в работе предприятий службы быта являлись создание производственной базы и расширение видов услуг населению. В статье определено, что развитие данной сферы в регионе носило неоднозначный, а порой и противоречивый характер. С одной стороны, построенные в эти годы объекты бытового обслуживания позволили значительно расширить виды оказываемых услуг не только для городских, но сельских жителей. С другой, количественные показатели отрасли, в основном, шли в разрез с качеством оказываемых услуг. Предпринимаемые органами власти меры долгие годы не могли улучшить ситуацию в сфере оказания бытовых услуг населению Горного Алтая.

Ключевые слова: Горный Алтай, бытовые услуги, реформы, инфраструктура, ассортимент, комплексная программа, достижения, проблемы.

Zaharova T.V. – Public institution of the Altai Republic «State Archive of Social and Legal Documentation of the Republic of Altai», E.Palkina str., Gorno-Altai, 649000, Russia

Based on a wide range of sources, the article examines the development of the consumer services' sphere in the Gorny Altai during the years of the Khrushchev «thaw». The main directions in the work of consumer services enterprises were the creation of the production base and the expansion of types of services to the population. It is determined in the article that the development of this sphere in the region was ambiguous and sometimes contradictory. On the one hand, the objects of consumer services built during these years have made it possible to significantly expand the types of services provided for urban as well as rural residents. On the other hand, the quantitative indicators of the industry, basically, went against the quality of the services provided. The measures taken by the authorities for many years could not improve the situation in the provision of personal services to the population of Gorny Altai.

Key words: Gorny Altai, consumer services, reforms, infrastructure, assortment, comprehensive program, achievements, problems.

1 Казенное учреждение Республики Алтай «Государственный архив Республики Алтай» (ГАРА). Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 86. Л. 2–3.

2 ГАРА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 86. Л. 3–4

3 ГАРА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

4 ГАРА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

продолжало испытывать неудобства в доступе к услугам службы быта.

На первой сессии областного Совета депутатов трудящихся 22 марта 1969 г. был рассмотрен вопрос о строительстве в области домов быта и организации приемных пунктов в колхозах и совхозах области. Особенную озабоченность властей вызывала сложившаяся ситуация в Усть-Коксинском и Онгудайском районах. Депутатами отмечалось, что бытовое обслуживание населения в этих районах развивалось достаточно слабо, количество оказываемых бытовых услуг населению не увеличивалось¹⁴.

К началу 1970-х годов в области насчитывалось более 160 видов бытовых услуг, функционировало 2 городских и 8 районных комбинатов бытового обслуживания, в которых насчитывалось 176 мастерских, комнат быта и приемных пунктов, работало более 1300 человек¹⁵. Несмотря на довольно обширную сеть предприятий быта и достаточно широкий спектр оказываемых ими услуг, в январе 1970 г. на пленуме Горно-Алтайского обкома КПСС были четко обозначены проблемы отрасли. Было отмечено, что объем услуг в расчете на одного жителя области снизился, плохо осваиваются мощности бытовых предприятий, особенно в районах. На заседании были определены основные задачи развития отрасли – обеспечить развитие всех видов бытового обслуживания населения, приблизить услуги к населению, оказывать их непосредственно на производстве, местах массового отдыха и в целом превратить службу быта в крупную механизированную отрасль народного хозяйства¹⁶.

Частично указанные задачи были выполнены уже в первом полугодии 1970 г., а ассортимент бытовых услуг постоянно расширялся. На предприятиях бытового обслуживания населения Горно-Алтайского облисполкома были внедрены новые виды бытовых услуг, связанных с туристическим отдыхом: прокат стационарных палаток с постельными принадлежностями на озерах Ая и Манжерок, прокат водных велосипедов, пошив штормовок из прорезиновой ткани, арчемаков, меховых кожаных перчаток, изделий из вельвета на поролоне, крашение хлопчатобумажных и шерстяных тканей.

Вместе с тем качество оказываемых услуг продолжало оставаться низким и, в первую очередь – в сфере ремонта одежды, обуви, мебели, бытовых приборов, химической чистке и стирке белья. Сельские жители, особенно отдаленных от областного центра районов, о существовании таких услуг знали только из средств массовой информации.

Руководство области прилагало все возможные усилия для развития сферы бытового обслуживания населения. В области начали строиться крупные специализированные, механизированные по последнему слову техники предприятия. Например, на основании решения Горно-Алтайского облисполкома № 134 от 14.04.1971 г. на базе шерстопрядильного и трикотажного цехов горбыткомбината была организована хозрасчетная трикотажная фабрика¹⁷. Наряду с ними продолжали функционировать небольшие приемные пункты, что давало возможность осуществлять сбор заказов по месту жительства, а их исполнение производить в специализированных ателье или мастерских.

17 июля 1973 г. Алтайский крайисполком разрешил Управлению бытового обслуживания населения организовать в Горно-Алтайске хозрасчетное предприятие по ремонту металлоизделий, сложной бытовой техники, транспортных средств.

Несмотря на рост числа оказываемых услуг, в отрасли продолжали сохраняться проблемы, требовавшие пристального внимания. Это антисанитарное состояние комбинатов, приемных пунктов и ателье, низкое качество оказываемых населению услуг, их недоступность для сельских жителей¹⁸. Проблема доступности бытовых услуг для населения, проживающего в труднодоступных селах и урочищах была достаточно четко обозначена в 1974 г. Управлением бытового обслуживания населения, которое разработало комплекс мероприятий для ее решения, согласно которому планировалось направлять в труднодоступные села выездные бригады для приема заказов, а их жителей обслуживать вне очереди¹⁹.

В конце 1975 г. председатель Горно-Алтайского облисполкома М. В. Карамаев, докладывая в Алтайский крайисполком о мерах по выполнению плана бытового обслуживания населения Горно-Алтайской автономной области,

констатировал, что объем предоставленных населению области бытовых услуг за 10 месяцев 1975 г. составил 2886,1 тыс. руб. (97% плана)²⁰.

С 1971 по 1975 гг. на развитие бытового обслуживания было направлено 2,8 млн. руб. Было начато строительство Дома быта в Горно-Алтайске, комбината бытового обслуживания в Турачаке, проведены реконструкция и расширение действующих предприятий, осуществлена механизация ряда производственных процессов, улучшение условий труда, на эти цели было израсходовано 433 тыс. руб. Повысился уровень технического оснащения бытовых предприятий, приобретено и установлено различного оборудования на 204 тыс. руб. К 1975 г. Управление бытового обслуживания населения объединило 54 предприятия, кроме того, в Горно-Алтайске были созданы обособленные предприятия: по ремонту сложных бытовых машин и приборов («Рембыттехника»), радиотелевизионной аппаратуры, изготовлению и ремонту трикотажных изделий, которые обслуживали всю область²¹.

Бытовое обслуживание населения области заметно улучшилось, выросли объемы услуг, расширились их виды. В 1975 г. службой быта оказывалось 456 видов услуг, фактический объем предоставляемых бытовых услуг составил 14157 тыс. руб., что в 1,3 раза было больше, чем в предыдущей пятилетке²². Сеть бытовых мастерских и приемных пунктов, главным образом, увеличилась за счет открытия комплексных приемных пунктов.

Одной из наиболее трудно решаемых проблем в сфере бытового обслуживания населения в 1970-е годы являлась кадровая. В 1971 г. в Горно-Алтайской автономной области в разных отраслях службы быта было занято 1266 человек, в том числе на селе 746. Не хватало квалифицированных инженеров, техников, мастеров, на все Управление бытового обслуживания имелся один человек с высшим образованием. Несмотря на то, что подготовка специалистов для данной сферы велась Барнаульским профтехучилищем, Горно-Алтайским технологическим техникумом, выпущенные ими специалисты обеспечивали кадрами только швейные и трикотажные мастерские. Области постоянно требовались парикмахеры, фотографы, мастера для фабрик химчистки

и крашения одежды, обувщики. Частично проблема нехватки кадров решалась за счет системы совместительства²³.

Предприятия службы быта испытывали нехватку автотранспорта и рабочей силы. Особенно острой проблемой являлся недостаток производственных площадей. Во многих районах области службы быта располагались в приспособленных, неотапливаемых помещениях без элементарных удобств и электроэнергии. Эти обстоятельства стали причинами неудовлетворительного оказания населению услуг по заготовке топлива, распиловке и колке дров, изготовлению мебели и бондарной посуды, ремонту обуви²⁴. Практически неразвитой оставалось направление по обеспечению населения банно-прачечными услугами.

Бытовое обслуживание населения в районах области улучшалось медленными темпами. 25 апреля 1977 г. облисполком, рассмотрев вопрос о неудовлетворительном строительстве объектов службы быта в области, принял решение о введении в эксплуатацию салона быта в Горно-Алтайске, комбината бытового обслуживания в с. Турачак. В целом по области в 1977 г. в отрасли имелось 63 крупных предприятия бытового обслуживания населения, объединяющих 277 различных мелких предприятий и мастерских, было занято свыше 1600 чел.²⁵ К 1980 г. в службе быта значительно увеличилось количество приемных пунктов, выросли объемы бытовых услуг населению, в том числе в сельской местности, увеличился объем их реализации²⁶.

В начале 1981 т. бюро крайкома КПСС, крайисполком и коллегия Министерства быта РСФСР приняли совместное постановление, в котором была намечена комплексная программа совершенствования бытового сервиса. Особое внимание в ней уделялось строительству сельских домов бытовых услуг и комплексных приемных пунктов, что позволило бы сократить разрыв в уровнях обслуживания населения, увеличить количество оказываемых видов бытовых услуг, повысить культуру и качество обслуживания населения.

В 1981-1983 гг. в Горном Алтае принимались меры по организации строительства новых объектов бытового

обслуживания населения. Однако невысокие возможности строительной базы, низкое освоение средств тормозили строительство новых объектов. Фактически по состоянию на 1 января 1986 г. строительство так и не было начато²⁷.

Первые результаты реализации комплексной программы были рассмотрены на заседании пленума обкома КПСС 14 мая 1985 г. На совещании было отмечено, что в области культура бытового обслуживания продолжает оставаться достаточно низкой, велики сроки исполнения заказов, оставляет желать лучшего качество услуг. Сфера бытовых услуг, особенно в Улаганском и Кош-Агачском районах, вызывала серьезные опасения у руководства области, поскольку более половины пунктов располагались на дому и зачастую не обеспечивались дровами, электроэнергией, телефонной связью²⁸.

О достижениях и проблемах бытовой сферы говорилось и на XXXIV областной партийной конференции 17-18 декабря 1985 г. Выступая на совещании, К.А. Кремер – начальник областного управления бытового обслуживания населения, отмечал, что в системе трудятся 69 бригад с общей численностью более 400 человек, за 1985 г. объем бытовых услуг (к 1984 г.) возрос на 8,2%, значительно улучшилось бытовое обслуживание в Усть-Канском, Майминском, Онгудайском и Турачакском районах. Несмотря на положительные тенденции в развитии службы быта, собравшиеся отметили, что принимаемые меры являются недостаточными, поскольку объем бытовых услуг на душу населения не увеличился, а на селе даже снизился. Меньше всего их оказывалось в Шебалинском, Онгудайском и Улаганском районах. Партийная конференция поставила перед службами быта на следующую пятилетку области большие, но реальные задачи: повышение культуры и качества обслуживания населения, сокращение сроков исполнения заказов, развитию кооперативных поставок, увеличение объема услуг для сельского населения²⁹.

Постепенно служба совершенствовала свою работу по улучшению доступности бытовых услуг населению. По области принимались меры, направленные на повсеместное внедрение абонементного обслуживания, организацию приема зака-

зов по почте и телефону, ремонт бытовой техники на дому. На селе стали внедряться новые виды и формы обслуживания населения: ремонт цветных телевизоров, электронных часов, цветное фото, услуги проката личного характера, перебивка и изготовление валенок, вспашка огородов, изготовление печных труб, духовок, умывальников, сундуков.

О совершенствовании сервиса обслуживания свидетельствовало появление такой формы обслуживания, как дни быта, на которых демонстрировались модели одежды и обуви, швейные изделия, новые виды причесок и стрижек. Высокое качество услуг было невысказано без роста профессионального мастерства, чему способствовали конкурсы на звание «Лучшая закройщица», «Лучшая приемщица», «Лучшая вязальщица»³⁰.

Таким образом, в 1954-1985 гг. развитие сферы бытовых услуг в Горно-Алтайской автономной области носило противоречивый характер.

Так, постоянно вводились в строй новые объекты сферы бытового обслуживания, увеличивалась ее сеть, расширились виды бытового обслуживания населения, выросли объемы оказываемых услуг. Не только жители областного центра, но и население, проживающее в сельской местности, могли получить недоступные в первые послевоенные годы услуги: пошить одежду и обувь, заказать новую мебель, отремонтировать сложную бытовую технику, воспользоваться услугами парикмахерской и химчистки. Широкий ассортимент услуг, несомненно, облегчал повседневную жизнь людей.

Вместе с тем, высокие количественные показатели зачастую шли в разрез с качеством оказываемых услуг. Слабая материальная база, нехватка квалифицированных кадров, слабая заинтересованность местных властей в развитии службы быта в районах области приводили к тому, что реальное состояние отрасли не отвечало потребностям населения, рост показателей службы быта обеспечивался не за счет качества услуг, а за счет их количества.

В целом сфера была требовала от руководства области более пристального внимания, серьезных и продуманных решений, роста качественных показателей.

14 ГАРА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 136. Л. 1, 5.

15 ГАРА. Ф. П-1. Оп. 22. Д. 4. Л. 105.

16 ГАРА. Ф. П-1. Оп. 22. Д. 4. Л. 17, 105.

17 ГАРА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 430. Л. 105.

18 ГАРА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 245. Л. 1-10.

19 ГАРА. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 262. Л. 24-25.

20 ГАРА. Ф. Р-33. Оп. 7. Д. 12. Л. 23-24.

21 ГАРА. Ф. Р-33. Оп. 7. Д. 12. Л. 39.

22 ГАРА. Ф. Р-33. Оп. 7. Д. 12. Л. 39-40, Д. 17, Л. 198.

23 Ложкина Н.Н. Развитие социальной инфраструктуры в Горном Алтае в 1965-1985 гг. // Горный Алтай: история социального развития второй половины XX века: монография. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – С. 101-102.

24 ГАРА. Ф. Р-33. Оп. 7. Д. 12. Л. 46-47, Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 286. Л. 25-26.

25 ГАРА. Ф. Р-33. Оп. 7. Д. 13. Л. 150, Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 286. Л. 70.

26 Республика Алтай в цифрах. Юбилейный статистический сборник. – Горно-Алтайск, 2006. – С. 158-159; Статистический ежегодник Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 331.

27 ГАРА. Ф. Р-61. Оп. 14. Д. 30. Л. 1 об.

28 ГАРА. Ф. П-1. Оп. 61. Д. 6. Л. 131-132.

29 ГАРА. Ф. П-1. Оп. 61. Д. 1с. Л. 37, 178-181.

30 Ложкина Н.Н. Развитие социальной инфраструктуры в Горном Алтае в 1965-1985 гг. // Горный Алтай: история социального развития второй половины XX века: монография. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – С. 100-101.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Память народа. 70 лет Горно-Алтайской автономной области (Документы и материалы по социально-экономическому и культурному развитию). Горно-Алтайск, 1993. 607 с.

Республика Алтай в цифрах. Юбилейный статистический сборник. Горно-Алтайск, 2006. 194 с.

Memory of Nations. 70 years of the Gorno-Altai Autonomous Region (Documents and materials on socio-economic and cultural development). Gorno-Altaysk, 1993. 607 p.

Altai Republic in numbers. Anniversary statistical collection. Gorno-Altaysk, 2006. 194 p.

УДК 341.211(470+571)(09)

ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НОВОНИКОЛАЕВСКА–НОВОСИБИРСКА В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Party organization of Novonikolaevsk–Novosibirsk in the years of the new economic policy

В период Перестройки были открыты многие ранее закрытые и практически недоступные для исследователей материалы партийных фондов.

В связи с этим историки начали активно изучать историю внутрипартийной борьбы, которая проходила в РКП(б)-ВКП(б) в 1920-е гг. Интерес вызвала и история сибирской партийной организации. Итогом изучения данной темы стала работа новосибирского историка В.В. Демидова «Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929 гг.», в которой были обозначены основные контуры данной внутрипартийной борьбы в аспекте деятельности общесибирской и ряда сибирских партийных организаций. Однако вскоре интерес к внутрипартийной борьбе полностью угас, вытесненный темой репрессивной политики сталинского режима. В общероссийском масштабе тема ещё некоторое время продолжала быть объектом дискуссий, но вскоре она также отошла на задний план. Между тем дальнейшее изучение данной темы представляет определённый интерес не только в аспекте критики И.В. Сталина, но и с точки зрения понимания значимости этой борьбы в контексте других процессов (экономических, социальных,

Статистический ежегодник Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2005. 420 с.

Улучшается качество заказов // Животновод. – 1964. – 26 ноября.

Ложкина Н.Н. Развитие социальной инфраструктуры в Горном Алтае в 1965-1985 гг. // Горный Алтай: история

REFERENCES

Statistical Annual of the Altai Republic. Gorno-Altaysk, 2005. 420 p.

The quality of orders is improving // Animal husbandry. - 1964. - November 26.

Lozhkina N.N. Development of social infrastructure in Gorny Altai in 1965-1985 // Gorny Altai: history of social development

политических) периода новой экономической политики. И в этом плане обращение истории партийных организаций первичных, районных и городских позволяет увидеть те аспекты данной темы, которые теряются при увеличении масштаба до уровня губернских-окружных и общесибирской партийных организаций. Новониколаевская-новосибирская партийная организация представляет особый интерес в связи со стремительным ростом города, который в самом начале нэпа стал столицей Сибири, однако сохранял многие черты дореволюционного городского поселения, большую часть которого занимал частный сектор и большинство рабочих по вечерам и в выходные дни уделяли всё своё время подсобному хозяйству, а также быстрому росту прослойки служащих в связи с переездом в город общесибирских и формированием губернских учреждений.

После освобождения Новониколаевска от колчаковской власти большевики, находившиеся в городе, вернулись к легальной деятельности. Первоначально общей городской организации не было. Она состояла из четырёх районных комитетов РКП(б): Вокзального, Центрального, Ипподромского и Закаменского. Районному комитету подчинялись партийные ячейки на предприятиях и в учреждениях.

социального развития второй половины XX века: монография. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. С. 73-112.

Очерки по истории Горно-Алтайской областной организации КПСС. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1971. 393 с.

of the latter half of the twentieth century: monograph. Gorno-Altaysk: RIO GASU, 2010. pp. 73-112.

Essays on the history of the Gorno-Altai regional organization of the CPSU. Gorno-Altaysk: Gorno-Altai branch of the Altai book publishing house, 1971. 393 p.

Так, Вокзальный районный комитет, который образовался на общем открытом собрании большевиков 19 декабря 1919 г. и состоял из 7 бывших городских подпольщиков, в 1921 г. состоял из 42 ячеек, в которые входят 579 членов и кандидатов. В том числе: 1) железнодорожных 17 ячеек с 295 членами, 2) советских учреждений – 20 ячеек с 226 членами, 3) воинских ячеек – 5 с 58 членами¹.

Основной рост партийной организации пришёлся на послереволюционный период. Так, в 1923 г. в организации насчитывалось 5 488 членов и 1 612 кандидатов. Из них те, кто вступил в партию до 1917 г. было всего 27 человек, или 0,49 %².

На изменение количественного и качественного состава партийной организации повлияли несколько факторов, главными из которых были периодически проводившиеся «партийные чистки» (во время которых из партии исключали тех, кто в силу своего морального облика и социального поведения не соответствовал требованиям к члену РКП(б)-ВКП(б)) и «партийные призывы», в частности два «ленинских призыва» в 1924 – 1925 гг. и «октябрьский призыв» 1927 г. «рабочих от станка» и «крестьян от сохи» в РКП(б)-ВКП(б).

Данных о численности партийной

Кокоулин Владислав

Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор Академии военных наук, эксперт РАН, Сибирский университет потребительской кооперации РФ, 630087, г. Новосибирск, пр-т Маркса, 26 e-mail: kwladislaw@yandex.ru

В статье анализируется история партийной организации в Новониколаевске-Новосибирске в годы новой экономической политики, отражение внутрипартийных дискуссии в РКП(б)-ВКП(б) на уровне партийных ячеек и районных комитетов города. Отмечается, что быстрый рост партийной организации в начале 1920-х гг. привёл к снижению её культурного и политического уровня. Автор делает вывод о том, что по сути внутрипартийная дискуссия была столкновением двух линий развития партии – ленинской и сталинской, что сторонники сталинской линии тщательно камуфлировались ленинской риторикой. Победа сталинской линии стала возможна в связи с тем, что рядовые члены партии не были склонны думать и разбираться самостоятельно в партийных дискуссиях, а равнодушно вставали на сторону партийных функционеров.

Ключевые слова: Новониколаевск, Новосибирск, новая экономическая политика, нэп, РКП(б), ВКП(б), внутрипартийная борьба, Ленин, Троцкий, Сталин.

Kokoulin Vladislav G. - Siberian University of consumer cooperation Russia, 630087, Novosibirsk, Marx avenue, 26

The article analyzes the history of the party organization in Novonikolaevsk-Novosibirsk during the years of the new economic policy, the reflection of intra-party discussions in the communist party at the level of party cells and district committees of the city. It is noted that the rapid growth of the party organization in the early 1920s led to a decrease in its cultural and political level. The author concludes that, in fact, the internal party discussion was a collision of two lines of development of the party – the Leninist and Stalinist, that the supporters of the Stalinist line were carefully camouflaged by Leninist rhetoric. The victory of the Stalinist line became possible due to the fact that ordinary party members were not inclined to think and sort out party discussions on their own, but indifferently sided with party functionaries.

Keywords: Novonikolaevsk, Novosibirsk, new economic policy, NEP, RCP(b), CPSU(b), internal party struggle, Lenin, Trotsky, Stalin.

организации города не имеется, в связи с тем, что общегородской партийной организации не было весь период нэпа, а первичные партийные организации входили в состав районных организаций. Однако имеются данные по Новосибирской окружной партийной организации⁴. Так, в 1926 г. она насчитывала 6 637 членов, в 1928 г. – 7 864 и в 1929 г. – 9 371 членов. Основной рост партийной организации происходил за счёт рабочих, доля которых в численности окружной партийной организации увеличилась с 38,4 % в 1926 г. до 51,3 % в 1929 г. Если к этому добавить 17,9 % служащих (в 1929 г.), то численность городской партийной организации к концу нэпа можно оценить примерно в 6,5 тысяч членов. Рост по сравнению с 1923 г. небольшой, особенно если учитывать быстрый рост самого города и городского населения.

О культурном и политическом уровне основной массы новосибирских партийцев можно судить по разным косвенным данным, однако имеются и прямые свидетельства. Так, на IV конференции ВКП(б) Вокзального района Новосибирска 19–22 марта 1927 г. железнодорожник П.Г. Лешуков заявил: «Обследование нашей парторганизации, проведённое райкомом, показало, что рост нашей партии очень медленный и культурный уровень среди партийцев весьма низок – против растущего беспартийного актива и беспартийного вообще. Это замечается на практике. Партийцы не могут дать конкретного и исчерпывающего ответа на задаваемые и интересующие вопросы беспартийных масс и особенно слабо по религиозному вопросу и бытовому»⁵.

* * *

Партийная организация Новониколаевска-Новосибирска в годы новой экономической политики ещё не занимала того доминирующего положения, которое она приобрела позднее, когда она стала руководить всей политической и хозяйственной жизнью города.

Если посмотреть протоколы партийного комитета Вокзального района Новониколаевска за 1921–1922 гг., то можно отметить, что организация занималась в основном своими внутренними проблемами, например, рассматривала заявления о приёме в партию, исключали из партии за нарушение дисциплины, за религиозные убеждения, переводили в кандидаты на определённый срок, исключали как не прошедших чистку, за пьянство, за уголовные преступления, поручали участвовать в организации спектаклей в красных казармах, о расформировании ячеек⁶.

Вот типичное партийное заседание

1921 г. – организационного периода в деятельности партии. В повестке общего собрания членов и кандидатов Ипподромского райкома 9 сентября 1921 г. значилось: 1) доклад о продналоге в Сибири; 2) о пересмотре и чистке партии РКП(б); 3) выборы в Совет Новониколаевска; 4) доклад комитета; 5) перевыборы комитета; 6) утверждение анкет (членов и кандидатов). Также на партийных заседаниях обсуждалась партийная работа, политпросвещение, организационные вопросы, информационные доклады – от ячеек и о работе конференций. После закрытия заседания пели «Интернационал»⁷.

В докладе о деятельности Вокзального комитета, составленном 1 февраля 1922 г., о первых шагах комитета рассказывалось следующее: «Небезынтересно отметить первоначальную работу комитета: настолько она была разнообразна по своему содержанию и теми стоящими перед ней вопросами, что невольно напрашивается назвать его универсальным: так как первое время ещё не было ни профсоюзов, ни учполитов, ни комиссарского состава и т.д., то райком с утра до ночи наполнялся посетителями разных рангов и сословий, здесь можно было встретить от высшего администратора с просьбой об оказании содействия по транспорту, до мужа с женой, заявляющих о разводе. И работа, что называется, кипела как в котле, удовлетворяя и разрешая в возможной степени эти вопросы. Лишь через месяц комитет понемногу начинает разгружаться от посторонних работ и принимает более надлежащий вид. К этому времени райком уже организует железнодорожный профсоюз и выделяет комиссарский аппарат»⁸.

Аналогичной работой занимались Центральный и Закаменский районные комитеты РКП(б).

В 1922 г. в повестке заседаний партийных организаций были текущие политические проблемы: помощь голодному ребёнку, аренда помощи Совшколе, от Вашингтона до Генуи и Советская Россия, профсоюзы в условиях нэпа, о неделе Красного креста помощи голодающим, о кооперации, партдисциплина, разбор Устава РКП(б), социальное страхование, международное положение России, задачи транспортных ячеек на транспорте, эсеры и международная контрреволюция – к процессу ЦК партии над социалистами-революционерами, информация о Генуе, проработка резолюции XI партсъезда об укреплении партии, о финансовой политике, о работе среди беспартийных масс, об изъятии церковных ценностей⁹.

1 Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-36, оп. 1, д. 110, л. 1.
2 Большевик (Новониколаевск). 1923. 10 июня.

1 Демидов В.В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929 гг. Новосибирск, 1994. 165 с.

2 Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-36, оп. 1, д. 110, л. 1.

3 Большевик (Новониколаевск). 1923. 10 июня.

4 Анашкин А.П., Кузнецов М.С. Становление и развитие партийно-государственного контроля в Западной Сибири (1920–1929 гг.). Томск, 1983. 208 с. С. 142.

5 ГАНО. Ф. П-36, оп. 1, д. 610, л. 8.

6 Там же. Д. 111, л. 1–114.

7 Там же. Ф. П-48, оп. 1, д. 16, л. 17.

8 Там же. Ф. П-36, оп. 1, д. 178а, л. 9.

9 Там же. Д. 181, л. 2.

Что касается поведения рядовых членов партии, то периодически на заседаниях ячеек и комитетов разбирались персональные дела, по итогам разбора могли исключить из партии. Так, 2 июня 1921 г. Центральный райком РКП(б) разобрал персональное дело членов партии О. Дьяковой и В. Домбровского, которые подали заявления о выходе из партии. Выяснилось, что они собираются пожениться, совершив венчание. Было решено исключить их «за дискредитирование партии»¹⁰.

Другой причиной для исключения из партии было пьянство. Так, на закрытом заседании Закаменского райкома РКП(б) 15 февраля 1923 г. обсуждалось пьянство среди членов РКП(б). Секретарь райкома Макарова проинформировала о том, что несмотря на все принятые меры, закрытый циркуляр, внушения на собраниях ячеек, вызов отдельных товарищей в райком, пьянство среди членов организации не утихает, в особенности отличаются члены ячейки завода «Труд». Высказались Опарин, Панафидин, Ларионов за жесткие меры наказания по отношению подобных членов. Было решено: «По отношению членов партии, замеченных в пьянстве, принять самые жесткие меры наказания, передавая дела в контрольную комиссию с заключением райкома об исключении из партии»¹¹.

* * *

Если период с декабря 1919 до весны 1923 г. можно считать организационным, то в последующий период – с весны 1923 до конца периода нэпа – новониколаевская (новосибирская) партийная организация оказалась втянута во внутрипартийные дискуссии и внутрипартийную борьбу, которая шла в партийной организации страны. Следует отметить, что реальное содержание внутрипартийной борьбы постоянно маскировалось пропагандистскими штампами. Но, к сожалению, партийные организации страны не вникали в её реальное содержание, и даже не читали основных документов, вышедших из под пера «оппозиции», а руководствовались пропагандистскими штампами и эмоциями, направленными в сторону тех, кто был объявлен противником «Генеральной линии партии».

Первый удар «руководящего ядра ЦК РКП(б)» в лице И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева был направлен против Л.Д. Троцкого, которого представили, как «зачинщика» борьбы против ЦК. 25 октября 1923 г. объединённый пленум ЦК и ЦКК осудил выступление Л.Д. Троцкого и «заявление 46-ти» (заявление 46 членов РКП(б) с призывом к внутрипартийной демократии).

24 ноября 1923 г. на многочленном собрании в коммунистическом клубе Новониколаевска с развёрнутым докладом выступил секретарь

Новониколаевского губкома РКП(б) П.С. Заславский. Несмотря на то, что он высказался против политической дискуссии и призвал руководствоваться указаниями ЦК партии, дискуссия всё же развернулась. Однако выступавшие ораторы сошлись на том, что первопричина внутрипартийной дискуссии состоит не в политическом курсе, а в «кризисе промышленности». По итогам дискуссии губком направил в адрес партийных ячеек особое письмо об основных задачах партии в целях содействия «скорейшему изжитию экономических трудностей» и усиления борьбы «с разлагающим влиянием нэпа»¹².

Обратим внимание на то, что основной докладчик, а также и все выступавшие, опирались на статью Г.Е. Зиновьева «Новые задачи партии», которая была опубликована в «Правде» 7 ноября 1923 г., и на разъяснения, которые появились в «Советской Сибири» 23 и 24 ноября. Содержание выступления Троцкого и «заявления 46-ти» были проигнорированы. Подобный подход к содержанию внутрипартийной дискуссии, когда заведомо правильной признаётся только позиция «руководящего органа», а всё, что ей противоречит – попросту игнорируется или рассматривается через призму тех же «руководящих указаний», будет характерным для всех последующих «дискуссий» в партийной организации Новониколаевска-Новосибирска.

Аналогичным оказалось отношение к статье Л.Д. Троцкого «Новый курс», опубликованной в «Правде» 11 декабря 1923 г., в которой он предупреждал об опасности бюрократизма и перерождения партии. Однако новониколаевские партийцы в подавляющем большинстве руководствовались тем материалом, который был представлен в докладе председателя Сибревкома М.М. Лашевича, сделанном 15 декабря 1923 г. в коммунистическом клубе Новониколаевска. 25 и 26 декабря в партийных организациях города прошло обсуждение резолюции ЦК, направленной против Л.Д. Троцкого. В итоге на общем собрании новониколаевской партийной организации в поддержку резолюции ЦК высказалось подавляющее большинство собравшихся (по сообщению «Советской Сибири», их было 400 – 500 человек), и только 3 выступили против, предложив собственную резолюцию. Как констатировала «Советская Сибирь», «это свидетельствует о том, что линия, занятая большинством ЦК по отношению к важнейшему вопросу нашей внутрипартийной, а значит, и общегосударственной жизни, поддерживается большинством партии»¹³.

Характерно, что в «Советской Сибири» была одновременно опубликована отвергнутая большинством резолюция. Воспроизведём её основную часть, чтобы было отчётливо видно, в

чём состояла разница в позициях сторонников и противников резолюции ЦК и ЦКК: «Резолюция ЦК и ЦКК о партстроительстве даёт основание для оживления партийной жизни и усиления активности партии. Освещение крупных партийных, советских и хозяйственных вопросов в среде массы членов партии, выявление по ним разных мнений внутри партии будет способствовать более вдумчивому и правильному разрешению этих вопросов. В виду стремления некоторой части членов партии сузить проведение резолюции распространённым толкованием понятия фракционности, следует дать точное определение этого понятия. Во всяком случае, члены партии должны иметь право открыто группироваться по стоящим на обсуждении партии вопросам, поскольку эти мнения не выливаются в сепаратные от принятой партией линии, выступления вне партийной среды, а также поскольку эти мнения не отражают чуждой пролетариату идеологии. Такие группировки не следует отождествлять с фракциями, т.е. организациями, создающими себе внутри партии особую дисциплину. Аппарат партии должен быть пересмотрен путём выборов, начиная снизу доверху. Задачу этого пересмотра является не полная смена этого аппарата, но постановка его перед необходимостью отчитываться в своей деятельности перед членами партии и обновление его в части, несоответствующей новому курсу, неспособной его достаточно решительно провести в силу усвоенной привычки к работе по старому способу»¹⁴.

Несмотря на то, что отвергнутая резолюция не содержала никаких «крамольных мыслей» и могла стать предметом детального обсуждения в партийных организациях, принятие подавляющим большинством резолюции, предложенной «сверху», свидетельствует о том, что никакой реальной дискуссии не было, члены партии равнодушно голосовали за предложенную руководством резолюцию.

Хотя, конечно, на первом этапе внутрипартийной борьбы ещё допускалась некоторая «демократия», во всяком случае давалась возможность выдвинуть альтернативную резолюцию (и даже опубликовать её в газете). Допустимость дискуссии звучала даже в выступлении М.М. Лашевича на VII Новониколаевской губернской партийной конференции в апреле 1924 г., в котором характеризовалась ситуация в стране и партии, сложившаяся после смерти В.И. Ленина. Воспроизведём характерную часть этого выступления: «Белогвардейская печать пишет огромные статьи о том, что без Ильича нашей партии грозит крах. Происходившая дискуссия ещё больше укрепила это их мнение. Нам сейчас нужно себе дать полный отчёт, что мы мо-

жем спорить, можем, не соглашаясь с другими, отстаивать свои мнения, можем позволять себе редкую роскошь широко дискутировать, но твёрдо помнить, что единство партии для нас должно быть превыше всего. Мы должны спорить не во имя раскола, а во имя единства и укрепления старой коммунистической партии. Если это сознание нас будет объединять, то нам ни что не будет страшно, хотя с нами и нет Ильича – мы сумеем справиться со всеми затруднениями. Заславский нам говорит, что надо поменьше, так называемого, комчванства, но не надо и излишней скромности, нельзя переоценивать свои силы, но нельзя их и недооценивать. Будем подходить к решению всех вопросов спокойно, по-ленински»¹⁵.

* * *

В сентябре 1924 г. Л.Д. Троцкий написал предисловие к третьему тому своих сочинений, назвав его «Уроки Октября». В них он, в частности, напомнил о «штрейкбрехерстве» Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева в октябрьские дни 1917 г. Не останавливаясь на содержании данного предисловия, поскольку новониколаевские партийцы его не читали, посмотрим, как развивалось обсуждение, а правильнее сказать осуждение, выступления Троцкого. Доклад по поводу «Уроков Октября» на расширенном пленуме Новониколаевского губкома РКП(б) 23–25 ноября 1924 г. сделал председатель Сибревкома М.М. Лашевич. Естественно, что он не анализировал содержание «Уроков Октября», а выступал с разгромной критикой очередного выступления Троцкого. В итоге единогласно была принята следующая резолюция: «Это выступление является ничем иным, как продолжением прошлогодней дискуссии. Своим выступлением Троцкий вновь ставит партию перед опасностью дискуссии, которая сейчас является вредной и опасной для единства партии <...> Совершенно сознательно <...> Троцкий замалчивает дооктябрьский период истории партии, когда она, выдерживая внутренние бои с меньшевиками и троцкизмом, очищаясь от всякого оппортунизма, закалялась и превращалась в ленинскую и большевистскую партию <...> Но зато очень выпукло Троцкий изобразил, вернее надумал, так называемое правое и левое течение в нашей партии <...> У Троцкого исчезает партия. Её нет, её настроения не чувствуется, она исчезла. Есть Троцкий, издали виден Ленин, есть какой-то непонятливый ЦК. Отсутствует Питерская организация – действительный, коллективный организатор рабочего восстания.

Партия не должна допускать, чтобы под её флагом извращались основные идеи большевизма и истории революции. Партийному

молодьяку – комсомолу – надо изучать историю партии и Октября, но не по писаниям Троцкого, а на действительной истории партии, – изучать, как партия под руководством Ленина закалялась в борьбе с оппортунизмом, меньшевизмом, троцкизмом до Октября и с уклонами, родственными прежним враждебным течениям после Октября. Пленум губкома предупреждает организацию об опасности, связанной с новыми попытками ревизии и искажения ленинизма – и призываем всех членов партии к решительной борьбе с такими попытками.

Пленум губкома, констатируя, что выступление Троцкого было направлено исключительно против руководящего ядра нашего ЦК и Коминтерна. И только для этого ему понадобилось «вспомнить» ошибки некоторых из них, ошибки, которые фактически являлись разногласиями, длившимися несколько дней. Эти ошибки известны всей партии, а Троцкий использует их, хочет ревизовать всю партийную линию и подменить ленинизм троцкизмом, как одним из видов меньшевизма»¹⁶.

Дальнейшее «обсуждение» выступления Л.Д. Троцкого проходило на общегородских собраниях, которые поддержали резолюцию пленума губкома. Правда, в отчёте Новониколаевского губкома РКП(б) за сентябрь – декабрь 1924 г. отмечалось, что деревенских ячейках «были некоторые недопонимания и даже искажения в сущности выступления», но направленными в деревню городскими партийцами «эти явления изживались»¹⁷.

Характерно и то, что анализируя «обсуждение» среди красноармейцев на совместных партийных собраниях с городскими партийцами, в отчёте губкома подчёркивалось, что «сущность выступления понимается далеко не всем партсоставом», поскольку ««Правда» читается не всем и не регулярно», а в целом «общую массу красноармейцев выступление Троцкого не затронуло и лишь наиболее начитанные прислушивались к разговорам партийцев, комсомольцев, интересовались, что будет с Троцким и из-за чего идёт спор»¹⁸.

Обратим внимание на вопросы, которые задавали городские партийцы:

«Почему Троцкого не исключают из партии? Кто руководит Красной Армией сейчас – Троцкий или кто другой?

Каким образом партия во главе с Лениным доверила Троцкому тот высокий пост, который он занимает?

Где был Троцкий до 1917 г. и чем занимался?

Как Троцкого допустили к руководству, если он с 1905 г. шёл по кривой, то приближаясь

к меньшевикам, то к коммунистам?

Какова цель Троцкого – хочет он стать вождем или ещё что-нибудь?»¹⁹.

Таким образом, не только о содержании «Уроков Октября», но и о самом Троцком многие партийцы имели, увы, весьма смутное представление.

* * *

1926 год в Новониколаевской партийной организации прошёл под знаком обсуждения решений XIV съезда «по крестьянскому вопросу». На общегородском собрании Новониколаевской организации ВКП(б), прошедшем в начале января 1926 г., присутствовало 1 500 человек. Были зачитаны телеграммы о пленуме ЦК ВКП(б) и о пленуме ЦКК. Собрание продолжительными аплодисментами встретило сообщение об утверждении генеральным секретарём ЦК И.В. Сталина и редактором «Правды» Н.И. Бухарина²⁰.

Собравшиеся единогласно приняли следующую резолюцию: «Общегородское собрание активных работников Новониколаевска приветствует и целиком одобряет решения XIV партсъезда по отчёту ЦК партии. Этими решениями съезд дал решительный отпор дезорганизаторским нападкам оппозиции на ленинскую руководящую линию ЦК.

Отмечая полную несостоятельность идейной платформы оппозиции, являющейся выражением глубокого неверия в дело строительства социализма в нашей стране – собрание считает необходимым самое широкое уяснение всеми членами и кандидатами партии ошибочности взглядов оппозиции и дружное проведение в жизнь решений XIV партсъезда»²¹.

10 января 1926 г. на собрании актива Новосибирской организации ВКП(б) выступил секретарь СК ВКП(б) С.В. Косиор. Отвечая на риторический вопрос «есть ли у нас в действительности разногласия, не просто ли тут склока вождей, которая потом соответствующим образом обосновывается и оформляется» секретарь ЦК разъяснил: «Несомненно, что у нас в партии кое-кто склонен так объяснять разногласия, что вот вожди передрались и отсюда всё происходит. Но такое объяснение было бы никуда негодным и неправильным. Мы привыкли во всякой дискуссии, во всяких внутрипартийных тренингах искать корней более глубоких. Ничего в нашей партии не делается без того, чтобы эти события не отражали бы известных явлений, имеющих место вне нашей партии, но не коренятся в жизни нашего Советского Союза. Это настоящий наш партийный подход, иначе мы подходить не можем»²².

Трудно судить, верил ли сам секретарь в то,

10 Там же. Ф. П-88, оп. 1, д. 5, л. 9.

11 Там же. Ф. П-76, оп. 1, д. 36, л. 5.

12 Демидов В.В. Указ. соч. С. 17, 18.

13 Советская Сибирь (Новониколаевск), 1923. 28 дек.

14 Там же.

15 Там же. 1924. 20 апр.

16 ГАНУ. Ф. П-2, оп. 1, д. 135, л. 75; Советская Сибирь (Новониколаевск), 1924. 26 нояб.; Выдержки из резолюции приведены: Демидов В.В. Указ. соч. С. 42, 43.

17 ГАНУ. Ф. П-2, оп. 1, д. 135, л. 41.

18 Там же. Ф. П-10, оп. 1, д. 828, л. 129.

19 Там же. Л. 165.

20 Советская Сибирь (Новониколаевск), 1926. 5 янв.

21 Там же.

22 Там же. 17 янв.

что говорил. Но, во всяком случае, он прилагал все усилия к тому, чтобы ему поверили новосибирские партийцы.

На проходившем 15–18 января 1926 г. пленуме Новосибирского окружкома ВКП(б) секретарю окружкома Н.А. Филатову после выступления с докладом «Итоги XIV съезда ВКП(б)» были заданы вопросы: «Правда ли, что Лашевичу при отъезде его из Сибири в Москву рабочие подарили ему коня в 2 тыс. руб., кроме того тунгусский костюм и много других предметов? Об этом на мельнице в Новосибирске недовольны рабочие и разговаривают между собой, а крестьяне подслушали и тоже своё недовольство излагают». «В чём выражается опасность кулака по отношению к Советской власти и партии?» «Почему в прениях не выступил Троцкий и какую сторону поддержал он?» «За кого голосовал Лашевич?» «Чем вызвана настоящая дискуссия в партии?» «Скажите, что значат Кисловодские пещеры и пещерские комбинации?»²³.

19 января 1926 г. в «Советской Сибири» была опубликована статья секретаря Новосибирского окружкома Н.А. Филатова «Под знаменем решений XIV съезда партии», которая одобрил «правильность решений съезда по крестьянскому вопросу», тем не менее отметила, что «в нашей организации имеются остатки тенденций военного коммунизма», с которыми и призвала решительно бороться²⁴.

Вместе с тем, в отчёте «Проработка решений XIV съезда Новосибирской окружной организацией», составленном 10 февраля 1926 г., отмечалась некоторая ««неразбериха», творящаяся на местах, пользующихся разрозненными с запозданием поступающими газетами и слухами», которая привела к тому, что выявились следующие суждения о том, что произошло на съезде: «партия на съезде раскололась» (Бердский район), «спорят из-за крестьян, надо ли их принимать в партию, Сталин и Лашевич говорят надо, а другие говорят надо принимать рабочих, наша страна пролетарская» (этот же район). «Некоторые коммунисты организовали другую партию: была РКП, а стала ВКП» (Каргат) <...> «съезд постановил вновь о проведении продразвёрстки» (Вьюнский район) <...> «комбеды с коммунией возвращаются», «коммунисты бедноту во власть кулака отдают» (Бугринский район)»²⁵.

Как видно, партийная масса слабо ориентировалась в происходящих событиях, не говоря уже о том, что в дискуссии, происходившие на съезде, они не вникали.

Обратим внимание на то, какие проблемы (и главное, как) обсуждали в городской партийной организации.

30–31 января 1926 г. на I районной конференции Вокзального района ВКП(б) с докладом от окружкома выступил Ильиных: «Большинство дел прошло за пьянку, причины считаю такие: культурная отсталость среди партийцев, наследие прошлого, нервная изношенность товарищей и усталость толкает забиться – выпить и влияние бытовых факторов, семейные дела. Вообще можно сказать, что пьют не так уж много, но зато любят, как говорится «фигурировать», что он выпивший, появляются в общественных местах, на площадях и пр. В связи с пьянством развиваются и усиливаются растраты, злоупотребления, мы констатируем во многих учреждениях организованное появление растрат <...> Наблюдаются среди партийцев мелкие склоки, мелкие прения в отношении распределения квартир и пр. <...> К разрешению дел и взысканиям контрольная комиссия подходит индивидуально к каждому товарищу, если дело за рабочим, так у нас одно решение, дело за другим – другое наказание <...> Кроме того мы наблюдаем целый ряд бытовых явлений отрицательного характера, заключающиеся в том, что в контрольную комиссию приходят жёны партийцев, заявляя, что её бросил муж, суд вынес постановление об оплате алиментов, а он не платит и прочее. Дел таких очень много»²⁶.

В ответ на это выступавший Г. Баранкин заявил: «Активность членов и кандидатов ВКП(б) в обсуждении вопросов проявляется тогда, когда стоящие вопросы захватывают местную жизнь, по другим же вопросам высказывались очень мало, что объясняется, с одной стороны, незаинтересованностью, а с другой, – малой развитостью. При заслушивании тех или иных докладов ячейки не всегда правильно выносили резолюцию. Так, например, одна из ячеек ВКП(б), слушая доклад о работе ЦК, вынесла предложение «работу одобрить», а каких-либо деловых указаний практического свойства не дала <...> Болезненное явление в ячейках имеется следующее: пьянство, непосещение партсобраний, политзанятий и общих собраний рабочих и служащих, невыдержанность со стороны отдельных партийцев»²⁷.

Думается, что данная характеристика новосибирских партийцев как равнодушных к решению общепартийных проблем, нуждается в дополнении. Дело не только в том, что сами коммунисты на партийных собраниях оживлялись, когда речь шла о каких-то местных бытовых проблемах, а в том, что для вышестоящих руководителей была важна не истина и не дискуссия, а всего лишь одобрение «единственно правильной линии партийного руководства».

Основное обсуждение решений XIV съезда

проходило в сельских ячейках и на собраниях бедноты. Что касается городских партийных ячеек, то, как отмечал на пленуме Новосибирского окружкома 20–23 марта 1926 г. секретарь окружкома Н.А. Филатов, «городские ячейки заканчивают проработку решений съезда <...> По решениям, которые выносятся, видно, что оппозиция осуждается повсеместно. Есть ли оппозиция, – трудно сказать. Во всяком случае открыто, даже единоличными выступлениями, она не проявила себя»²⁸.

Однако вскоре выяснилось, что «оппозиция» в Новосибирске всё же есть. Более того, в августе – сентябре 1926 г. на хозяйственную работу из Ленинграда по направлению ЦК прибыла группа активистов «новой оппозиции» в составе Н.Я. Пекарь-Орлова, И.Н. Зеликсона, В.М. Гохмана, А.И. Тужилкиной, Д.С. Шейнберга и некоторых других. Уже в Новосибирске к ним примкнули Д.Б. Чарный, Л.Е. Клейтман, Б.Г. Шапиро, М.И. Сумецкий, В.В. Дьяков и пр. «Основная подавляющая масса оппозиционеров, – фиксировал окружком ВКП(б), – это пришлый в нашу организацию элемент, прибывшие из Ленинграда, Москвы и других городов, переброшенные». Они составили ядро так называемой «Сибирской группы оппозиции», где на роль лидера претендовал бывший бундовец, а теперь заведующий управлением Винтреста Н.Я. Пекарь-Орлов²⁹.

Разумеется, дружное голосование за партийные резолюции вовсе не свидетельствует о единодушии в рядах партийной организации или равнодушии к тем проблемам, о которых заявляла «оппозиция». Характерный случай произошёл в Закаменском райкоме Новосибирска. 26 августа 1926 г. на III расширенном пленуме Закаменского райкома ВКП(б) один из представителей ячейки ЦРК заявил: «Нет равенства, если коммунист получает 70 руб., то и не разговаривает с нами... пусть он получает не 200 руб., а на 20 руб. больше меня, и тогда мы будем строить социализм, а если строить, то строить не так. Один будет горб ломать, а другие по ресторанам ходить». Другой товарищ заявил: «Оппозиция не изживается, она будет в будущем потому, что нет правильного руководства в рядах партии». Как на неправильность указывали на материальную неадекватность и привилегии, которыми «будто бы пользуются партийные верхи». Один из товарищей продолжил в том же духе из воспоминаний на основании всяких слухов о Лашевиче: «А говорить нельзя, ибо вылетит в два счёта отсюда»³⁰.

Подобные же «оппозиционные» настроения фиксировались в информационно-политических сводках.

Так, в сводке за период со 2 по 9 октября

1926 г. отмечалось: «На имя предсибкрайисполкома одним из новосибирских рабочих прислано письмо, в котором он пишет: «Налоги очень высоки, население страны не богатеет, а беднеет. На плечах рабочих и крестьян лежит целая армия чиновников, которых они не в состоянии обрабатывать. В государственных учреждениях засели остатки буржуазии, которая под видом блага народу делает обратное»»³¹.

В другой сводке за 13 – 20 декабря 1926 г. зафиксировано следующее: «Новосибирск. В результате проведённого обследования типографии «Советская Сибирь» путём анонимной анкеты выяснилось, что отношение рабочих к производству хорошее, но существует у них мнение, что в советских предприятиях существует эксплуатация рабочих, а в пример приводят высокие ставки специалистам и хорошие жилищные условия ответственных работников. Большинство отвечает, что по сравнению с прошлым годом материальное положение ухудшилось»³².

* * *

Со второй половины 1926 г. во внутрипартийной борьбе наступил очередной перелом. На тех, кто решался выразить своё несогласие с «генеральной линией партии» или открытое недовольство, сразу же обрушивались репрессии в виде исключения из рядов ВКП(б). Так, 14 октября 1926 г. Закаменский райком ВКП(б) слушал дело Лаврова и Барабашова из ячейки «Советской Сибири», обвинявшихся в нарушении постановления XIV съезда и июльского пленума ЦК и ЦКК. Лавров прямо сказал: «Ты покажи мне, где XIV съезд запретил дискуссию»? Требуется у меня, рабочего, он интеллигент, юридического доказательств. Я не юрист, а рабочий и чувю в вашей работе вред нашему делу. Общий упадок нашей типографии, жилищный кризис, сокращение штатов и т.д. <...> Я наблюдал, что Лавров, выходя с собрания, был очень хорошо настроен и к тому же заявлял неоднократно, что он всегда имеет хорошее настроение, когда навредит кто-либо партии»³³. Было решено исключить их из рядов ВКП(б).

В октябре 1926 г. накануне XV партконференции «оппозиция» выступила с резкой критикой политического курса ЦК. «Мы, – уверял Н.Я. Пекарь-Орлов, – переживаем в настоящее время тяжёлый внутрипартийный кризис. Никакой внутрипартийной демократии нет!». В эмоциональных речах ораторы от оппозиции уже не боялись приводить нужные выдержки из «Письма к съезду», тем самым спровоцировав на себя дополнительный огонь. «Факты, которые мы имеем, – возмущался секретарь Новосибирского окружкома ВКП(б) П.В. Клоков, – говорят

нам, что мы имеем товарищей, которые занимались воровством из партии конспиративных документов и их распространением»³⁴.

А вскоре «Советская Сибирь» сообщила о том, что за распространение документов оппозиции, за «попытку ввести в заблуждение новосибирскую организацию и извратить правильную политическую линию, взятую пленумом ЦК и ЦКК» из партии был исключён известный сибирский партизан В.П. Шевелёв-Лубков³⁵.

В ноябре 1926 г. в Новосибирске началось обсуждение итогов XV партийной конференции ВКП(б), которая констатировала завершение восстановительного периода и вступление социалистического народного хозяйства в период реконструкции. Напомним, что в резолюции конференции указывалось, что «необходимо стремиться к тому, чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран»³⁶.

12 ноября 1926 г. на собрании актива Новосибирской городской организации выступил секретарь Новосибирского окружкома ВКП(б) П.В. Клоков. Пересказав тезисы доклада Сталина на партийной конференции, секретарь окружкома призвал собравшихся: «Нам необходимо будет вести решительную борьбу против оппозиции, необходимо будет разоблачать оппортунистическую сущность их идей, какой бы революционной фразой они ни прикрывались. Необходимо будет вести дело к тому, чтобы на основе социалистических перспектив, вместе с ленинским ЦК, вся наша партия и её небольшой отряд – наша партийная организация – действительно сплотилась на основе ясности в вопросе о победе социалистических элементов в нашей стране, чтобы вести рабоче-крестьянские массы к выполнению решений конференции претворением их в жизнь и тем самым двигать вперёд творческую работу по осуществлению социалистического строительства – к победе социализма в нашей стране и вместе с заграницным пролетариатом к победе мировой пролетарской революции»³⁷.

В принятой по докладу П.В. Клокова резолюции актив новосибирской городской партийной организации отмечал, что «претендующие на руководство партией оппозиционеры выявили и на этот раз своё неверие во внутренние силы нашего рабочего класса и идущих за ним крестьянских масс, показав ещё раз перед партией своё отход от ленинизма», и призвал к решительной борьбе против «ошибочных идейных позиций оппозиции», к разоблачению «меньшевистского уклона этих идей» и сплочению партии «на основе социалистических перспектив»³⁸.

3 июня 1927 г. на партактиве новосибирской городской организации с докладом «Об итогах пленума ИККИ» выступил член исполкома Коминтерна Ф.Ф. Раскольников. «Товарищи, – авторитетно подчеркнул он, – оппозиция явно оторвалась от масс, оппозиция явно переоценивает свои силы, переоценивает своё влияние в партии и сейчас наша партия обязана им напомнить, обязана привести их к порядку». Подавляющим большинством голосов была принята резолюция, одобряющая решения пленума и осуждающая предложения и поведение на пленуме «оппозиции». Против этой резолюции голосовало 8 человек. Собравшиеся даже не удосужились вникнуть в суть возражений «оппозиции» и с возмущением встретили предложенную местными «оппозиционерами» резолюцию³⁹.

Обсуждение доклада Ф.Ф. Раскольникова в городских партийных организациях затянулось на три недели. Чтобы представить себе атмосферу подобного обсуждения, давайте обратимся к протоколам Закаменского райкома ВКП(б), который 29 июня 1927 г. заслушал доклад Ананьина «Итоги кустовых собраний и райактива». В прениях выступили не только сторонники «генеральной линии», но и представители «оппозиции». Воспроизведём ключевые моменты выступлений.

Огородникова: Оппозиция за последнее время слишком начала поднимать голову. Здесь один из оппозиционеров задаёт вопрос Ананьину: «О чём можно открыто говорить, расшифруйте»? Я думаю, что каждый член партии (тем более старый) знает о чём можно и как говорить открыто и чего нельзя говорить. Приведу пример: «На днях в саду «Сосновка» на активе одна часть оппозиционеров бузила и мешала работать в зале, а другая работала в саду на открытом воздухе, собрав вокруг себя толпу, дискредитировала актив. Один из них говорил, что партия неправильно ведёт политику, не всей массе говорит, что там в зале этот актив ерунду прёт, и т.д. А второй ему отвечает: «Ты, Иван Петрович, брось, а то ещё посчитают за контрреволюционеров». Да, товарищи, я считаю, что такие поступки похожи на контрреволюционные. Разве так помогают работать партии, разве так выполняют решения партии».

Голц: Вот уже более года, как появились оппозиционеры в нашей организации. На протяжении этого периода оппозиционеры на всех конференциях, пленумах, собраниях и заседаниях выступают с критикой ЦК ВКП(б), партийных комитетов, всё время обвиняя в ошибочности партии, что партия сползла с ленинизма, ЦК обманывает партию. Оппозиционеры утверждают,

23 ГАО. Ф. П-18, оп. 1, д. 3, л. 100.

24 Советская Сибирь (Новосибирск). 1926. 19 янв.

25 ГАО. Ф. П-18, оп. 5, д. 17, л. 8.

26 Там же. Ф. П-36, оп. 1, д. 517, л. 17.

27 Там же. Л. 6.

28 Советская Сибирь (Новосибирск). 1926. 24 марта.

29 Демидов В.В. Указ. соч. С. 76.

30 ГАО. Ф. П-76, оп. 1, д. 136, л. 43.

31 Там же. Ф. П-2, оп. 1, д. 1786, л. 275.

32 Там же. Л. 218.

33 Там же. Ф. П-76, оп. 1, д. 158, л. 64.

34 Демидов В.В. Указ. соч. С. 76, 77.

35 Советская Сибирь (Новосибирск). 1926. 5 окт.

36 КПСС в резолюциях..., 8 изд. Т. 3. М., 1970. С. 365.

37 Советская Сибирь (Новосибирск). 1926. 21 нояб.

38 Там же. 14 нояб.

39 ГАО. Ф. П-2, оп. 1, д. 1786, л. 111.

что они не дезорганизуют работу партии, а разве это не дезорганизация, когда на всех деловых собраниях, заседаниях вы добиваетесь свести разговоры только об оппозиции, в результате все деловые вопросы остаются в неразрешении <...> Я думаю, что возиться с ними достаточно. Предлагаю часть из них исключить из рядов ВКП(б), а остальных всех снять с ответственной работы и вынести выговор с предупреждением. От этого наша организация ничего не потеряет, а наоборот, плодотворнее будут решаться вопросы, стоящие перед нами.

Пекарь-Орлов: Если вы хотите исключить за то, что мы были виноваты, кого-то обрабатывали – это не верно. Я спрашиваю: «Что вы хотите делать с Новосибирской группой? Вы нас исключаете, но это исключение есть результат правого уклона в партии. Существующий режим в партии – продолжение и замазывание ошибок, результат тех ошибок, которые ЦК делает по китайскому и другим вопросам».

Мясников: По-видимому, я записан в число тех товарищей, которые подлежат исключению, даю несколько справок, на меня падает вина, что мой отец крестьянин и торговец, то я от него отмежевался ещё в 1906 г. Служил в Красной Армии 8 лет. Выступление моё из ячейки Сибкрайисполкома считаю, что я ничего дезорганизаторского не сделала, а речь перешла на обсуждение – на выступление товарища Решетникова.

Дюрдин: Я очень долго задумывался над вопросами оппозиции, так как работая на низах непосредственно сталкивался с болезненными явлениями, какие имеются среди рабочих, особенно у нас строителей. Разговаривая со стороны бывших подрядчиков и выходцев из тюрьмы, когда, сопоставляя их со взглядами оппозиции, то они очень близки друг с другом по этому, оппозиция пользуется нашими затруднениями, она радуется всякими затруднениям в нашей партии.

Ощепков: Я не принадлежал и не принадлежу к оппозиции, но такая постановка вопроса исключать за то, только, что сын торговца, владельца – в корне не верна. Если есть обвинения, надо их доказать. Те же доводы, которые приводились – они недостаточно убедительны для меня и ставить вопрос об исключении только за это нельзя (реплика – товарищ Ощепков скатился), каждый из нас отвечает за свои выступления и нельзя приписывать какие-то ярлыки за выступления ⁴⁰.

В итоге было решено снять с ответственной работы и исключить из партии Д.Б. Чарного, Н.Я. Пекаря-Орлова, Н.П. Мясникова и Л.Е. Клейтмана; снять с ответственной работы и объявить строгий выговор с предупреждением И.И. Катылинову, В.В. Дьякову и В.М. Гофману. Остальные отделались легко ⁴¹.

Ещё одним характерным явлением данного

периода внутрипартийной борьбы стали публичные покаяния. Так, 18 марта 1927 г. в «Советской Сибири» была напечатана статья «Оппозиционер О. Барабашев заявляет о своих ошибках»: «В октябре 1926 г. я выступал на ячейковом и кустовом собрании Закаменского района ВКП(б) с защитой взглядов оппозиции. Единодушный отпор, данный партией оппозиции и все последующие события убедили меня в том, что я своим выступлением сделал грубую политическую ошибку перед партией. Сам факт выступления был грубым нарушением решений партии о единстве. Таким же нарушением решений партии было и содержание моих выступлений, в которых я пытался защитить осуждённые партией взгляды. Необоснованность и демагогичность моих выступлений для меня самого сейчас вполне очевидны <...> Совершив ошибку перед всей партией, я считаю своим долгом открыто признаться перед нею в совершенной ошибке. Вместе с тем, беру перед всей партией на себя обязательство честно и искренно проводить её решения в жизнь, бороться за единство и идейную чистоту партии» ⁴².

* * *

С осени 1927 г. борьба с оппозицией вступила в завершающую фазу. 31 октября 1927 г. общегородское собрание партийного актива Новосибирской организации заслушало итоги пленума ЦК и подготовку к XV съезду. С основным докладом выступил первый секретарь Сибкрайкома ВКП(б) С.И. Сырцов. Описав общие проблемы, которые обсуждались на объединённом пленуме ЦК и ЦКК, первый секретарь начал обличать оппозицию, естественно, не разбирая тех аргументов и тезисов, с которыми та выступала: «Один из существеннейших признаков оппозиции – это метание из одной крайности к другой, это политика жесточайшей экономии, политика жесточайшей концентрации. Теперь оппозиция обращается к другой крайности, требуя, чтобы интересы производства были подчинены интересам потребления рабочего класса и крестьянства. Устанавливается такое положение, что если в течение 5 лет потребление рабочего класса не растёт в такой-то пропорции, значит политика хозяйничанья никуда не годится. Нужно сделать, чтобы рабочий класс чудодейственным образом каждый год повышал своё потребление во всех отраслях громадными дозами» ⁴³.

К этой теме первый секретарь обращался не раз, разбирая очередные партийные установки: «Оппозиция признаёт факт отсутствия равновесия между спросом и предложением промышленной продукции и всё время говорит о повышении промышленных цен. Этот путь, как я уже указывал, партией отвергнут и в настоящее

время мы имеем оппозицию сбитой со своих положений. Но здесь оппозиция выискивает новые положения, которые могла бы противопоставить партии. Она всё время мечется и нащупывает положение, которое могло бы являться также неправильным, или же внесли бы неправильность в её положение. Некоторые представители оппозиции пытались решить этот вопрос тем, что внесли предложение о повышении цен на сельскохозяйственные продукты. Конечно, такой путь для нас неприемлем. Это предложение привело бы нас к понижению всего темпа развития промышленности и к срыву сырьевой базы промышленности, которую нужно развивать, а не подрывать» ⁴⁴. «Дальше оппозиция предлагает изъять у зажиточных и кулацких элементов не менее 150 млн рублей и почему-то это дело называет займом. Мы его проводили в 1921 г., но не называли его займом, а говорили, что государству нужны наши излишки и мы их берём. Сейчас мы пытаемся идти иначе, пытаемся идти путём займов, путём распределения имеющихся кредитов и это нам даёт значительные средства для государства. Кроме того, государство привлекает крестьянские сбережения» ⁴⁵.

Легко заметить, что выступление С.И. Сырцова базировалось не на научном анализе фактов, а на эмоциональном «оглушении» собравшихся громкими фразами. Не случайно своё выступление один из главных новосибирских «оппозиционеров» завсекцией Сибплана И.П. Мясников начал с характерного заявления: «Товарищи, я не являюсь таким блестящим демагогом, как т. Сырцов», что вызвало шум и свист в аудитории и сарказм Сырцова: «Товарищи, мне кажется, что расчёт Мясникова ясен и мы не должны поддаваться на эту провокацию. Т. Мясников, начиная сразу с грубостей, с резкостей, рассчитывает на то, что этим самым он сорвёт себе слово, которое ему предоставлено, что избавит его от необходимости оскандалиться на деловом выступлении. Товарищи, не будем поддаваться этой провокации, дадим Мясникову выступить и приберечь крепкие выражения к концу» ⁴⁶.

Однако И.П. Мясников не смутился и попытался сформулировать свою позицию: «Товарищи, одним из крупных обвинений, которые бросаются по адресу большевиков ленинской оппозиции, является ярлык троцкистской оппозиции. Тут, товарищи, нужно разобраться в этом вопросе, потому что это имеет большое значение». Это вызвало шум в аудитории, которая в принципе не желала вникать в аргументы. А далее И.П. Мясников вынужден был уже защищаться, разъясняя, что прежний Троцкий осуждён, а теперешние внутрипартийные споры не являются троцкистскими, потребовал ленин-

ской демократии, ленинской линии в политике ⁴⁷.

Были предприняты ещё две попытки изложить позицию «оппозиции», но они были сорваны шумом в аудитории и громкими выступлениями с осуждением «оппозиции». В итоге была принята следующая резолюция: «Предложения оппозиции являются чисто меньшевистскими. Оппозиция не понимает разницы между различием крестьянского хозяйства в условиях диктатуры пролетариата и в условиях капиталистического хозяйства. Оппозиция скатилась к меньшевизму, высказалась против перехода на 7-часовой рабочий день. Оппозиция скатилась к меньшевизму в вопросах о нашей партийной дисциплине и о нашем партийном единстве <...> Актив приветствует решение пленума ЦК и ЦКК об исключении из состава ЦК Троцкого и Зиновьева <...> Оппозиционеров, безусловно, не подчиняющихся партии, надо гнать из партии, чтобы они не мешали работе по социалистическому строительству» ⁴⁸.

В протоколах общегородского собрания отсутствует выступление ещё одного Д.Б. Чарного и резолюция, предложенная «оппозицией». Однако они воспроизведены в сводке № 1 о ходе дискуссии в Новосибирске. Воспроизведём основные моменты выступления и резолюции.

Чарный: Всё время в течение двух лет в партии происходит борьба по основному вопросу двух точек зрения. Партия эти две точки зрения не обсуждала. Партия не была представлена возможность детально обсудить точку зрения оппозиции <...> С чем идёт большинство ЦК на XV съезд партии? Оно идёт с большими ошибками во внешней политике, оно идёт с большими ошибками во внутренней политике, оно идёт с большим минусом в английской политике, оно идёт с большим минусом в китайской политике (шум), оно идёт с таким положением, когда в вопросе войны имеются панические настроения (шум и свист, крики: довольно) ⁴⁹.

Резолюция (оппозиции): Собрание решительно осуждает попытку Сталина и Политбюро «перекрыть» принципиальные разногласия большинства ЦК и оппозиции легендами о «военном заговоре» и с негодованием отменяет эту политику. Собрание считает необходимым:

- 1) опубликование платформы оппозиции к XV съезду партии, поданной ЦК ещё в сентябре;
- 2) опубликование материалов оппозиции по вопросам разногласий (Китайской революции, Англо-Русский комитет и др.);
- 3) помещение в печати статей сторонников оппозиции по всем вопросам;

4) собрание считает, что в предстоящей дискуссии всем членам партии, в том числе и сторонникам оппозиции, должна быть предо-

ставлена действительная возможность осветить свою точку зрения по всем вопросам, на всех собраниях, во всех ячейках ⁵⁰.

Однако это было «гласом вопиющего»: партийная организация не желала ни разбирать доводы «оппозиции», ни даже слушать внимательно и вдумываться, о чём, собственно, идёт спор.

* * *

Представляет интерес восприятие внутрипартийных дискуссий как местными партийцами, так и беспартийными рабочими. Это позволяет увидеть не только отсутствие всякого понимания сути дискуссий, но и восприятие их исключительно на эмоциональном уровне.

Так, в обзоре дискуссии по Новосибирскому округу за 28 октября 1927 г. отмечалось: «Среди рабочих треста «Водосвет» вёлся такой разговор: «У нас в правительстве старые чиновники и бюрократы, которые не дают существовать рабочим, кричат, что рабочая власть, а взять хоть у нас, когда над каждым пустяком приходится рядиться и судиться с производителем работ и пока рабочий ходит да ходит, теряет несколько дней, да и какой пустяк не хватите, везде гнетут рабочего. Мы вот не знаем программы Зиновьева и Троцкого, нам её не показывают, а если бы знали, то наверно пошли бы за ними».

В другом месте рабочий говорил: «Мы не видим нового выдвижения кадров из рабочих, а там сидит сволочь, бывшие офицеры, даже в партии. Троцкий правильно говорит, что зажим здоровый в партии, что же ты хочешь, чтобы нас не жали или говорили правду» <...>

«Для наших коммунистов нужно сделать 1917 г., пойти в кабинеты и вышвырнуть оттуда, тогда может быть они вспомнят, что существует рабочий класс... Безработица растёт десятками тысяч и никто на это не обращает внимания» (безработный рабочий)» ⁵¹.

Разговоры по поводу оппозиции, ноябрь 1927 г.

««Где же у нас правда? Пишут в каждой газете про дискуссию, а чтобы толком разъяснить рабочему в чём дело, не хотят. Устраивает закрытые партсобрания и нас не пускают <...> За 2 недели делают 4-е закрытое собрание. Нет, в оппозиции, видимо, есть серьёзное и правильное, поскольку в неё ушли такие старые работники как Зиновьев, Троцкий, Раковский и др., тем более, что их боятся и считаются не как с нами. Нет, поведение здешней парторганизации внушает серьёзные опасения» (группа рабочих-сезонников и постоянных треста «Водосвет» в числе 5 человек, все беспартийные)» ⁵².

Поэт Беседин: «Сейчас печать не отражает всех интересов интеллигенции, мы не знаем почти ничего о культурных достижениях за границей

<...> Нам же наши газеты и журналы дают о заграниче только те сведения, которые нужны для той политики, которую ведёт партия <...> Я хочу читать и те новые литературные произведения, которые рисуют не только борьбу, не только социальные проблемы, но которые рисуют жизнь, как она есть, которые воспевают радость жизни» ⁵³.

В сводке о проработке тезисов Рыкова в ячейках Вокзального райкома Новосибирского окружкома (ноябрь 1927 г.) читаем следующее: «Если в начале рабочие слушали оппозиционеров с некоторым любопытством, то затем члены ячейки начинают просто перебивать их <...>

«Зачем извращаете то, что Ленин говорил. Разве мы не чувствуем роста хозяйства. Раньше разве мы столько выпускали паровозов, сколько теперь. Зарплата поднялась. Можно будет, если позволит хозяйство, прибавим ещё, а оппозиции об этом деле просим не заботиться» (рабочий Беляев, депо) <...>

«Я думал, что у них хоть что-нибудь есть. А они на своей платформе ездят и жалование прибавляют. Мы сами знаем, когда нужно прибавить. Я раньше получал 20 руб., а теперь 100 руб.» (Белухин, депо)» ⁵⁴.

В обзоре оппозиционной деятельности, составленном в ноябре 1927 г. в Закаменском райкоме отмечалось: «В ячейке Окрселькредсоюза выявились две точки зрения на то, как смотрит оппозиция на данный вопрос. «У меня опять сомнения. Я никак не могу понять. Ведь оппозиция участвовала в Октябрьском перевороте, значит они не только стояли, но и активно боролись за Октябрьскую революцию. Стоит ли оппозиция на защите социализма и мне кажется, что стоит. Стоит именно за построение социализма. Но только с той разницей, что опасаясь внешнего нажима она говорит, что его нельзя построить в одной стране. Учитывая отсталость нашей деревни, она говорит, что нам нечего форсировать этот вопрос, что сейчас не наступило ещё время, надо подготовить крестьянство для того, чтобы потом более быстрым темпом, быстрым шагом прийти к нему» (Прасолов)

«Оппозиция не отрицает построения социализма в одной стране. Но так скоропалительно, как она предлагает, построить конечно его нельзя. Тоже самое невозможно и с нашим хозяйством Ускорить его рост таким быстрым темпом, как предлагает оппозиция – невозможно» (Вихотский)» ⁵⁵.

Однако иной раз высказывались и такие мнения, которые свидетельствовали о том, что даже чисто эмоциональное восприятие дискуссий давало возможность вскрыть её сущность. Так, в приведённом выше обзоре

⁴⁰ Там же. Ф. П-76, оп. 1, д. 214, л. 23–28.

⁴¹ Там же. Л. 49.

⁴² Советская Сибирь (Новосибирск). 1927. 18 марта.

⁴³ ГИНО. Ф. П-18, оп. 1, д. 651, л. 12.

⁴⁴ Там же. Л. 16.

⁴⁵ Там же. Л. 22, 23.

⁴⁶ Там же. Л. 46.

⁴⁷ Там же. Л. 46, 49.

⁴⁸ Там же. Ф. П-2, оп. 1, д. 1859, л. 125.

⁴⁹ Там же. Л. 1786, л. 332, 333.

⁵⁰ Там же. Л. 334.

⁵¹ Там же. Л. 1860, л. 392.

⁵² Там же. Ф. П-18, оп. 1, д. 683, л. 23.

⁵³ Там же. Л. 26.

⁵⁴ Там же. Ф. П-2, оп. 1, д. 1859, л. 33.

⁵⁵ Там же. Ф. П-76, оп. 1, д. 219, л. 19.

зафиксировано и такое мнение: «Рядовые члены партии не знают, за что идёт борьба. Троцкий был вождём Красной Армии, Зиновьев тоже был вождём. Почему раньше их популяризовали? Казалось бы, что разногласия по тезисам ЦК и оппозиции незначительные. Корень в том, что борьба сейчас заключается в том, что будет руководить партией. Борьба оппозиции – борьба за руководство» (Глошков. Крайпрокуратура)⁵⁶.

Характерно, что составители отчёта поместили данное прозрение в рубрику «Недопонимание и сомнения».

В том же обзоре приведена резолюция, предложенная от группы оппозиционеров (Шапиро, Эльцен, Думаев) на ячеевом собрании мельницы № 8 (Закаменский райком):

1) Общее собрание ячейки госмельницы считает крайне ненормальным явлением исключение лидеров оппозиции перед самым XVI съездом, не давшим перед партией на самом съезде высказаться.

2) исключение из ВКП(б) Троцкого, Зиновьева и других – это значит идти против Ленина, который в своём письме в ЦК нашей партии, оглашённого на XII съезде, требовал коллективного руководства партией <...> Общее собрание требует отмены решений ЦКК об исключении из партии лидеров оппозиции Троцкого и Зиновьева и других, дабы сохранить единство нашей партии ВКП(б). Да здравствует единство ВКП(б) против оппортунизма, за исправление общей ленинской партии⁵⁷.

В упомянутой выше сводке о проработке тезисов Рыкова в Вокзальном райкоме Новосибирского окружкома, составленной в ноябре 1927 г., отмечалось.

Предложение Штейнберга, ячейка ВКП(б) депо: «Ячейка депо требует опубликования платформы и всех остальных документов оппозиции, дав тем самым возможность самым подробным образом всем членам партии ознакомиться с сущностью разногласий. Только на основе действительной внутривнутрипартийной демократии и свободного обсуждения нескрываемых от партии разногласий мы сохраним железную дисциплину и единство ленинской большевистской партии»⁵⁸.

Такова была реакция на демагогические выступления местных партийных функционеров на партийных собраниях. Характерно, что в письме Новосибирского окружкома, которое рассылалось в сельские райкомы и ячейки в ноябре 1927 г., содержится поразительное заявление секретаря окружкома Клокова о том, что требование «троцкистов» принудительно привлечь хлебные излишки из деревни путём **займа, то есть принудительное** обложение кулаков,

являются «кулацкой программой»⁵⁹.

На демагогические заявления партийных функционеров обращали внимание и на партийных собраниях. Так, по докладу Сырцова на общегородском собрании 3 декабря 1928 г. были заданы следующие вопросы: «Имеются ли у нас в Новосибирске элементы с правым и левым уклонами. Если есть, то персонально укажите их по фамилии <...>

В чём расхождение между оппозицией ленинцами и руководящим большинством ЦК? Только, пожалуйста, без популярных словечек о «недооценке» и «стремлении порвать с середняком» и пр. Слова Сталина «по Днепрострою в день» есть неуклюжая увёртка.

Чем объяснить следующее противоречие: на пленуме ЦК Сталин говорил, что против правых не надо применять оргвыводы, в то время, как в МК вся верхушка снята <...> Скажите, когда мы покончим борьбу с кулаком и правым уклоном и приступим к основной работе строительства социализма в нашей стране?»⁶⁰.

Поскольку легальных возможностей для выступлений «оппозиции» оставалось всё меньше и меньше, что они стали переходить на нелегальные методы работы. 29 ноября 1927 г. в Новосибирске прошло нелегальное собрание «оппозиционеров». Реакция бюро Новосибирского окружкома была соответствующей: требовать исключения всех «оппозиционеров» из партии⁶¹.

Постоянная травля «оппозиции» всё-таки не проходила бесследно. Вот что было зафиксировано в сводке по Вокзальному району города 31 января 1928 г.: «Не безучастная к этому вопросу и беспартийная масса <...> «Выселить их надо подальше в Нарым, чтобы их не было в городах, теперь уже довольно с ними церемониться, они уже теперь не оппозиционеры, а с продолжающими вести антисоветскую работу, расправляться как с контрреволюционерами» (Холодильник, рабочий)»⁶².

* * *

Разумеется, внутривнутрипартийные «дискуссии» были одним из наиболее характерных явлений для партийных организаций периода нэпа. Однако следует обратить внимание и на другие стороны жизни партийных организаций.

В сводке о болезненных явлениях в Закаменской организации в 1928 г. отмечалось: «Основной болезнью, которая распространилась в организации, является пьянство. Так из всего количества (182) подвергнутых партзвзысканиям, 63 человека (34,8 %) привлечено за пьянство. Пьянство сопровождается и другими проступками – хулиган-

ство, растрата, нарушение партэтики и др.

Другим наиболее распространённым болезненным явлением являются халатное отношение к работе – 13 дел, нетактичное поведение – 14 дел, некоммунистические поступки и др.

Имеют место и случаи склоки (3), хулиганства (3) и уголовных преступлений (2)»⁶³.

В прениях на VII конференции Закаменской организации РКП(б) 5–16 декабря 1928 г. зафиксированы следующие выступления:

«Халтурин (СККЗТ): У нас очень много участвовали у коммунистов разводы. Бросают жён-пролетарок и берут мещанок, мотивируя тем, что жена слишком отстала, неразвита и т.д. Льнут же к мещаночкам и партийцы и комсомольцы, так как и глазками повести умеет и манеры у неё особенные <...> По-моему необходимо, во-первых, заняться воспитанием жён, а не говорить: «Чёрт её воспитает». Какой же ты коммунист, раз жены не можешь воспитать. Во-вторых нужно изучить быт партийцев, взять, например, жён командного состава. Не так давно к ним в казармы ходили наши девчата и рассказывают как жён командного состава обучают военному искусству, а они за винтовку бояться взяться, берут её двумя пальцами, а сами накрашены, в шляпках, как старые барыни»⁶⁴.

«Бежанова: Партийные организации требуют от КК борьбы с болезненными явлениями из быта, но эта борьба слишком слабая и плохая. Коммунисты избивают жён, а на жалобы последних в КК отвечают: «Ну ничего, поцелуетесь и помиритесь»»⁶⁵.

Конечно, данные явления не были уникальными для периода новой экономической политики, они оставались типичными и в последующие периоды деятельности партии. Коммунистическая партия в советский период не была той организацией идейных борцов за определённые идеалы, которой она была в царской России и отчасти в годы Гражданской войны. Это была организация, в составе которой причудливо перемешались романтики и догматики, идейные борцы и карьеристы. А начало этого смещения относится как раз к периоду новой экономической политики.

* * *

Проанализируем содержание дискуссии с позиций историка. Несмотря на то, что проводники «генеральной линии» постоянно прикрывались и клялись Лениным, это было всего лишь камуфляжем для прикрытия иной линии – возвеличения нового кумира – И.В. Сталина. Точно также не должен вводить в заблуждение ярлык «оппозиция», которым клеймили сторонников продолжения ленинской линии в партии.

Таким образом, по сути это была борьба двух линий в партии: ленинской и сталинской. Именно на это постоянно обращала внимание «оппозиция». Так, в резолюции, предложенной оппозицией на кустовых и ячейковых собраниях по отчёту райкома во время проработки тезисов ЦК и ЦКК 3 ноября 1927 г., подчёркивалось: «1) Права членов партии всё больше и больше нарушаются. Подлинная ленинская внутривнутрипартийная демократия нарушается на каждом шагу. Выборность остаётся только на словах, а по сути кандидаты в парторганы назначаются заранее и проводятся по директивам сверху. Обсуждение основных вопросов <...> и политической линии высших партинстанций отсутствует и не разрешается.

2) При наличии в партии разногласий необходимо обсуждение их всей партией, вместо этого идёт неслыханная травля лучших большевиков-ленинцев, массовые репрессии на инакомыслие (исключения, снятие с работы и т.п.).

В борьбе с оппозицией применяются методы, допустимые только к классовому врагу – обвинения в контрреволюции, связь с военным заговором и т.п.). При исключениях использовать все материалы, клеветы, ложные заявления, поощряя членов партии, дающих такой материал и не привлекая к ответственности даже в случае обнаружения лжесвидетельства и вымысленности обвинения <...>

4) Подготовка к XV съезду проходит не в духе Ленина, а под углом замазывания ошибок руководства, недопущения обсуждения этих оши-

бок, заранее готовя состав бюро ячеек, районных и окружных конференций и предопределяя состав съезда, в то время как при разногласиях в партии сначала происходит обсуждение, а потом выборы парторганов и делегатов <...>

Собрание считает необходимым:

1) подготовку XV съезда вести в духе подлинной ленинской внутривнутрипартийной демократии: опубликовать платформу большевиков-ленинцев (оппозицию) и все основные материалы оппозиции по вопросу разногласий, широко обсудить все разногласия, обеспечить членами партии свободно высказывать свои взгляды;

2) обратить внимание на рост партии, поставив задачу наиболее широкого вовлечения в партию рабочих <...>

3) провести в жизнь решения X и XII съезда партии о внутривнутрипартийной демократии.

4) прекратить репрессии на инакомыслие;

5) провести действительную выборность парторганов, проводя их орабочивание;

6) необходимо реорганизовать партийную учёбу на основе изучения трудов Маркса, Энгельса и Ленина, изгоняя из обихода подделки марксизма-ленинизма, фабрикуемого ныне в массовом масштабе;

7) повышение зарплаты в соответствии с ростом производительности труда и подтягивания основных групп;

8) необходимо пресечь бюрократические безобразия в области рационализации. Рационализация должна быть тесно связана с надлежащим развёртыванием промышленности,

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Анашкин А.П., Кузнецов М.С. Становление и развитие партийно-государственного контроля в Западной Сибири (1920–1929 гг.). Томск, 1983. 208 с.
Демидов В.В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929 гг. Новосибирск, 1994. 165 с.
КПСС в резолюциях..., 8 изд. Т. 3. М., 1970.

REFERENCES

Anashkin A.P., Kuznecov M.S. Stanovlenie i razvitiie partijno-gosudarstvennogo kontrolya v Zapadnoj Sibiri (1920–1929 gg.). Tomsk, 1983. 208 s.
Demidov V.V. Politicheskaya bor'ba i oppoziciya v Sibiri. 1922–1929 gg. Novosibirsk, 1994. 165 s.
KPSS v rezolyuciyah..., 8 izd. T. 3. M., 1970.

УДК 94 (47) «1900–1901»

ПРИЗРЕНИЕ СЕМЕЙСТВ НИЖНИХ ЗАПАСНЫХ ЧИНОВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД РУССКО–КИТАЙСКОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА 1900–1901 ГГ.: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ.

Social assistance to families of the lower reserve ranks of Tomsk province during the Russian – Chinese armed conflict of 1900–1901. Experience and problems.

Военные реформы 1860–1870-х гг. для Российской империи явились поворотным этапом в переустройстве вооруженных сил.

В январе 1862 г. военный министр генерал-адъютант Д.А. Милютин представил Императору доклад, в котором изложил ос-

новные положения о преобразования армии. Ведущими задачами, по его мнению, выступали децентрализация управления войсками через организацию военно-окружной системы и введение всесословной воинской повинности [18, 159]. В 1870 г. записка Д.А. Милютина, составленная совместно с членом Государственного Совета П.А. Валуевым под заглавием «Мысли

с плановым распределением рабочей силы и с борьбой против растраты производительных сил рабочего класса, в частности против растраты кадра квалифицированных рабочих;

9) основная задача партии в настоящее время – это достижение единства во что бы то ни стало на основе ленинизма»⁶⁶.

Конечно, можно отметить и некоторую наивность представителей «оппозиции», которые постоянно взывали к разуму и порядочности, видимо не желая скатываться к тем методам работы, к которым прибегали партийные функционеры, занимаясь шельмованием «оппозиции». Хотя, конечно, если бы «оппозиция» попробовала прибегнуть к тем же методам, что и сторонники «генеральной линии», то её тут же бы обвинили в «демагогии».

Характерна и реакция на приведённую выше резолюцию «оппозиции» со стороны партийных функционеров. 5 ноября 1927 г. бюро Новосибирского окружкома по докладу Клокова о ходе дискуссии приняло следующую резолюцию: «1) Метод, принятый бюро окружкома, по обсуждению тезисов ЦК (чистка, подкреплённая цифровым материалом) и обсуждение по пунктам, признать удачным. При дальнейшем обсуждении необходимо: а) сделать упор на внесение дополнений к тезисам; б) провести дискредитацию платформы оппозиции»⁶⁷.

Ленинская партия стремительно превратилась в партию сталинскую, оставаясь таковой до самого последнего дня своего существования.

56 Там же. Л. 30.
57 Там же. Д. 214, л. 16.
58 Там же. Ф. П-2, оп. 1, д. 1859, л. 42.
59 Там же. Л. 54.
60 Там же. Ф. П-18, оп. 1, д. 823, л. 47, 48.
61 Там же. Д. 637, л. 9.
62 Там же. Ф. П-36, оп. 1, д. 751, л. 4, 5.
63 Там же. Ф. П-76, оп. 1, д. 260, л. 36.
64 Там же. Д. 254, л. 7.
65 Там же. Л. 8.

Панченко Илья Анатольевич - аспирант кафедры «Отечественная история». Алтайский государственный педагогический университет. 656031 г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, ауд. 314. Электронный адрес: panchenko.foh@mail.ru Тел.: + 7 (960) 947-94-46

В статье на основе широкого круга архивных источников и нормативно-правовых актов рассмотрен механизм призрения семейств нижних воинских чинов запаса в период русско-китайского вооруженного конфликта 1900–1901 гг. Особый акцент сделан на выявлении особенностей правовых механизмов призрения в Томской губернии и приведении широкого корпуса статистических сведений о нуждающихся семействах нижних чинов в исследуемый период. Достаточно детально рассмотрены проблемы, с которыми столкнулись как губернские органы государственной власти, так и сами семейства нижних воинских чинов. Проанализировано взаимодействие между Томским губернским управлением, Уездными распорядительными комитетами, полицейскими управлениями и волостными правлениями по вопросам выплаты пособия нуждающимся семействам нижних воинских чинов.

Ключевые слова: Томская губерния, нижние воинские чины, Сибирский военный округ, призрение, Уездные распорядительные комитеты, волостные правления, полицейские управления.

Panchenko Ilya A.
Postgraduate Student of the Department «Domestic History»
Altai State Pedagogical University
Postcode: 656031, Barnaul,
Molodezhnaya st. 55. Email address:
panchenko.foh@mail.ru
Phone: + 7 (960) 947-94-46

The article, based on a wide range of archival sources and regulatory legal acts, examines the mechanism of social support for families of lower military ranks of the reserve during the Russian-Chinese armed conflict of 1900-1901. Special emphasis is placed on identifying the features of the legal mechanisms of social support in the Tomsk province and providing a wide range of statistical information about the needy families of the lower ranks in the period under study. The problems faced by both the state authorities in the province and the families of the lower military ranks themselves are considered in sufficient detail. The interaction between the Tomsk provincial Administration, County administrative committees, Police departments and township boards on the payment of benefits to needy families of lower reserve ranks is analyzed.

Keywords: Tomsk province, lower military ranks, Siberian Military District, social support, county administrative committees, township boards, police departments.

Таблица 1. Пособия и виды призрения, положенные семьям запасных нижних воинских чинов, призванных на действительную военную службу в соответствии с Уставом о воинской повинности и временными правилами [11, 592]

Право на призрение от земства, городских и сельских обществ		
Категория	От города, селения или общества	От земства ³
Жена и дети, независимо от общества, сословия и состояния	Бесплатное помещение с отоплением	Продовольствие натурой или деньгами, на каждое призряемое лицо, без различия возраста не менее: • 29 кг ⁴ муки; • 4,5 кг крупы; • 2 кг соли (в мес.)
Отец, мать и их родители, братья и сестры	Общество обязано иметь о них попечение в порядке, определенном действующими о общественном призрении законами, с соблюдением правил, изложенных в мнении Государственного Совета	

возможности» [10, 39]. Для разработки Устава о воинской повинности были учреждены две комиссии: по вопросу о введении всесословной воинской повинности и по созданию резервных и запасных сил [10, 40]. Устав предполагал более совершенные способы комплектования войск, а к участию в отправлении воинской повинности могло привлекаться все мужское население, без возможности денежного откупа. 1 января 1874 г. был объявлен манифест «О Всеобщей воинской повинности в Империи», а также издан Указ Правительствующему сенату «Об утверждении нового Устава о воинской повинности» [11, 261]. Положениями Устава ограничивались сроки службы и определялся запас армии. Впервые подданным, призываемым на военную службу, были представлены равные права на медицинское обслуживание, социальную защиту, образование, вознаграждения и льготы. [10, 45; 14, 2] Наиболее значимым для организации социального обеспечения семейств военнослужащих являлись положения главы (Далее – гл.) IV «О лицах, неспособных к прохождению военной службы, а равно о призрении их и семейств военнослужащих». В соответствии со статьей (Далее – ст.) 351 Устава о воинской повинности (в ред. 1874 г.) «Семейства чинов запаса, призванных в военное время на действительную службу, призываются земством, равно как городскими и сельскими обществами, в среде которых эти семейства находятся. Таким обществам, которые не в состоянии будут своими средствами обеспечить нуждающиеся семейства, выдается необходимое пособие из казны» [11, 266]. В уставе указывалось, что способы призрения семейств нижних воинских чинов и распределение обязанностей по их обеспечению между земством, городскими и сельскими обществами, порядок назначения и расходования пособий от казны будут определяться особыми правилами, представленными в приложении к уставу [11, 266, 267; 19, 130].

25 июня 1877 г. было утверждено мнение Государственного Совета «О призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу» в котором были изложены временные правила по реализации ст. 35 и 41 Устава о воинской повинности². Следует отметить, что правила частично основывались на статьях гл. V Устава об общественном призрении [17, 1015]. В соответствии с временными правилами – жена и дети призванного на службу нижнего чина, нуждающиеся в призрении, могли заявить об этом факте в устной или письменной форме: уездной земской или городской управе, полицейскому управлению, волостному старшине или становому приставу [11, 592]. В Томской губернии, где не было земских учреждений, механизм призрения реализовывался через Губернское управление и Уездные распорядительные комитеты [9, л.29; 1, 139]. Таблица 1.

Волостные правления и полицейские управления, на основании полученных прошений составляли поименные списки нуждающихся семейств, в которых отражалось имущественное состояние просителей. Сформированные списки направлялись в Уездные распорядительные комитеты, которые, в свою очередь, вели учет и распределение выплат. Контроль за правомочностью назначения выплат в городах возлагался на Полицейские управления, а в уездах на волостные правления через сельских старост, которые составляли соответствующие акты и отчитывались о материальном состоянии просителей. Спорные прецеденты, при которых просители полагали, что составленные сельскими старостами или их помощниками акты не отражали их материального положения, волостные правления посылали для окончательного решения председателям Уездных распорядительных комитетов [6, л.12об.]. Социальная поддержка

Таблица 2. Процедура подачи прошения о назначении пособия семействам нижних воинских чинов, призванных на действительную военную службу в Томской губернии [11, 593; 8, 537; 9, л.29]

Категория ходатайствующих	Место жительства	
	Города	Уезды
Жена и дети нижнего чина могут подать прошение по принадлежности	<ul style="list-style-type: none"> Уездный распорядительный комитет Городская управа Полицейское управление 	<ul style="list-style-type: none"> Принадлежащие к волости сельскому обществу Остальные
		<ul style="list-style-type: none"> Волостное правление Сельский староста Крестьянский начальник

Таблица 3. Число нуждающихся в пособии в Алтайском округе Томской губернии (июль 1900 г.) [9, л.38,40,88,91]

Уезд	В пособия нуждались чел.	Средний размер выплат на 1 чел.
Барнаульский	3595	1 руб. 45 коп.
Бийский	5739	1 руб. 25 коп.
Змеиногорский	7754	1 руб. 12 коп.
Кузнецкий	682	1 руб. 15 коп.
Всего	17770 чел.	требовалось осуществлять выплату месячного пособия

Таблица 4. Количество и состав семейств, нуждающихся в пособии в Бийском уезде Томской губернии (июль 1900 г.) [2, л.18–232об.;5, л.2–146; 6, л.6–9об.;7, л.2–144]

Семейств	Детей	В среднем детей в семье	Средний размер выплат
1627	4112	2-3	1 руб. 25 коп.

просителей гарантировалась с момента издания распоряжения о назначении выплаты Уездным распорядительным комитетом и до возвращения нижних воинских чинов к своим семьям. Надзор за обеспечением должного функционирования системы социальной поддержки возлагался на губернатора, который, в случаях неисполнения выплат, возложенных на распорядительные комитеты, принимал соответствующие меры по урегулированию процесса [19, 154]. Таблица 2.

Следует отметить, что Устав о воинской повинности и Временные правила по организации призрения семейств нижних воинских чинов закрепляли право нуждающихся на достойное денежное или продовольственное довольствие. При этом, структура взаимодействия между просителями и государством предполагала широкий административно-территориальный охват и возможность семьям нижних воинских чинов беспрепятственно заявлять о своей нужде.

Осложнение военно-политической обстановки на Дальнем Востоке летом 1900 г. привело к первой в XX в. массовой мобилизации нижних чинов запаса в Сибирском военном округе (Далее – СибВО). 10 июня 1900 г. был издан Именной Высочайший Указ, данный Сенату: «О призыве на действительную

службу чинов запаса из областей и уездов Приамурского и Сибирского военных округов для приведения на военные положения войск Приамурского военного округа» [15, 629]. Самыми емкими по численности людских ресурсов в СибВО являлись Томская и Тобольская губернии. Документы свидетельствуют, что из 36062 мобилизованных в Томской губернии запасных нижних чинов, в Барнаульском уезде были призваны – 11247 чел., Бийском – 5634 и Змеиногорском – 5494 чел. [12, 26]. Следует отметить, что уезды входили в состав Алтайского округа, который к началу XX в. являлся самым населенным в составе губернии и местом притяжения большого числа переселенцев [13, 34].

В ходе проведения мобилизации и после ее завершения полицейские управления в городах и волостные правления в уездах Томской губернии информировали нижних чинов и их семейства о возможности получения пособия от казны. Томским губернским управлением были изданы объявления, которые развешивались на видных местах в городах и селениях. В рапорте Томскому губернатору от 3 июля 1900 г. Кольванский полицмейстер писал: «В отношении призрения семейств запасных нижних чинов мной предприняты следующие меры: при отправке из г. Кольвани ... было объявлено всем запасным чинам и их родным,

чтобы все нуждающиеся обращались с заявлением в полицейское управление; по получении объявлений, таковые, тотчас-же вывешены на видных местах» [9, л.14.,14об.]. Таблица 3.

К июлю 1900 г. Уездными распорядительными комитетами и полицейскими управлениями Томской губернии были составлены списки нуждающихся в пособии семейств запасных нижних чинов. В Алтайском округе численность просителей превысила 17 тыс. чел. Вместе с тем, денежные средства, ассигнованные Уездным распорядительным комитетам, составляли всего 3 тыс. руб. на уезд [9, л.88]. Председатели Уездных распорядительных комитетов докладывали о масштабах необходимой социальной поддержки в Томское губернское управление, указывая, что на полное покрытие всех социальных обязательств в трехмесячной перспективе требуется выдана дополнительных денежных средств. Барнаульский Уездный распорядительный комитет запрашивал выдачу денег в размере 30 тыс. руб., Бийский – 9 тыс. руб., Змеиногорский – 26 тыс. руб. и Кузнецкий – 2 тыс. руб. На покрытие выплат Томское губернское управление позаимствовало 32338 руб. из страхового земского сбора и 100 тыс. руб. из страхового капитала [9, л.54, 79, 88 об., 95]. Таблица 4.

Выплата пособий характеризовалась задержками и нерегулярностью, что послужило причиной разбирательств, которые приобрели затяжной характер и продолжались до 1902 г. В октябре – ноябре 1900 г. большинство мобилизованных нижних чинов вернулось со службы к своим семьям. В этот период отмечается большое число коллективных прошений как от самих нижних чинов, так и их жен в Томское губернское управление, Уездные распорядительные комитеты и крестьянским. 18 ноября 1900 г. Сычевский волостной староста писал в Бийский Уездный распорядительный комитет: «Проживающие в Сычевской волости запасные нижние чины, явились в волостное правление заявив, что их семейства во время нахождения их на службе не воспользовались пособием ... почему и просят меня возбудить ходатайство о выдаче их семействам пособия за все время нахождения их на службе» [6, л.12, 12об.]. К рапорту волостного старосты было прикреплено прошение от запасных нижних чинов на имя Председателя Бийского Уездного распорядительного комитета [6, л.14]. В свою очередь, от жен выше указанных нижних чинов было направлено коллективное обращение крестьянскому начальнику 2-го участка Бийского уезда. В своем прошении они объясняли, что пособия им не были выданы ввиду того, что общество при д. Казайда Сычевской волости при составлении списков преувеличило их имущественное состояние. «Опасаемся, – Писали женщины, – что выданное нам от земства пособие, не утаило бы общество»

¹ Изменена на ст. 38 в 1897 г.

² Размеры и виды призрения представлены в таблице 1.

³ В Сибирских губерниях конца XIX – начала XX в. отсутствовал институт земства, и прошения подавались в Уездные распорядительные комитеты [16, 67].

⁴ Переведено в кг.

[6, л.18]. Сведения о материальном положении, приложенные к прошению, свидетельствовали, что на 6 просителей, в среднем приходилось: 5 лошадей, 7 коров, 5 овец и 2 свиньи [6, л.19]. Вместе с тем, следует отметить, что в списки на получение пособия по Енисейской волости вносились семьи нижних чинов, имеющие в хозяйстве по 6 лошадей, 6 коров и 3 свиньи, по Бийской волости по 10 лошадей 13 коров и 97 овец [7, л.110,110об.,111; 4, л. 138]. В этой связи, интерес представляет прошение солдатских жен, направленное 31 августа 1900 г. крестьянскому начальнику 2-го участка Бийского уезда. «Имеем честь покорнейше просить Ваше Высококордие, – писали жены, – сделать зависящее от Вас распоряжение о подаче нам продовольственного пособия ... При этом считаем долгом обратить внимание Вашего Высококордия, что сельские общества, обременяемые этим пособием, по присущему «Мужику» узко-эгоистичному взгляду на выделение своих крох для нужд и пользы общественных, – раз на необходимость этого уделения, не будет ему внушительного начальнического разъяснения, вразумления и приказания, – всегда крайне скупы и пристрастны, – то, по сему, – мы имеем честь всепокорнейше просить Ваше Высококордие обратить особенное внимание на отказы сельскими обществами в пособии» [3, л.156].

Для оценки имущественного положения просителей, сельскими старостами по поручению волостных правлений и крестьянских начальников организовывались комиссии в составе двух понятых и одного помощника. По итогам проверки составлялся акт, который направлялся в волостное правление. К примеру, 14 октября 1900 г. Ануйский сельский староста Ковылин по поручению Смоленского волостного правления производил проверку положения жен нижних запасных чинов Шигоревой и

Степановой. В составленном акте отмечалось, что «...просительница Шигорева находится в семье и семейство имеет достаточное имущественное положение, как недвижимое, а также равно и движимое, так что вполне ... жены смогут прокормиться без пособия, кроме того у Александры Степановой муж запасной нижний чин Федор Иванович со службы возвращен» [2, л.82,115]. Волостные правления по факту каждого отказа в выплате, опираясь на акты, составляемые сельскими старостами, отчитывались в Уездные распорядительные комитеты. Так, в рапорте Енисейского волостного правления от 18 июля 1901 г., направленном председателю Бийского Уездного распорядительного комитета, отмечалось, что ряд солдатских жен получили пособие, а «... жена Лазаря Третьякова живет в своем доме, имеет 7 лошадей, 6 коров, 5 овец и 1 свинью, 30 пудов пшеницы ..., жена Петра Горбунова живет в своем доме, имеет 10 лошадей, 12 голов рогатого скота, 27 овец, 8 свиней, 400 пудов пшеницы и 500 пудов овса ..., жена Василия Гольных живет в своем доме, имеет 16 лошадей, 10 овец, 3 свиньи, 200 пудов пшеницы и 100 пудов овса» [2, л.250, 250об.].

Жалобы о невыплате пособия, имеющие коллективный характер и направляемые в адрес Губернатора, являлись поводом для проведения проверок. Однако, такие проверки основывались на запросе сведений вновь у Уездных распорядительных комитетов и крестьянских начальников, которые, в свою очередь, обращались за материалами к волостным правлениям, а сведения, полученные ранее, не отличались от вновь предоставляемых. В журнале присутствия Томского губернского управления от 20 июля 1901 г. отмечалось, что «по жалобе солдатских жен затребованы сведения от Бийского Уездного распорядительного комитета и крестьянского начальника 1-го участка Бийского уезда, на что

председатель комитета и крестьянский начальник 13-го марта и 6-го июня донесли, что по проверке на месте Сросткинским и Шубенским волостными старшинами семейного и имущественного положения просительниц оказалось, что они могли прокормиться личным трудом, так как живут зажиточно, имеют свои дома, хорошее сельскохозяйственное хозяйство, по несколько десятков скота, а некоторые даже пасеки с пчелами» [4, л.65, 65об.].

Подводя итог, следует отметить, что Устав о воинской повинности и Временные правила о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу, явились важным этапом в развитии системы социальной поддержки этой категории населения. Вместе с тем, процесс реализации положений Устава и Временных правил на территории Томской губернии в период русско-китайского вооруженного конфликта 1900–1901 гг. столкнулся с такими проблемами как: большая численность просителей; недостаточный расчет денежных средств на покрытие социальных обязательств; отсутствие системности в деятельности Губернского управления, Уездных распорядительных комитетов, волостных правлений и сельских обществ. Основными причинами отказов в получении пособий являлись хорошее материальное положение просителей или возвращение нижних воинских чинов со службы. Длительность процесса назначения пособия приводило к массовым прошениям от самих нижних чинов по фактам отказа их нуждающимся семьям. Вследствие отсутствия в законодательстве порядка определения материального достатка нуждающихся, – назначение выплат приобретало стихийный, субъективный характер и могло становиться предметом спекуляций на местах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арефа, Н.И. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. – СПб.: изд-во. Д.В. Чичинадзе, 1894. – 364 с.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК.) Ф.198. Оп.1. Д.3.
3. ГААК. Ф.170. Оп.1. Д.245.
4. ГААК. Ф.198. Оп.1. Д. 11.
5. ГААК. Ф.198. Оп.1. Д.5.
6. ГААК. Ф.198. Оп.1. Д.6.
7. ГААК. Ф.198. Оп.1. Д.7.
8. Гермизеева, В. В. Крестьянские начальники Западной Сибири: численность и состав (1898–1917 гг.) / В. В. Гермизеева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – С. 537.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО.) Ф.3. Оп.20. Д.241.
10. Дневник Д.А. Милютин: 1873–1875 / под ред. П. А. Зайончковского, А.В. Аскарянц, В.Г. Лапшиной. – Том I изд. – М.: Государственная Ордена Ленина библиотека СССР им. В.И.Ленина. Отдел рукописей, 1947. – 262 с.
11. Коссинский, В.Д. Систематический

сборник приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного штаба за время с 1 января 1869 года по 1 октября 1882 года: для руководства в войсках и войсковых управлениях. – СПб.: типо-литография Фрейман и Ко, 1883. – 1335 с.

12. Обзор Томской губернии за 1900 год. – Томск: Губернская Типография, 1901. – 48 с.

13. Очерк переселенческого дела в Алтайском округе: 1884–1898 г. – Барнаул: типо-литография Главного Управления Алтайского округа, 1900. – 164 с.

14. Полное собрание законов Российской империи. – Соб.2. Т.XLIX. Отд.1. изд. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1876. – 948 с.

15. Полное собрание законов Российской империи. – Соб.3. Т.XX. Отд.1. изд.–СПб.: Государственная типография, 1902. – 1183 с.

16. Почеревин, Е. В. Деятельность уездных распорядительных комитетов Томской губернии по распределению

натуральных повинностей в начале XX в / Е. В. Почеревин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 3(71). – С. 67–72.

17. Саатчиан, А.Л. Полный свод законов Российской Империи: Все 16 т. со всеми относящимися к ним Продолжениями и с доп. узаконениями по 1 сент. 1910 г.: В 2 кн. – Кн.2. изд. – СПб.: кн. маг. «Законоведение», 1911. – 3826 с.

18. Ушаков, Ю. Н. Военные реформы Д.А.Милютин / Ю. Н. Ушаков // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. – 2004. – С. 158–159.

19. Яценко, А.Р. 3-х и 6-ти рублевое в месяц от казны пособие: Сб. законоположений с разъяснениями о 3-х и 6-ти рублевом в месяц от казны пособии не способ. к лич. труду чинам, их женам и вдовам, о призрении семейств ниж. чинов в воен. время и о 5-ти руб. Николаев. пенсии. – СПб.: А.Яценко, 1899. – 175 с.

REFERENCES

1. Arefa, N.I. Polozhenie o gubernskih i uezdnyh zemskih uchrezhdeniyah. – SPb.: izdvo. D.V. Chichinadze, 1894. – 364 s.
2. Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja (GAAK.) F.198. Op.1. D.3.
3. GAAK. F.170. Op.1. D.245.
4. GAAK. F.198. Op.1. D. 11.
5. GAAK. F.198. Op.1. D.5.
6. GAAK. F.198. Op.1. D.6.
7. GAAK. F.198. Op.1. D.7.
8. Germizeeva, V. V. Krest'yanskije nachal'niki Zapadnoj Sibiri: chislennost' i sostav (1898–1917 gg.) / V. V. Germizeeva // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2014. – № 4. – S. 537.
9. Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (GATO.) F.3. Op.20. D.241.
10. Dnevnik D.A. Milyutina: 1873–1875 / pod.red. P. A. Zajonchkovskogo, A.V. Askaryanc, V.G. Lapshinoj. – Tom I izd. – M.: Gosudarstvennaya Ordena Lenina biblioteka SSSR im. V.I.Lenina. Otdel rukopisej, 1947. – 262 s.
11. Kossinskij, V.D. Sistematičeskij sbornik prikazov po Voennomu vedomstvu

i cirkulyarov Glavnogo shtaba za vremya s 1 yanvarya 1869 goda po 1 oktyabrya 1882 goda: dlya rukovodstva v vojskah i vojskovykh upravleniyah. – SPb.: tipo-litografiya Frejman i Ko, 1883. – 1335 s.

12. Obzor Tomskoj gubernii za 1900 god. – Tomsk: Gubernskaya Tipografiya, 1901. – 48 s.

13. Oчерk pereselenčeskogo dela v Altajskom okruge: 1884–1898 g. – Barnaul: tipo-litografiya Glavnogo Upravleniya Altajskogo okruga, 1900. – 164 s.

14. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. – Sob.2. T.XLIX. Otd.1. izd. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelarii, 1876. – 948 s.

15. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. – Sob.3. T.XX. Otd.1. izd.–SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1902. – 1183 s.

16. Pocherevin, E. V. Deyatel'nost' uezdnyh rasporyaditel'nyh komitetov Tomskoj gubernii po raspredeleniyu natural'nyh povinnostej v nachale XX v / E. V. Pocherevin // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 3(71). – S. 67–72.

17. Saatchian, A.L. Polnyj svod zakonov

Rossijskoj Imperii: Vse 16 t. so vseimi otnosyashchimi k nim Prodolzheniyami i s dop. uzakonenyami po 1 sent. 1910 g.: V 2 kn. – Kn.2. izd. – SPb.: kn. mag. „Zakonovedenie“, 1911. – 3826 s.

18. Ushakov, YU. N. Voennye reformy D.A.Milyutina / YU. N. Ushakov // Nauchno-tehnicheskij vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta informacionnyh tekhnologij, mekhaniki i optiki. – 2004. – S. 158–159.

19. YAcenko, A.R. 3-h i 6-ti rublevoe v mesyac ot kazny posobie: Sb. zakonopolozhenij s raz'yasneniyami o 3-h i 6-ti rublevom v mesyac ot kazny posobii ne sposob. k lich. trudu chinam, ih zhenam i vdovam, o prizrenii semejstv nizh. činov v voen. vremya i o 5-ti rub. Nikolaev. pensii. – SPb.: A.YAcenko, 1899. – 175 s.

(Footnotes)

1 В Сибирских губерниях конца XIX – начала XX в. отсутствовал институт земства, и прошения подавались в Уездные распорядительные комитеты [16, 67].

2 Переведено в кг.

УДК 94(571.1) «1941-1945»

ЛАГЕРНЫЕ СБОРЫ УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НАРКОМПРОСА В РЕГИОНАХ СИБИРИ В ЛЕТНИЙ ПЕРИОД 1943 г.

Camp fees of students of secondary educational institutions of the people's commissariat of education in the regions of Siberia in the summer of 1943

Задача военной подготовки учащихся учебных заведений с началом Великой Отечественной войны приобрела особую актуальность. В 1941–1942 гг. Красная Армия вела тяжелые оборонительные бои на всем советско-германском фронте и несла тяжелые потери. С целью ее укомплектования подготовленными резервами, в ходе войны возраст призыва на военную службу был снижен до 17 лет. В 1941 г. на укомплектование военных училищ, запасных и учебных частей были направлены призывники 1922 г. р. и допризывники 1923 г. р., в 1942 г. – 1924 г. р., в 1943 г. – 1925 г. р. и 1926 г. р., в 1944–1927 г. р. В структуре мобилизационных людских ресурсов доля младших призывных возрастов возрастала с каждым годом войны.

В связи с принятием постановления ГКО № 690 от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу

граждан СССР», телеграммой Главвсевобуча от 5 октября 1941 г. было установлено, что учащаяся молодежь программу всевобуча проходит непосредственно в учебных заведениях¹. Общее руководство военным обучением учащихся возлагалось на Главвсевобуч Наркомата обороны СССР и Наркомат просвещения РСФСР. В управлениях Сибирского военного округа (СибВО), Забайкальского фронта (Забфронта), в краевых и областных военных комиссариатах были сформированы Отделы инспектирования военной подготовки учащихся гражданских учебных заведений. Непосредственное руководство военным обучением в городах и районах Сибири возлагалось на инспекторский состав горрайвоенкоматов и отделы народного образования². Учебно-методическое обеспечение военного обучения учащихся возлагалось на Наркомат

просвещения³. С ноября 1941 г. на 110 часовую программу Всеовобуча была переведена допризывная военная подготовка учащихся юношей, достигших 16-летнего возраста⁴.

Однако, как показала практика, в 1941–1942 гг. организация военного обучения учащихся столкнулась с рядом серьезных трудностей. Программы Всеовобуча оказались неадаптированными к условиям школ. В учебных заведениях был только учебник по начальной военной подготовке, который не охватывал полностью всей программы Всеовобуча. В целом, учебно-материальное обеспечение военной подготовки учащихся во всех школах Сибири было недостаточным. Для улучшения качества занятий был предпринят ряд мер: организация занятий по военной подготовке в городах в специальных школьных учебных пунктах, организация школьных учебно-стро-

1 Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 57. Оп. 12305. Д. 8. Л. 1.

2 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6152. Л. 80.

3 Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 7. Д. 677. Л. 8.

4 ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6158. Л. 18.

Ростов Николай Дмитриевич - доктор исторических наук, директор музея АлтГУ. Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 656038, г. Барнаул, ул. Димитрова, 73, ауд. 105. Электронный адрес: ndrostov@mail.ru. Тел.: +7 (913) 217-26-11

На широком круге источников в статье рассматриваются вопросы организации и содержания военной подготовки учащихся гражданских учебных заведений Наркомпроса РСФСР на территории Сибирского военного округа (СибВО) и Забайкальского фронта (Забфронта) в годы Великой Отечественной войны. На конкретных примерах показывается участие советского государства в повышении качества военного обучения учащейся молодежи. Делается вывод о значении военной подготовки в формировании высоких морально-боевых и профессиональных качеств у будущих защитников Родины. Предпринята попытка научного анализа проблем в реализации программы Всевобуча в гражданских учебных заведениях в первый период войны. Текст статьи дополняется статистическим материалом, наглядно иллюстрирующим основную мысль. Большое внимание автор уделил подготовке, организации, финансовому и материальному обеспечению ежегодных лагерных сборов учащихся, распределению обязанностей и ответственности в решении этих вопросов между Наркоматом обороны СССР и Наркоматом просвещения РСФСР.

Ключевые слова: Сибирский военный округ, Забайкальский фронт, Сибирь, Всевобуч, допризывная военная подготовка, лагерные сборы, учащиеся, учебные заведения, Наркомпрос, военные комиссариаты, военные руководители, отделы народного образования.

Rostov Nikolay D. - dr. of history sci., head of museum Polzunov Altai State Technical University Polzunov Altai State Technical University, 656038, Barnaul, Dimitrova st. 73, room 105, e-mail: ndrostov@mail.ru. Phone: +7 (913) 217-26-11

Using a wide range of sources, the article discusses the organization and content of military training of students of civilian educational institutions of the People's Commissariat of the RSFSR on the territory of the Siberian Military District (SibVO) and the Trans-Baikal Front (Zabfront) during the Great Patriotic War. Concrete examples show the participation of the Soviet state in improving the quality of military training of students. The conclusion is made about the importance of military training in the formation of high moral, combat and professional qualities of future defenders of the Motherland. An attempt has been made to scientifically analyze the problems in the implementation of the Vsevobuch program in civilian educational institutions in the first period of the war. The text of the article is supplemented with statistical material that clearly illustrates the main text. The author paid great attention to the preparation, organization, financial and material support of the annual camp fees of students, the distribution of duties and responsibilities in solving these issues between the People's Commissariat of Defense of the USSR and the People's Commissariat of Education of the RSFSR.

Keywords: Siberian Military District, Trans-Baikal Front, Siberia, Vsevobuch, pre-conscription military training, camp fees, students, educational institutions, Narkompros, military commissariats, military leaders, departments of public education.

евых подразделений и др. Большинство гражданских учебных заведений наглядными учебными пособиями по военной подготовке обеспечивались не по табельным нормам. Главным образом, не хватало учебного оружия и лыж. Во всех школах Сибири была развёрнута работа по изготовлению лыж и деревянных ружей, но она была недостаточна, а в некоторых школах отсутствовала вовсе⁵.

Приказом Наркома народного просвещения РСФСР N 57-К от 12 ноября 1941 г. для эффективного выполнения задач Всевобуча в учебных заведениях был установлен специальный военный день. Он выделялся в расписании занятий как день военной подготовки. Значительная часть школ Сибири, особенно сельских, занятия по военной подготовке учащихся проводили самостоятельно, в некоторых случаях для этого использовались военно-учебные пункты райвоенкоматов⁶.

Крайне негативно на военной подготовке учащихся 1941–1942 гг. сказался массовый призыв военнообязанных на военную службу. Во всех школах Сибири отмечался большой некомплект и текущая часть состава военных руководителей. Во всех сибирских регионах объективно не выполнялось требование начальника Главвсевобуча о подборе на должности военных руководителей из числа средних командиров. Во многих школах сменилось по 3, 4 и более военных руководителей⁷.

Большинство школ Сибири занятия по военной подготовке завершили к 15 апреля, остальные к 15 мая 1942 г. Отставание от программы составило в среднем от 1 до 1,5 мес. По завершению программы Всевобуча с учащимися средних школ Сибири были проведены проверочные испытания⁸.

Новый этап в организации военного обучения учащейся молодежи наступил в 1942 – 1943 учебном году. 24 октября 1942 г. СНК СССР принял постановление № 1729 «О начальной и допризывной подготовке учащихся 5–10 классов неполных средних и средних школ и техникумов» и утвердил «Положение о начальной и допризывной военной подготов-

Таблица 1 - расчет учебных часов по военной подготовке учащихся юношей и девушек 1–10 классов неполных средних и средних школ согласно Постановлениям СНК СССР от 24 октября 1942 г. № 1729 и № 1730¹⁴.

Классы	Количество часов в неделю	Количество часов на учебный год
1–2	1	33
3–4	2	66
5–7	3	99
8–9	4	132
10	5	165

5 ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6158. Л. 20.
6 ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6158. Л. 20, 20 об.
7 ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6158. Л. 18.
8 ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6158. Л. 21, 22.
9 Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1877. Л. 13а.
10 ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6153. Л. 19.
11 ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6153. Л. 21.
12 ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1877. Л. 13а.
13 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 8. Л. 1.
14 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 210. Л. 50.

ке» и «Программу начальной и допризывной подготовки учащихся 5–10 классов неполных средних и средних школ и техникумов»⁹. В соответствии с Постановлением СНК СССР № 1730 от 24 октября 1942 г. «О военно-физической подготовке учащихся начальных и 1–4 классов неполных средних и средних школ» с 1942 – 1943 учебного года в указанных учебных заведениях вводилась военно-физическая подготовка по программам, утвержденным Наркоматом обороны СССР. Количество выделенных часов в учебных планах школ составило: 1–2 классы – 1 час в неделю; 3–4 классы – 2 часа в неделю¹⁰.

Принятыми постановлениями СНК СССР также устанавливались в Наркомпросах союзных и автономных республик должности заместителей наркомов по военному обучению, а в областных и краевых отделах народного образования - должности заместителей заведующих по военному обучению. Своим решением Правительство СССР обязало военные комиссариаты, организации Осоавиахима, профсоюзы и спортивные общества предоставлять бесплатно школам и техникумам военно-учебные пункты, лагеря, тир, стадионы, гимнастические залы, катки, водные и лыжные станции для проведения военных занятий¹¹.

Главной задачей допризывной военной подготовки учащихся являлось совершенствование одиночной подготовки и подготовка бойца, способного действовать в составе отделения и взвода¹². Она включала: изучение уставов, стрелкового оружия и тактики действий отдельных военнослужащих и подразделений Красной Армии в основных видах боя; строевую и огневую подготовку. Обязательным компонентом военной подготовки являлось формирование у призывной молодежи любви к Родине и готовности к её защите¹³. Принятые решения советского правительства кардинально меняли не только содержание военного обучения учащейся молодежи, но также устанавливали стройную систему контроля и ответственности должностных лиц. Таблица 1.

Таким образом, на каждую неделю учебного года (всего 33 учебных недели) было отведено одинаковое количество часов. Кроме

Таблица 2 - дислокация лагерных сборов учащихся учебных заведений Забфронта в июне – июле 1943 г.²³

Регион	Районы расположения лагеря
Читинская область	Читинский, Срегенский
Бурят-Монгольская АССР	Зангравеский, Иволгинский
Иркутская область	Черемховский, Тулунский, Усть-Кутский, Бодайбинский, Иркутский
Якутская АССР	Якутский, Алданский, Олекминский, Майя, Нюрбинский.

Таблица 3 - контингент учащихся учебных заведений Наркомпроса РСФСР регионов Сибири, привлеченный к лагерным сборам с 15 июня по 20 июля 1943 г.²⁴.

	Количество учащихся школ и техникумов	Количество учащихся техникумов	Всего
Алтайский край	4736	464	5200
Красноярский край	3340	360	3700
Бурят-Монгольская АССР	625		
Кемеровская область	4700	300	5000
Новосибирская область	3800		
Омская область	3169		
Иркутская область	733		
Читинская область	862	38	900

Таблица 4 - дислокация лагерных сборов учащихся Алтайского края в июле 1943 г.²⁸

№ п/п	Лагерь	Число районов, включенных в состав лагеря
1	Ойрот-Туринский	8
2	Рубцовский	12
3	Быстро Иетовский	8
4	Бийский	8
5	Барнаульский	14
6	Славгородский	10
7	Каменский	7
	Итого	67

того, для юношей 8 – 9 классов средних школ было отведено 120 часов для прохождения программы лагерного сбора¹⁵.

В условиях Великой Отечественной войны лагерные сборы учащихся средних учебных заведений Наркомпроса стали для призывной молодежи хорошей практической школой закрепления полученных военных знаний и навыков. В регионах Сибири 15-дневные лагерные сборы учащихся проводились ежегодно в летний период. Сборам предшествовала сдача учащимися зачетных испытаний по военной подготовке. В конкретных исторических условиях лагерные сборы являлись действенной формой повышения профессиональных военных, специальных знаний и методического мастерства военных руководителей учебных заведений.

15 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 210. Л. 50.
16 ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6158. Л. 25, 91.
17 ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6158. Л. 91.
18 Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-126. Оп. 1. Д. 25. Л. 70.
19 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 275. Л. 45.
20 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 275. Л. 11.
21 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 275. Л. 43.
22 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 275. Л. 45.
23 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 275. Л. 12.
24 ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6158. Л. 93.
25 Государственный архив Алтайского края (ГИАК). Ф. П-10. Оп. 30. Д. 241. Л. 53.
26 ГИАК. Ф. П-10. Оп. 30. Д. 241. Л. 47.
27 ГИАК. Ф. П-5155. Оп. 2. Д. 14. Л. 176.
28 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 275. Л. 44.
29 ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6158. Л. 25.

сборов учащихся, выделении за счет экономии продуктов питания, и обеспечения лагерных сборов квалифицированным командным составом¹⁸. Для проведения сборов, учащихся в СибВО в июне–июле 1943 г. военными комиссариатами было привлечено 1404 чел. среднего командного и 2469 чел. младшего начальствующего состава¹⁹.

В Забфронте на лагерные сборы привлекалось 4986 учащихся. Из них, 8-х классов – 2281, 9-х классов – 972, 1 курса техникумов – 1244, 2 курса техникумов – 489. Сборы проводились в 14 лагерях в составе 8 батальонов и 7 отдельных рот²⁰. 1 апреля 1943 г. Военный совет СибВО утвердил подробный план проведения лагерных сборов с учащимися. На сборы привлекалось 20455 учащихся. Из них, учащихся 8–9 классов – 17406, 1–2 курсов техникумов – 3049. Для проведения сборов было оборудовано 39 лагерей: Новосибирской области – 6; Омской области – 11; Кемеровской области – 4; Алтайском крае – 7; Красноярском крае – 11. В лагерный сбор входил 231 район округа. В том числе в Новосибирской области – 39, Омской – 53, Кемеровской – 26; в Алтайском крае – 67, Красноярском крае – 66²¹. Организационно все учащиеся были сведены в 6 полков, 43 батальона, 150 рот и 520 взводов. В соответствии со ст.14 Программы «Допризывной военной подготовки учащихся 8, 9, 10 классов средних школ и 1 и 2 курсов техникумов» на сборы было привлечено 1404 чел. среднего командного и 2469 чел. – младшего начальствующего состава²². Таблица 2. Таблица 3.

С 25 июня по 10 июля 1943 г. по решению бюро Барнаульского горкома ВКП(б) от 3 июня 1943 г. на базе школы № 2 (зона городского бора) был проведен лагерный сбор учащихся 8–9 классов в количестве 300 человек²⁵. А всего в лагеря должно было быть вывезено 1180 человек, в том числе 427 школьников Барнаула²⁶. По Алтайскому краю к лагерным сборам было привлечено 405 человек командного состава²⁷. Таблица 4.

Большую помощь органам народного образования регионов Сибири в подготовке и проведении лагерных сборов учащихся оказали Военные Советы СибВО и Забфронта, представители воинских частей и военные комиссариаты²⁹. Архивные документы свидетельствуют об ежегодном увеличении денежных средств, выделяемых Наркоматом обороны на проведение лагерных сборов учащихся. В 1942 г. на проведение летних лагерных сборов, учащихся в СибВО было выделено 527964 руб., в

Таблица 5 – материальное обеспечение лагерных сборов учащихся учебных заведений СибВО в июне 1943 г.³³

	Имеется	Получено от Наркомата обороны
Мелкокалиберные винтовки	1954	
Учебные винтовки 7,62 мм	1011	950
Ружья деревянные	6436	
Гранат учебных:		
РГД-33	1104	6000
Ф-1	175	2500
Макеты танков	27	

Таблица 6 – потребность в боевом оружии для лагерных сборов учащихся Забфронта в июне-июле 1943 г.³⁶

	Требуется	Имеется в облоенкоматах	Недостает
Читинская область	28	91	
Иркутская область	44	107	
Бурят-Монгольская АССР	17	40	
Якутская АССР	32	7	23
Итого	121	247	23

Забфронте – 221493 руб. соответственно³⁰. В июне 1944 г. Алтайский крайвоенкомат только Барнаульскому горвоенкомату для проведения лагерных сборов учащихся старших классов средних школ перечислил 151500 руб³¹. Для проведения летних лагерных сборов учащихся гражданских учебных заведений управлением СибВО было выделено 122730 боевых и 306525 мелкокалиберных патронов и 368190 учебно-боевых гранат³². Таблица 5.

Для проведения сборов по Забфронту требовалось 24210 боевых и 55370 мелкокалиберных патронов. Учебным оружием Иркутская, Читинская области и Бурят-Монгольская АССР были укомплектованы полностью, за исключением Якутской АССР, где обеспеченность составила только 22%³⁴. Боевым оружием лагерные сборы были обеспечены полностью за счет учебных пунктов Всевобуча военных комиссариатов и организаций Осоавиахима, кроме Якутской АССР, где из 32 необходимых винтовок имелось только 7³⁵. Таблица 6.

Примечание: Расхождение имеющегося в облоенкоматах боевого оружия в документах составляет 2 ед.

Учебный процесс в период лагерных сборов был максимально приближен к условиям армейской действительности. Учебный день составлял 6 часов, не считая времени на передвижение к месту занятий и обратно, с расчетом окончания занятий не позднее 15 часов³⁷. Все учащиеся, привлекаемые на сборы, сводились в учебные строевые подразделения.

В СибВО на лагерных сборах учащихся средних школ и техникумов в июне-июле 1943

30 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 73. Л. 420.

31 ГААК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 4. Л. 105.

32 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 275. Л. 45.

33 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 275. Л. 47.

34 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 275. Л. 11.

35 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 275. Л. 45, 47.

36 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 275. Л. 14.

37 ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6158. Л. 103.

38 ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 275. Л. 45.

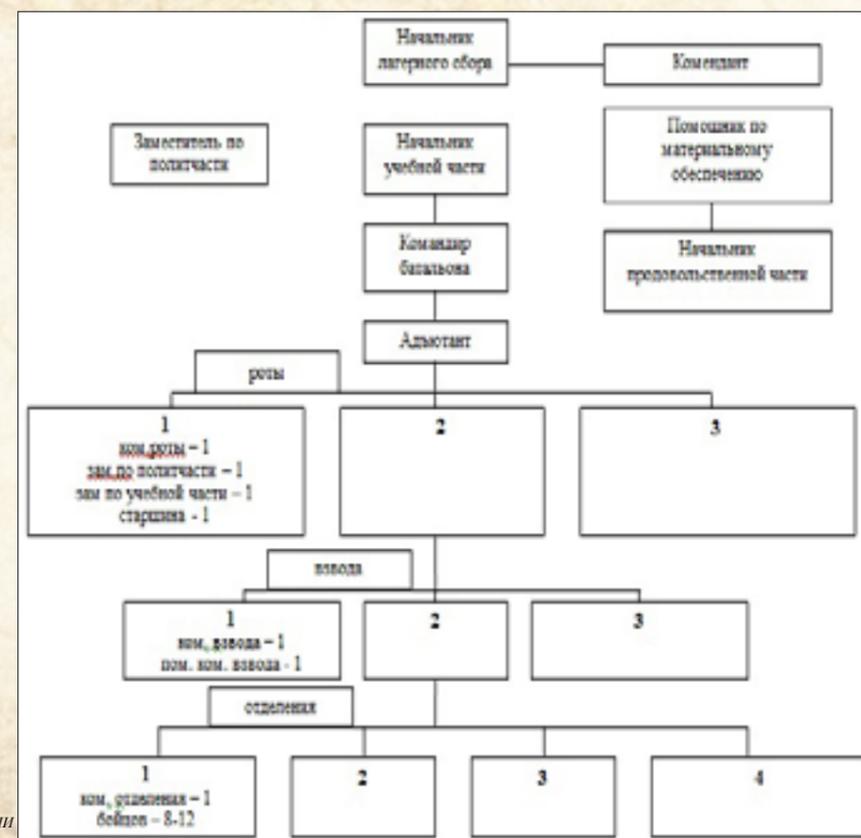
39 ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6158. Л. 106 об.

40 ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6158. Л. 106, 107.

41 Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 110. Л. 18.

г. были сформированы 6 полков, 43 батальона, 150 рот, 520 взводов³⁸. В зависимости от емкости лагеря и числа, учащихся батальон мог быть 2 и 3 ротного состава и численностью 356–500 чел., в том числе бойцов – 288–432 чел. На должности начальников лагерей и начальников учебной части лагерного сбора назначались решениями Военных советов СибВО и Забфронта офицеры из войск и военно-учебных заведений. Командиров батальонов и их адъютантов выделяли отделы инспектирования краевых и областных военных комиссариатов. Командирами рот назначались инструкторы Всевобуча

Рисунок 1 – примерная схема организации стрелкового батальона учащихся на лагерном сборе в июне - июле 1943 г.⁴⁰



райвоенкоматов или наиболее подготовленные военные руководители учебных заведений. На должности коменданта, помощника по материальному обеспечению, начальника продовольственной части, заместителя по политической части назначались и выделялись от Наркомата просвещения РСФСР. На остальные должности назначались наиболее подготовленные военные руководители школ³⁹. Рисунок 1.

В годы Великой Отечественной войны лагерные сборы учащихся учебных заведений по завершению учебного года стали традиционными. В 1944 г. лагерные сборы учащихся 8 и 9 классов и студентов 1 и 2 курсов техникумов Томской области прошли с 13 июня по 15 июля. В поселке Новоселово Колпашевского района в 2 очереди прошло 110 человек, в г. Томске на Басандайке в 3 очереди прошло 324 человека. В течение сборов было прочитано 12 лекций и докладов, проведено 24 беседы, выпущено 10 стенгазет и 25 боевых листков во взводах⁴¹. Таблица 8.

Примечание: Причина неявки: 22 учащихся призваны в РККА, 35 – болезнь, 22 – причина неизвестна. Взамен не явившихся учащихся 8-9 классов, на сборы были привлечены 74 учащихся 7 классов 1927 г.р. Без учета Булунского, Олекминского районов, где должны были проходить лагерный сбор 13 учащихся 8-9 классов.

В соответствии с требованиями и по указанию Областного военного комиссариата

Таблица 8 – итоги лагерного сбора 1943-1944 учебного года учащихся 8-9 классов средних школ и 1-2 курса педучилищ Якутской АССР⁴².

	7 класс	8 класс	9 класс	1 курс	2 курс	Итого
Подлежало прохождению	–	216	100	76	33	425
Явка	74	168	81	68	29	420
Неявка	–	48	19	8	4	79

ата и заместителя Наркома просвещения Якутской АССР, в порядке подготовки к учебному 1944–1945 году для проверки состояния здоровья учащихся гражданских учебных заведений, привлекаемых к военной подготовке, были привлечены врачи специалисты районных и городских комитетов здравоохранения⁴³.

В 1945 г. военные комиссариаты и отделы народного образования Сибири на основе приобретенного опыта лагерные сборы учащихся провели на более высоком уровне. Приказом командующего войсками

СибВО в каждом крае и области были определены места расположения лагерных сборов. В Алтайском крае это были г. Барнаул, Бийск, Рубцовск, Ключи, Ойротия. С 1 по 15 июля прошла 1 очередь для учащихся школ; с 15 июля по 1 августа – вторая очередь в Барнаульских лагерях для учащихся техникумов. Проверку готовности и отправки учащихся в лагерь на основании приказа командующего войсками СибВО осуществляла специальная комиссия. Ее председателем являлся районный военный комиссар, заместителем – заведующий

42 Филиал Национального архива Республики Саха (Якутия) (ФНА РС (Я)). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1736. Л. 15.

43 ФНА РС (Я). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1736. Л. 8 об.

44 ГААК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 4. Л. 113.

УДК 947(571.1)

«ОПЫТ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ГОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1942–1945 ГГ.): ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОКУМЕНТА, ПОДГОТОВЛЕННОГО ПОЛИТОТДЕЛОМ 65-Й ГВАРДЕЙСКОЙ РИЖСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

«The experience of party political work during the Patriotic War (1942–1945)»: source study analysis of the document prepared by the political department of the 65th Guards Riga Rifle Division

Одним из прославленных омских воинских формирований Великой Отечественной войны являлась 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков, входившая в состав 6-го Сталинского Сибирского добровольческого стрелкового корпуса, сформированного в тяжелые для страны дни Сталинградской битвы.

После формирования на омской земле в июле-августе, в сентябре 1942 г. бригада отправилась в действующую армию. С 25 ноября 1942 г. в составе войск Калининского фронта она вступила в кровопролитные бои за город Белый. К середине декабря части 6-го

Сталинского добровольческого стрелкового корпуса потеряли в боях 80–90 % личного состава. После пополнения в феврале-марте 1943 г. корпус участвовал сначала боях за поселок Локня, а затем в сражении на Ржевском направлении, где вновь понес значительные потери. В апреле 1943 г. 6-й Сталинский добровольческий стрелковый корпус был преобразован в 19-й гвардейский сталинский стрелковый корпус. В ходе этой реорганизации 75-я омская и «родственная» 78-я красноярская бригады были сведены в одну – 65-ю гвардейскую стрелковую дивизию, прошедшую славный боевой путь и заслужившую почетное наименование – Рижская. В апреле 1947 г. на территории Эстонской ССР дивизия

была расформирована.

Для осмысления военных событий значимую роль играет современная тенденция активного ввода в научный оборот новых источников по периоду. Это отмечают российские историки И.А. Анфертьев, Ю.З. Кантор, В.Г. Кокоулин и др. Особая важность этого заключена в противодействии формированию ложных представлений в массовом сознании о прошлом нашей страны. Вряд ли будет требовать пояснений тезис о том, что фальсификация истории в современных условиях представляет очевидную информационную угрозу безопасности России¹.

Борясь за сохранение исторической правды, исследователи сегодня стремятся не

1 Анфертьев И.А. Архивные документы и их роль в осмыслении Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Просвещение в России: традиции и вызовы нового времени: материалы VI сессии общественно-педагогического форума (Санкт-Петербург, 11–12 апр. 2013 г.). СПб.: МОФ «Центр Национальной Славы», 2014. С. 113–114; Анфертьев И.А. Против грубых вымыслов современных фальсификаторов истории Великой отечественной войны // Противодействие современным фальсификаторам истории Великой Отечественной войны: сб. мат.-лов круглого стола (Москва, 26 марта 2010 г.). М., 2010. С. 69–78; Анфертьев И.А. Новые архивные документы и их роль в противодействии современным фальсификаторам // Силовые структуры: история и современность: мат.-лы Пятнадцатой всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 29–30 апр. 2010 г.). Иркутск, 2010. С. 11–21; Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать...» // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 1. С. 9–15; Кокоулин В.Г. Мифотворчество о Великой Отечественной войне в советских и постсоветских учебниках истории // «И помнит мир спасённый»: Система образования, как залог победы советского народа в Великой Отечественной войне. Сб. науч. работ Междунар. науч.-практ. конф., посв. 75-летию Победы. Уфа, 2020. С. 278–287; Кокоулин В.Г. Технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоветской России // Научный журнал «ДискурсПлюс». 2020. № 3. С. 10–25.

Сушко Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры военно-политической работы Филиала Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва» Министерства обороны Российской Федерации в г. Омске; профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета. Омский автобронетанковый инженерный институт, Россия, 644098, г. Омск, п. Черёмушки, 14 военный городок, e-mail: alexsushko_1974@mail.ru

Рыжих Никита Денисович – курсант Филиала федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва» Министерства обороны Российской Федерации в г. Омске.

В статье проводится источниковедческий анализ, выявленный одним из авторов в фондах Исторического архива Омской области неизвестного ранее источника, отражающий слабо исследованный историками аспект истории 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков в ходе Великой Отечественной войны, перформированной 65-ю гвардейскую стрелковую дивизию. При анализе источника особое внимание уделено партийно-политической работе в дивизии. Авторы приходят к выводу, что его специфика источника такова, что он может быть использован не только в научно-теоретической работе историков, но и перспективен для проведения междисциплинарного историко-педагогического анализа в интересах использования опыта Великой Отечественной войны аккумулярованного ее участниками в интересах современной военно-политической работы приводящейся в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 75-я стрелковая бригада, 65-я гвардейская стрелковая дивизия, сибирские дивизии, Сибирь, Омск, партийно-политическая работа, военно-политическая работа, исторический источник, источниковедческий анализ

только готовить традиционные по формату работы (статьи в журналы, сборники материалов конференций и круглых столов), но и публикуют в полном объеме ранее неизвестные документы либо готовят их аналитические обзоры. В этом отношении весьма показателен опыт Омского региона, где, несмотря на многолетние историографические наработки, изучение периода Великой Отечественной войны и региональных армейских формирований в истинном смысле начинает выходить на качественно новый уровень. Посильный вклад в это внесен лично одним из авторов данной статьи лично, а также в соавторстве с коллегами и единомышленниками. Также важно подчеркнуть, что подобные положительные результаты достигнуты во многом благодаря тесному взаимодействию в Омской области академической общественности с сотрудниками государственных и ведомственных архивов².

Актуальность исследования военных лет относительно Омского региона имеет смысл, в том числе, и потому что в локальных практиках мы наблюдаем лакуны, связанные именно с периодом 1941–1945 гг. Характерный тому пример изучение истории 16-го военного городка³.

В Историческом архиве Омской области сохранился уникальный документ – «Опыт партийно-политической работы в годы Отечественной войны (1942–1945 гг.)». Это объемная, машинописная 157-ми страничная рукопись, которая была подготовлена политотделом 65-й гвардейской стрелковой дивизии в марте–мае 1946 г. Цель нашей работы – охарактеризовать указанный документ как исторический источник для изучения истории и опыта партийно-политической работы бригады / дивизии.

Важно отметить, что идея подготовки работы по истории сибирского воинского формирования зародилась еще в 1943 г. у Бориса Антоновича Янковского – одного из политработников бригады / дивизии. Он был участником Гражданской войны, человеком, в 1920-х гг. отслужившим в советских органах государственной безопасности 10 лет. В годы Великой Отечественной войны наш герой имел бронь, но настоял на своей отправке на фронт в составе бригады омичей. В архивном деле с

его неопубликованными воспоминаниями, в отдельном конверте, сохранилась рукописная тетрадь, озаглавленная «Боевой путь 65-й Гвардейской Сталинской стрелковой дивизии сибиряков 19-го Гвардейского Сталинского стрелкового корпуса сибиряков». Судя по содержанию тетради, она была написана и передана на рассмотрение командованию в декабре 1943 г. В ней описаны многие структурные элементы будущей рукописи «Опыт партийно-политической работы в годы Отечественной войны (1942–1945 гг.)». К тетради приклеен обрывок бумаги с рукописной резолюцией начальника политотдела 65-й дивизии гвардии полковника Ф.Я. Макарова следующего содержания: «т. Янковскому. Начало хорошее. Желательно отдельные тексты сократить. Продолжайте в том же духе»⁴. В числе авторов итоговой рукописи, подготовленной в 1946 г. Б.А. Янковский, к тому времени по инвалидности демобилизовавшийся из вооруженных сил, уже не значится.

Появление рукописи «Опыт партийно-политической работы в годы Отечественной войны (1942–1945 гг.)» было вызвано, по словам его авторов, «значительным обновлением личного состава воинских частей». В то время «доблестные ветераны, прославившиеся в боях войны старших возрастов вернулись к своим очагам и взялись за мирную созидательную работу. В полки и спецподразделения влились новые пополнения – молодежь. Большие изменения произошли также в составе наших командиров и политработников, партийных и комсомольских организаций. К их руководству пришел новый партийных архив, в большинстве случаев из молодых коммунистов». В таких условиях и был подготовлен документ преследовавший цель «не растерять богатый и ценный опыт партийно-политической работы, накопленный в годы Отечественной войны, собрать его крупицу к крупице, изучать его широко популяризировать его и использовать в нынешней практической работе»⁵.

Для достижения поставленной цели в рукописи приводится «фактические материал и отдельные наиболее характерные отрывки из партийно-политической документации, хранившейся в делах политотдела». Обобщая свой опыт, офицеры политотдела оговорили,

Sushko A.V., Ryzhikh N.D.

The article provides a source study analysis, identified by one of the authors in the funds of the Historical Archive of the Omsk Region of a previously unknown source, reflecting an aspect of the history of the 75th Stalin Volunteer Separate Rifle Brigade of Omsk-Siberians during the Great Patriotic War of the reformed 65th Guards Rifle Division, poorly studied by historians. When analyzing the source, special attention is paid to party political work in the division. The authors come to the conclusion that its specificity of the source is such that it can be used not only in the scientific and theoretical work of historians, but also promising for conducting interdisciplinary historical and pedagogical analysis in the interests of using the experience of the Great Patriotic War accumulated by its participants in the interests of modern military political work carried out in the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: Great Patriotic War, 75th rifle brigade, 65th Guards rifle division, Siberian divisions, Omsk, party political work, military-political work, historical source, source analysis.

что при изложении материала они стремились показать деятельность командиров и партийно-политических работников, а также содержание, формы и методы партийно-политической работы такими, какими они были в действительности, без всяких прикрас и приглагований имевших место ошибок, промахов, недоделок»⁶.

Вводный комментарий, названный «Вместо предисловия» подписал Начальник политотдела дивизии гвардии полковник Ф.Я. Макаров. В конце документа, стоят подписи командира дивизии генерал-майора М.Ф. Андрущенко и еще 10 офицеров дивизии обобщавший опыт работы с личным составом в военные годы. Также на нем была поставлена гербовая печать воинской части и дата и место его утверждения – 10 июня 1946 г. город Валка Эстонской ССР (ныне Валга, Эстония). В конце имеется подпись чернилами следующего содержания, «в марте-апреле 1947 г. закончено расформирование дивизии». Таким образом, документ был подготовлен за год до расформирования воинской части и, исходя из его структуры, и содержания является важнейшим источником по ее истории.

Рукопись является историческим источником смешанного типа. С одной стороны – это официальный машинописный, иллюстрированный документ, подписанный должностными лицами дивизии, на котором

была поставлена ее печать. С другой стороны – его составляли ветераны боевых действий исходя из своего опыта. В его основе воспоминания офицеров политотдела дивизии на их основе субъективно отобраный материал для написания рукописи.

В составе рукописи имеются следующие исторические источники:

- фрагменты делопроизводственной документации бригады / дивизии;
- периодическая печать (дивизионная газета);
- листовки, подготовленные политотделом дивизии;
- источники личного происхождения (воспоминания офицеров политотдела, ставшие основой для подготовки рукописи);
- фотодокументы (фотографии бойцов и командиров бригады/дивизии, сделанные во время Великой Отечественной войны).

Основная часть документа разбита на 9 подразделов. Первый – это обширная историческая справка, подробно характеризующая путь воинской части с момента формирования до завершения Великой Отечественной войны. Названа она «Боевой путь дивизии». Остальные 8 подразделов посвящены непосредственно опыту организации партийно-политической работы. Приведем из названия: «Перед боями», «В наступлении», Преследование противника», «Партполитработа в обороне», «После выхода из боя», «На марше», «Работа с бойцами нерусской национальности», «Работа политотдела дивизии».

Если характеризовать историческую составляющую документа следует подчеркнуть, что в нем подробно описана и проиллюстрирована уникальными материалами (номера дивизионной газеты и фотографии) история воинской части с момента ее формирования до Великой победы. В документе приведен ценный фактический материал. Сведения из данного документа подтверждают и дополняют работу исследователей А.В. Сушко и И.Б. Нагаева проанализировавших данные о соединениях и воинских частях, сформированных в годы Великой Отечественной войны на территории Омской области, и размещенных на мемориале в поселке Черёмушки города Омска. В своей статье авторы приводят аргументы, ставящие под сомнение принадлежность части представленных воинских формирований к омским или же вообще существовавшим⁷. При этом они не обратили должного внимания на тот факт, что 75-я Сталинская отдельная добровольческая стрелковая бригада омичей-сибиряков на мемориале потеряла важнейшую составную

часть своего названия – «Сталинская». В анализируемом документе делался акцент на добровольческом характере и принадлежности воинского соединения к «Сталинской гвардии». Наименование воинской части в исторической памяти оказалось целенаправленно фальсифицировано. Со времен Н.С. Хрущева, вопреки исторической правде, из названия бригады/дивизии в интересах борьбы с культом личности было удалено имя Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Это искажение прочно утвердилось в исторической памяти россиян и в современной практике коммеморации. К сожалению, как свидетельствует работа омских историков, в современной практике коммеморации посвященной Великой Отечественной войне наличие ошибок и фальсификаций продолжает иметь место⁸.

Большая часть документа посвящена опыту организации в бригаде/дивизии партийно-политической работы. До недавнего времени, в связи с «борьбой в нашем обществе с советским прошлым», эта важнейшая составная часть документа могла представляться не актуальной. Однако 2018 г. в Вооруженных Силах Российской Федерации был введен новый («хорошо забыть старый») вид деятельности – военно-политическая работа. Она направлена на реализацию государственной политики в области обороны, поддержание в Вооруженных Силах морально-политического и психологического состояния, правопорядка и воинской дисциплины, формирование идейно убежденной личности военнослужащего, сплоченных воинских коллективов, способных к выполнению задач по предназначению в любых условиях обстановки. Для ее организации года указом Президента России 30 июля 2018 было учреждено Главное военно-политическое управление⁹. Естественно, что партийно-политическая работа, проводившаяся в годы Великой Отечественной войны, и военно-политическая работа, ведущаяся в армии России сегодня, существенно различаются текущими условиями, техническим оснащением и, самое главное, отсутствием государственной идеологии и однопартийной системы. Однако у них одна общая сущность – воспитательная работа личного состава в интересах выполнения стоящих перед ним задач. В современных условиях, очевидно, что при организации современной военно-политической работы лучший советский победоносный опыт организации партийно-политической работы актуален и должен быть востребован. В этой связи при работе с данным историческим источником одной из научных задач должно

6 Там же. Л. 4.

7 Сушко А.В., Нагаев И.Б. Историческая правда о Великой победе: об ошибках и неточностях в месте памяти 14-го военного городка города Омска // Человечество против фашизма: люди, народы, государства: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Омск: ОАБНИ, 2020. С. 160–168.

8 Петин Д. И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 4. С. 38–49.

9 Сушко А.В. Роль кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин в подготовке офицеров – специалистов технического обеспечения // Приоритетные направления повышения качества подготовки военных специалистов технического обеспечения: материалы VIII Междунар. науч.-метод. конф. – Омск: ОАБНИ, 2020. С. 204–211.

стать историко-педагогическое исследование опыта партийно-политической работы 65-й гвардейской рижской стрелковой дивизии и возможности его использования в интересах современной военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Таким образом, «Опыт партийно-политической работы в годы Отечественной войны (1942–1945 гг.)», подготовленный

политотделом 65-й гвардейской рижской стрелковой дивизии является значимым источником по истории прославленной воинской части и Великой Отечественной войны. Его специфика такова, что он может быть использован не только в научно-теоретической работе историков, но и перспективен для проведения междисциплинарного историко-педаго-

гического анализа в интересах использования имеющегося опыта Великой Отечественной войны аккумулярованного ее участниками в интересах современной военно-политической работы, приводящейся в Вооруженных Силах Российской Федерации. Такое исследование актуально и в ближайшей перспективе нами будем выполнено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Анфертьев И.А. Архивные документы и их роль в осмыслении Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Просвещение в России: традиции и вызовы нового времени: материалы VI сессии общественно-педагогического форума (Санкт-Петербург, 11–12 апр. 2013 г.). СПб.: МОФ «Центр Национальной Славы», 2014. С. 113–114.

Анфертьев И.А. Против грубых вымыслов современных фальсификаторов истории Великой отечественной войны // Противодействие современным фальсификаторам истории Великой Отечественной войны: сб. мат-лов круглого стола (Москва, 26 марта 2010 г.). М., 2010. С. 69–78.

Анфертьев И.А. Новые архивные документы и их роль в противодействии современным фальсификаторам // Силовые структуры: история и современность: мат-лы Пятнадцатой всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 29–30 апр. 2010 г.). Иркутск, 2010. С. 11–21.

Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать...» // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15.

Коккоулин В.Г. Мифотворчество о Великой Отечественной войне в советских и постсоветских учебниках истории // «И помнит мир спасённый»: Система образования, как залог победы советского народа в Великой Отечественной войне. Сб. науч. работ Междунар. науч.-практ. конф., посв. 75-летию Победы. Уфа, 2020. С. 278–287.

Коккоулин В.Г. Технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоветской России // Научный журнал «ДискурсПи». 2020. № 3. С. 10–25.

Сушко А.В., Петин Д.И. «Отработать обязанность бойца при наступлении»: Докладная записка о проведении тактических учений народного ополчения (Омск, июль 1941 г.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 8, № 1. С. 118–123.

Сушко А.В., Петин Д.И. «Вышлите нам несколько пистолетов и гранат...». Обращение молодых украинских националистов из Сибири к единомышленникам ОУН–УПА на Украине в 1950 г. // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 232–247.

Новиков С.Е., Сушко А.В. Бобруйский рубеж обороны в конце июня 1941 года // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 2. С. 62–68.

Сушко А.В. «Предназначенная готовить маршевое пополнение для действующей Красной армии»: к истории 39-й Омской запасной стрелковой бригады и вопросу об увековечении ее памяти // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 2. С. 73–81.

Носова М.С. Особенности досуга детей в тыловом городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 2. С. 56–61.

Носова М.С. Особенности детства в тыловом сибирском городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 58–63.

Сушко А.В., Носова М.С. Дети Ленинграда на Омской земле в годы Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 330–347.

Сушко А.В., Носова М.С. «Дети вышли из всякого терпения ждать посулы, написали письмо тов. Сталину...». Спецзаписка начальника районного отделения НКВД о размещении эвакуированных детей из города Ленинграда в Калачинском районе Омской области // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 236–248.

Наумов С.С., Петин Д.И. Из истории 16-го Военного городка в Омске // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2019. № 4. С. 120–138.

Naumov S.S., Petin D.I. 16th Military town in Omsk: experience of a historical and cultural study of urban environment // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No. 12 (7). P. 1191–1215.

Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П-9688. Оп.1. Д. 6.

Сушко А.В., Нагаев И.Б. Историческая правда о Великой победе: обошибках и неточностях в месте памяти 14-го военного городка города Омска // Человечество против фашизма: люди, народы, государства: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Омск: ОАБИИ, 2020. С. 160–168.

Петин Д. И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 4. С. 38–49.

Сушко А.В. Роль кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин в подготовке офицеров – специалистов технического обеспечения // Приоритетные направления повышения качества подготовки военных специалистов технического обеспечения: материалы VIII Межвуз. науч.-метод. конф. – Омск: ОАБИИ, 2020. С. 204–211.

g.) [Education in Russia: Traditions and Challenges of the New Time: Proceedings of the VI Session of the Public Pedagogical Forum (St. Petersburg, April 11–12, 2013)]. SPb.: MOF «Tsentr Natsional'noy Slavy», 2014. P. 113–114. (In Russ.).

Anfert'yev I.A. Protiv grubykh vymyslov sovremennykh fal'sifikatorov istorii Velikoy

otechestvennoy voyny [Against the crude inventions of modern falsifiers of the history of the Great Patriotic War] // Protivodeystviye sovremennym fal'sifikatoram istorii Velikoy Otechestvennoy voyny : sb. mat-lov kruglogo stola (Moskva, 26 marta 2010 g.) [Counteraction to modern falsifiers of the history of the Great Patriotic War: collection of

articles. round table material (Moscow, March 26, 2010)]. M., 2010. P. 69–78. (In Russ.).

Anfert'yev I.A. Novyye arkhivnyye dokumenty i ikh rol' v protivodeystvii sovremennym fal'sifikatoram [New archival documents and their role in countering modern falsifiers] // Silovyye struktury: istoriya i sovremennost' : mat-ly Pyatnadsatoy vseros. nauch.-prakt. konf. (Irkutsk, 29–30 apr. 2010 g.). [Power structures: history and modernity: materials of the 15th All-Russian. scientific-practical conf. (Irkutsk, April 29-30, 2010)]. Irkutsk, 2010. P. 11–21. (In Russ.).

Kantor YU.Z. «Istoriyu nevozmozhno perepisat', yeyo mozhno dopisat'...» [History cannot be rewritten, it can be added] // Omskiy nauchnyy vestnik. Seria Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.]. 2019. Vol. 4, no. 1, pp. 9–15. (In Russ.).

Kokoulin V.G. Mifotvorchestvo o Velikoy Otechestvennoy voynе v sovetskikh i postsovetskikh uchebnikakh istorii [Myth-making about the Great Patriotic War in Soviet and post-Soviet history textbooks] // «I pomnit mir spasonnyy»: Sistema obrazovaniya, kak zalog pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voynе. Sb. nauch. rabot Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 75-letiyu Pobedy. [«And the saved world remembers»: The education system as a guarantee of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War. Sat. scientific. works of Intern. scientific – practical. conf., dedicated. 75th anniversary of the Victory] Ufa, 2020. P. 278–287. (In Russ.).

Kokoulin V.G. Tekhnologii transformatsii istoricheskoy pamyati o Velikoy Otechestvennoy voynе v postsovetskoy Rossii [Technologies for transforming the historical memory of the Great Patriotic War in post-Soviet Russia] // Nauchnyy zhurnal «Diskurs Pi» [Scientific journal «Discourse Pi»]. 2020. no. 3. P. 10–25. (In Russ.).

Sushko A.V., Petin D.I. «Otrabotat' obyazannosti boytsa pri nastuplenii»: Dokladnaya zapiska o provedenii takticheskikh ucheniy narodnogo opolcheniya (Omsk, iyul' 1941 g.) [«To work out the duties of a soldier in the offensive»: Memorandum on the conduct of tactical exercises of the people's militia (Omsk, July 1941)] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki» [Herald of Omsk University. Series Historical Studies]. 2021. Vol. 8, no. 1. P. 118–123. (In Russ.).

Sushko A.V., Petin D.I. «Vyshlite nam neskol'ko pistoletov i granat...». Obrashcheniye molodykh ukrainskikh

natsionalistov iz Sibiri kyedinyomyslennikam OUN–UPA na Ukraine v 1950 g. [Send Us Some Guns and Grenades ...]: Appeal of Young Ukrainian Nationalists from Siberia to Their Confederates from the OUN–UPA in Ukraine in 1950] // Vestnik arkhivista [Herald of an archivist]. 2021. no. 1. P. 232–247. (In Russ.).

Novikov S.Ye., Sushko A.V. Bobruyskiy rubezh oborony v kontse iyunya 1941 goda [Bobruisk line of defense at the end of June 1941] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.]. 2021. Vol. 6, no. 2. P. 62–68. (In Russ.).

Sushko A.V. «Prednaznachennaya gotovit' marshevoye popolneniye dlya deystvuyushchey Krasnoy armii»: k istorii 39-y Omskoy zapasnoy strelkovoy brigady i voprosu ob uvekovechenii yeye pamyati [«Intended to prepare marching reinforcements for the active Red Army»: on the history of the 39th Omsk reserve rifle brigade and the question of perpetuating its memory] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.]. 2020. Vol. 5, no. 2. P. 73–81. (In Russ.).

Nosova M.S. Osobennosti dosuga detey v tylovom gorode v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na primere Omska) [Features of leisure of children in the rear city during the Great Patriotic War (on the example of Omsk)] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.]. 2021. Vol. 6, no. 2. P. 56–61. (In Russ.).

Nosova M.S. Osobennosti detstva v tylovom sibirskom gorode v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na primere Omska) [Features of childhood in the rear Siberian city during the Great Patriotic War (for example Omsk)] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.]. 2019. Vol. 4, no. 2. P. 58–63. (In Russ.).

Sushko A.V., Nosova M.S. Deti Leningrada na Omskoy zemle v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Children of Leningrad on the Omsk land during the Great Patriotic War] // Noveyshaya istoriya Rossii [Modern history of Russia]. 2020. Vol. 10, no. 2. P. 330–347. (In Russ.).

Sushko A.V., Nosova M.S. «Deti vyshli iz vsyakogo terpeniya zhdal' posuly, napisali pis'mo tov. Stalinu...». Spetszapiska nachal'nika rayonnogo otdeleniya NKVD o razmeshchenii evakuirovannykh detey iz

goroda Leningrada v Kalachinskoy rayone Omskoy oblasti [«The children got out of all the patience to wait for promises, wrote a letter to Comrade. Stalin ... «. Special note of the head of the district office of the NKVD on the placement of evacuated children from the city of Leningrad in the Kalachinsky district of the Omsk region] // Vestnik arkhivista [Herald of an archivist]. 2020. no. 1. P. 236–248. (In Russ.).

Naumov S. S., Petin D. I. Iz istorii 16-go Voenного gorodka v Omske [From the History of 16th Military Town in Omsk] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskiye nauki. [Herald of Omsk University. Series Historical Studies]. 2019. No. 4 (24). P. 120–138. (In Russ.).

Naumov S.S., Petin D.I. 16th Military town in Omsk: experience of a historical and cultural study of urban environment // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No. 12 (7). P. 1191–1215.

Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical Archive of Omsk Region (HAOR)]. File: P-9688/1/ 6. (In Russ.).

Sushko A.V., Nagayev I.B. Istoricheskaya pravda o Velikoy pobeде: oboshibkakh i netochnostyakh v meste pamyati 14-go voyennogo gorodka goroda Omska [The historical truth about the Great Victory: mistakes and inaccuracies in the place of memory of the 14th military town of the city of Omsk] // Chelovechestvo protiv fashizma: lyudi, narody, gosudarstva: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. Konf [Mankind against fascism: people, peoples, states: materials of the III Intern. scientific-practical conf.]. Omsk: OABII, 2020. P. 160–168. (In Russ.).

Petin D.I. Mify v lokal'noy istorii: obzor raboty kruglogo stola v Omske [Myths in local history: an overview of the round table in Omsk] // Sibirskiy antropologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Anthropology]. 2020. Vol. 4, no. 4, pp. 38–49. (In Russ.).

Sushko A.V. Rol' kafedry gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh distsiplin v podgotovke ofitserov – spetsialistov tekhnicheskogo obespecheniya [The role of the department of humanitarian and socio-economic disciplines in the training of officers - technical support specialists] // Prioritetnyye napravleniya povysheniya kachestva podgotovki voyennykh spetsialistov tekhnicheskogo obespecheniya: materialy VIII Mezhdunar. nauch.-metod. Konf [Priority directions for improving the quality of training military technical support specialists: materials of the VIII Interuniversity. scientific method. conf.]. – Omsk: OABII, 2020. P. 204–211. (In Russ.).

УДК 94 (47) (084.3)

НОВНИКОЛАЕВСК: ПРОТОГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ (НАЧАЛО XVIII – НАЧАЛО XXI в.)

Novonikolaevsk: protourban settlements in the early XVIII – early XXI century

Шиловский Денис Михайлович – кандидат исторических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления, РФ, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 54

Шиловский Михаил Викторович – доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
Новосибирский государственный университет, РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

В связи с развернувшейся дискуссией о времени основания (возникновения) города Новониколаевска, Новосибирска авторы статьи предлагают выделить в его истории протогородской этап (1708-1893 гг.) и собственно городской (с 1893 г.). В качестве грани между традиционно предлагается считать таковой начало строительство железнодорожного моста через реку Обь, обусловившего возникновению поселка строителей, получившего в декабре 1903 г. (январе 1904 г. н. ст.) статус безуездного города Томской губернии. Однако, в пределах современной территории Новосибирска первые сельские поселения возникли в первом десятилетии XVIII в., прежде всего деревня (впоследствии село) Кривошеково (1708 г.). Возникновение поселений связано со смещением границы русских владений в Сибири на юг вдоль правого берега Оби. По реке в начале XVIII в. прошла межа (граница) между русским левобережьем и владениями телеутов и калмыков. В последующем в ближайшей округе Кривошеково возникло несколько деревень, вошедших в состав Кривошековской волости Томского округа (уезда) Томской губернии. С севера сельскую агломерацию огibal Московско-Сибирский тракт, от которого у д. Прокудской начинался почтовый тракт до Барнаула. Жители протогородских селений приняли участие в развитии Новониколаевска, а сам поселок обосновался на землях Кривошековской волости. Однако их вклад в становление будущего города не стоит преувеличивать.

Ключевые слова: Новониколаевск, возникновение, деревня, село, город, волость, служилые люди, Кривошеково, межа, Обь.

Пространственное обустройство государства, а в нем крупных регионов, является важным элементом его социально-экономического развития и административно-территориального устройства.

Важную роль в этих процессах выполняли города. Применительно к Азиатской России в XIX веке функцию, по определению Д. Я. Резуна, «стягивающего экономического и административного центра»¹ играл Новосибирск. Его история в вятотекущем алгоритме изучалась с 1960-х гг. При этом основное внимание уделялось собственно «городской» истории поселения от начала строительства железнодорожного моста через Обь в 1893 г. Обозначенную дату обосновал в коллективной монографии (1979 г.) Л. М. Горюшкин, параллельно отвергнув с оговоркой кривошековскую версию возникновения поселения: «Старинные сибирские села Кривошеково, Мало-Кривошеково, Бугры, Криводановка были включены решением ВЦИК в городскую территорию лишь в 1930 г., а другие близлежащие деревни – в годы Великой Отечественной войны и позже. Кривошеково, вошедшее в черту Новосибирска в процессе развития уже возникшего города, не может считаться исходной ячейкой его рождения. Вопрос о населенных пунктах на территории будущего города нуждается в дальнейшем исследовании»².

Предложенная ученым дата закрепляется решением городского совета народных депутатов, и вплоть до настоящего времени Новосибирск день рождения празднует в июне, отсчитывая свое возникновение от 1893 года. Казалось бы, на этом следовало бы поставить точку, но страсти вокруг времени основания (возникновения) города продолжают, периодически обостряясь.

Что касается периода до конца XIX в., ряд исследователей возникновение поселения относили к началу XVIII в. Одной из пер-

вых сформулировала это предположение М. М. Громыко, обратив внимание историков на изучение прошлого села Кривошеково «как населенного пункта, из которого вырос город Новосибирск»³. В последующем растет число публикаций, посвященных упомянутому селению и окрестных деревень. В 1994 г. барнаульский историк А. П. Уманский опубликовал материалы следственного дела начала XVIII в. «о заповедном торге» на Телеутской меже томскими служилыми людьми в д. Кривошековой⁴. Ю. С. Булыгин, Н. А. Миненко, Т. С. Мамсик, И. П. Каменецкий существенно расширили информацию о сельских поселениях Кривошековской волости, большая часть которых располагались на территории современного Новосибирска. В настоящей публикации мы ставим целью обобщить введенную в научный оборот информацию относительно времени и причин, обусловивших возникновение более десятка сельских населенных пунктов с центром в с. Кривошеково.

Появление русских за Уралом и быстрое продвижение их к Тихому океану обуславливалось необходимостью пополнения казны за счет ясака. С этой целью создается сеть опорных военно-административных центров (острогов). Необходимость снабжения служилого люда хлебом и фуражом заставило государство перемещать в Сибирь пашенных крестьян. Вплоть до конца XVII в. хозяйственное освоение региона осуществлялось в таежной зоне с использованием рек в качестве транспортных коммуникаций. Продвижение русских из тайги в лесостепь встретило противодействие местных аборигенов. Тем не менее, служилые люди методично, невзирая на неудачи и поражения, строили на буферной площадке оборонительные сооружения и линии, огораживая территорию для последующей колонизации.

Очередной этап процесса «сползания на юг» начался после основания Томска (1604) и Кузнецка (1618). Между этими

Shilovskiy D.M., Shilovskiy M.V.

Novosibirsk State University of Economics and Management Russian Federation, 630099, Novosibirsk, Ul. Kamenskaya, 54
Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Russian Federation, 630099, Novosibirsk, Ul. Nikolaeva, 8
Novosibirsk National Research State University Russian Federation, 630090, Novosibirsk, Ul. Pirogova, 1

In light of the ongoing discussion regarding the time when the town of Novonikolaevsk/Novosibirsk emerged (was founded) the authors of the article identify two key periods in its history: protourban (1708-1893) and urban (from 1893). The «traditional boundary» between these two periods is the beginning of construction of the railway bridge across the Ob River that led to the emergence of the railway builders' settlement. In December, 1903 (January, 1904, new style) this settlement received the status of a non-uyezd town of the Tomsk Province. However, within the area of present-day Novosibirsk the first rural settlements appeared in the first decade of the XVIII century, foremost, the hamlet (later - the village) of Krivoshchekovo (1708). The new settlements appeared when the border of Russian possessions shifted southward along the right bank of the Ob River. In the early XVIII century, the river became the border between the Russian left bank area and the possessions of Teleuts and Kalmyks. Later near Krivoshchekovo several villages were founded. They were included in the territory of the Krivoshchekovo volost of the Tomsk district (uyezd) in the Tomsk Province. In the north, the Siberian Route went around the rural agglomeration. From it, near the village of Prokudskaya, the post road led to the city of Barnaul. Residents of the protourban settlements participated in the development of Novonikolaevsk, which was founded in the territory of the Krivoshchekovo volost. However, their role in the formation of the future city should not be exaggerated.

Keywords: Novonikolaevsk, emergence, hamlet, village, town, service men, Krivoshchekovo, boundary, Ob River.

опорными пунктами по р. Обь и ее притокам для защиты территории аграрного освоения вдоль правого берега Оби отстраиваются остроги: Умревинский (1703), Чаусский (1713), Бердский (1717). По реке в указанное время проходила Телеутская (Калмыцкая) межа (граница) между заселяемым русскими левобережьем и владениями телеутов и калмыков. Здесь, немного ниже устья р. Ини, в 1708 г. впервые в письменных источниках фик-

сируется наличие «новоселебной деревни» Кривошеково. Наличие границы «не препятствовало реальным торговым и бытовым отношениям «калмыков» и «русских» на территории не только Среднего Приобья, но и более южных его районов», – подчеркивает Т. С. Мамсик⁵. И на землях будущего мегаполиса происходил «несанкционированный торговый обмен товарами, осуществлявшийся на взаимовыгодной меновой торговле»⁶.

Т. С. Мамсик, опираясь на введенные в научный оборот материалы А. П. Уманского реконструировала обстоятельства, связанные с возникновением упомянутого выше поселения. В 1708 г. в Томске было возбуждено следственное дело по факту «незаконного торга на Телеутской меже томских служилых людей с «иноземцами» — «черными калмыками» и бухарцами». Расследованием его с выездом на место занимался томский дворянин И. П. Качанов, установивший наличие состава правонарушения на «многочертовой территории межи». Томский воевода Г. М. Петров-Солово не увидел «в самом факте добровольного посещения томичами Кривошековского Приобья для различия рода промысловой деятельности... никакого криминала». Аналогичную позицию занял допрошенный в качестве свидетеля отставной драгун Ф. Ильин, житель «новоселебной» деревни Кривошековой». Его показания и справка к ним стали первыми письменными делопроизводственными документами, зафиксировавшими существование населенного пункта, «где происходил торговый обмен томичей с «иноземцами» вопреки царскому указу (без уплаты пошлин)»⁷.

Для ареста торговцев-томичей и для отсылки за грань межи вызванных ими для торгового обмена из-за границы калмыков («ойратов») и бухарцев был послан томский казачий голова Б. Серединин. В свое донесении он описал местоположение торга: д. Кривошекова построена «на Иркинском плавежу [брод – М. Ш.], против Ини, на заречной стороне Оби реки». Пограничная буферная зона – «ничейная» с политико-юридической точки зрения земля – на самом деле, как-то следует из свидетельств Б. Серединина и Ф. Ильина, уже была заселена русскими людьми⁸. Следует обратить внимание на существование брода (переправы) рядом с поселением. Впоследствии, при выборе площадки для строительства железнодорожного моста данное обстоятельство было

учтено. «В полосе изысканий находилось несколько переправ, – установил С. К. Канн, – различающихся по условиям. За Обью они были привязаны к «проходным гривам» широтного простираения, которыми пользовались скотопромышленники для перегона скота на продажу в Восточную Сибирь. Подгон гуртов с запада осуществлялся тремя основными путями: северным – от оз. Чаны, средним – вдоль р. Карасук и южным – из Кулунды. Группируясь в верховьях р. Чик, в дачах с. Федосовского, скот двигался в зависимости от целей перегона, либо вдоль Чика к переправам у Колывани и Дубровино, либо напрямую степью к Кривошекову и Мало-Кривошекову, где с помощью местных крестьян и переправлялся за Обь»⁹.

Подобная ситуация была редким проявлением заинтересованности русских и коренных народов сопредельных территорий в организации взаимовыгодной территории на пограничных рубежах. Вассалы Джунгарского ханства тогда регулярно осуществляли набеги на русские остроги и деревни, а также пытались не допустить на свои земли русских служилых людей. Например, в 1715 г. трехтысячный отряд подполковника И. Д. Бухольца во время зимовки у Ямышевского озера был окружен джунгарами. В результате непрерывного боестолкновения и из-за голода, потеряв большую часть воинов, он отступил вниз по Иртышу и, добравшись до устья реки Оми, начал летом 1716 г. сооружение Омской крепости. Освоение рудных богатств Алтая, начатое в 1726 г. А. Н. Демидовым, вызвало протест со стороны Джунгарии, считавшей территорию Прииртышья своей.

Встает вопрос: почему именно вокруг «новоселебной» деревни Кривошеково-возник и какое-то время осуществлялся контрабандный обмен товарами и скотом? Исчерпывающего ответа в первоисточниках мы не найдем. Можно предположить, что буферная «площадка» функционировала на равном удалении от Чаусского и Бердского острогов, в которых подобная торговля не могла осуществляться. К тому же левый берег Оби в районе Кривошеково покатый, что облегчало подходы непосредственно к воде. По этой же причине здесь не могло быть построено оборонительное сооружение (острог).

В первой четверти XVIII в., в ближайшей округе Кривошекова возникли деревни: Малая Кривошековская (до 1702 г.), Верхние

⁵ Мамсик Т. С. Чаусское Приобье: население и хозяйство: Опыт ретроспекций по материалам XVII-XIX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009, С. 4.

⁶ Каменецкий И. П. Первые русские поселения на территории будущего Новосибирска // История образования города Новониколаевска: новый взгляд на исторические источники. Новосибирск: Параллель, 2018, С. 9.

⁷ Мамсик Т. С. Первопоселенцы Новосибирского Приобья: По материалам XVII-начала XIX в. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2012, С. 47-48.

⁸ Там же, С. 49.

⁹ Канн С. К. Условия выбора места мостового перехода Транссиба через р. Обь // Страницы истории Новосибирской области: Люди, события, культура: Первая областная научно-практическая конференция краеведов. Ч. 1. М., 1995. С. 159.

Чемы и Нижние Чемы (до 1719), Ерестная (до 1720), Верткова (1735); на правом берегу: Ельцовка (до 1717), Усть-Инская (1720-1734). Разгром ослабленной междоусобицами Джунгарии китайцами в 1756-1759 гг. позволил продолжить интенсивное заселение пришлыми крестьянами территории современной Новосибирской области и Алтайского края. Данное обстоятельство обусловило появлению на изучаемой территории новых поселений: д. Бугры (вторая половина XVIII в.), Толмачево (до 1764 г.), Огурцово (1800). Первоначально Толмачевское, вместе с соседними Криводановой (Криводановкой) и Прокудкиной (Прокудское) относились к ведомству Чаусского острога. С образованием в 1797 г. в Алтайском горном округе волостей все перечисленные выше селения на правом и левом берегах Оби вошли в состав Кривошековской волости.

По численности населения (6119 чел.) она в 1825 г. занимала второе место в Колыванском округе, уступая только Ордынской. «На востоке кривошековские деревни граничили с поселениями Кайлинской, на юге – Бердской, на севере – Чаусской и Ояшинской волостей»¹⁰. В границах волости тогда располагалось 38 сельских поселений. На левом берегу Оби 23: села Кривошековское и Крохалевское; деревни Бугринская, Верткова, Малокривошековское, Огурцова, Верхнечемская, Нижнечемская, Коткова, Криводановка, Толмачева, Алексеевская, Ерестная, Тюменская, Верхтулинская, Пайвина, Шилова, Кобылкин Лог, Казакова, Кочнева, Прокуткина, Бунькова, Чик. На правом берегу располагалось 15 деревень: Усть-Инская, Кривошапкина, Ельцовская, Барышева, Издревинская, Березовка, Плотникова, Репьева, Жеребцова, Барлакская, Орская, Мочищенская, Кубавина, Локтинская, Каменская. Селения были малочисленными – от 4-х до 27-и дворохозяйств. В возникшей до 1782 г. в деревне Верх-Тулинской насчитывалось в 1859 г. 65 дворов и 420 жителей, в 1893 г. соответственно 130 и 583 чел.¹¹

С севера сельскую агломерацию огибал Московско-Сибирский тракт, от которого у д. Прокудской начинался почтовый тракт до Барнаула. У деревни Верхние Чемы находилась паромная переправа до села Бердского (Берского), «разжалованной» из острогов, а затем из слободы. Краткое описание поселения оставил переправлявшийся на пароме в июне 1895 г. сын знаменитого путешествен-

ника В. П. Семенов-Тян-Шанский: «Через некоторое время повозка въехала в деревушку Верхние Чемы, у которой существует перевоз в большое село Бердское на противоположном правом берегу Оби. Деревушка вытянулась одной длинной улицей, приютившись на обрыве. Дома в ней все очень хорошие, крытые тесом. Деревня разделяется на две половины: одна коренная сибирская, и другая «тамбовская» по имени переселенцев, поселившихся здесь 10-15 лет назад»¹².

В 1823 г. в 30 дворах с. Кривошеково проживало около 194 чел.¹³ В процессе строительства Транссибирской железнодорожной магистрали в 1893-1897 гг. осуществлялось сооружение моста через Обь возле которого возник поселок, ставший основой для будущего Новониколаевска. В пределах современных границ на левом берегу Оби в составе Кривошековской волости по состоянию на 1904 год входили: село Бугринское (Бугры); деревни Кривошеково, Мало-Кривошеково, Верткова, Верх-Тулинская, Нижне-Чемская, Верхне-Чемская, Огурцова, Ерестная. На правом: село Каменское, д. Усть-Инская и Ельцовка¹⁴. В 1911 году на территории Бугринской волости (в 1893 г. волостной центр перевели из Кривошеково с. Бугры) находились: с. Бугры, д. Верткова, Ерестная, Больше-Кривошеково, Мало-Кривошеково, Огурцово, Нижние Чемы и Верхние Чемы. На правом берегу в Каменскую волость входили деревни Усть-Инская и Ельцовка¹⁵. К 1911 г. из Бугринской волости выделилась Тулинская: с. Верх-Тулинское, с. Бурнистова, Стольниково, Гуселетово. Всего в 1911 г. на территории современного Новосибирска располагалось два села и 12 деревень.

Самыми многонаселенными из них являлись: Мало-Кривошеково – 1512 чел., Тулинское – 1484 чел., Ерестная – 1088 чел., Большое Кривошеково – 1055 чел. В с. Бугры проживало 693 чел., Вертково – 401 чел., Огурцово – 562 чел., Нижние Чемы – 624 чел., Верхние Чемы – 552 чел. В Буграх (перенесена из Кривошекова в 1895 г.), Нижних Чемах, Верх-Тулинском, Усть-Инской, Ельцовке располагались деревянные православные храмы. Все перечисленные селения до конца 1920-х гг. в состав Новониколаевска-Новосибирска не входили. Постановлением ВЦИК от 20 октября 1920 г. все левобережные селения включили в состав Заобского района г. Новосибирска, который 2 декабря 1934 г. переименовывается в Кировский. В 1958 г., в

связи с созданием Новосибирского научного центра, образуется Советский район г. Новосибирска, в состав которого из Новосибирского сельского района вошли Верхние и Нижние Чемы и Нижняя Ельцовка.

Жители протогородских селений приняли участие в развитии Новониколаевска. Прежде всего, поселок обосновался на землях Кривошековской волости. Так, согласно рапорту производителя работ Завьялова от 15 мая 1897 г. в Главное управление Алтайского округа отмечалось: «Поселок Ново-Николаевский расположен в бору Ново-Николаевском в Кривошековской волости». В другом делопроизводственном документе того же времени отмечалось: «поселок Ново-Николаевский образовался из крестьян, мещан, купцов и др. разночинцев»¹⁶. Кривошековцам принадлежали первые усадьбы в поселении. В частности, на месте первой базарной площади в 1894 г. находилось 34 домовладения, из них 14 являлись собственностью крестьян Кривошековской волости. Согласно сведениям «Списка разного звания лицам, самовольно заселившимся на боровом месте по обеим сторонам р. Каменки, впадающей справа в реку Обь, против села Кривошекова», составленного летом 1894 г., из 347 домо- и земельновладельцев – 292 (83,1 %) являлись крестьянами. По месту выхода 46 чел. (13,2 %) были жителями только с. Кривошеково и Кривошековской волости, т. е. проживали на месте развернувшегося строительства железнодорожного моста¹⁷.

Однако, их вклад в становление будущего города не стоит преувеличивать. Согласно данным на декабрь 1896 г. среди домовладельцев поселка насчитывалось: купцов-гильдейцев – 60, мещан – 145, дворян – 3, всех крестьян – 921, в том числе из Кривошековской волости 51 чел. или 4,5 %. Поэтому мы присоединяемся к выводу Н. А. Мининой: «...До революции город не поглотил ни одной деревни Кривошековской волости, и даже село Большое Кривошеково вместе с правобережным выселком было перенесено вовсе не из-за нужд зарождающегося поселения, а ради строительства дороги. Таким образом, совершенно несостоятельно видеть в истории нового города некое продолжение истории села Большое Кривошеково. В целом, влияние этого села на развитие Ново-Николаевска не было принципиальным: доля кри-

вошековских крестьян среди его населения несущественна даже в первые 1893-1894 гг.»¹⁸.

Тем не менее, процесс включения жителей протогородских поселений

18 Минина Н. А. К истории образования города Ново-Николаевска // История образования города Ново-Николаевска: новый взгляд на исторические источники. Новосибирск: Параллель, 2018. С. 88-89.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Резун Д. Я. Основные этапы градостроительного освоения территории Новосибирской области // Новосибирск на рубеже XXI века: перспективы развития и инвестиционные возможности. Научно-практическая конференция. Секция 14 Новосибирск в прошлом: опыт ускоренного развития. Новосибирск, 1999. С. 21-23.

Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Издательство «Наука». Сибирское отделение, 1978. 296 с.

Громыко М. М. Проблемы истории сибирского крестьянства конца XVI – середины XX вв. // Материалы ноябрьского (1969 г.) симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. Новосибирск: «Наука», 1969. Вып. 2. С. 26-34.

Уманский А. П. Дело о «заповедном» торге томских служилых людей на Телеутской меже в начале XVIII в. // Вопросы истории и историографии Алтая и Сибири. Барнаул, 1994. С. 3-33.

Мамсик Т. С. Чаусское Приобье: население и хозяйство: Опыт ретроспекций по материалам XVII-XIX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 228 с.

в городскую среду Новониколаевска практически не изучен. Исходя из чего, актуальным представляется осуществление комплекса поисковых и исследовательских работ, направленных на

Каменецкий И. П. Первые русские поселения на территории будущего Новосибирска // История образования города Новониколаевска: новый взгляд на исторические источники. Новосибирск: Параллель, 2018. С. 8-25.

Мамсик Т. С. Переселенцы Новосибирского Приобья: По материалам XVII – начала XX в. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2012. 254 с.

Канн С. К. Условия выбора места мостового перехода Транссиба через р. Обь // Страницы истории Новосибирской области: Люди, события, культура: Первая областная научно-практическая конференция краеведов. М., 1995. Ч. 1. С. 157-160.

Ошестюк Е. А. Развитие Верх-Тулинского поселения во второй половине XIX – начале XX века // Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию Новосибирской области. Новосибирск, 2012. Ч. 2. С. 71-73.

Семенов-Тян-Шанский В. П. То, что прошло. В двух томах. Том первый 1870-1917. М.: Новый хронограф, 2009. 678 с.

REFERENCES

Rezun D.Ya. Key stages of the city-planning development of the territory of the Novosibirsk region. Novosibirsk na rubezhe XXI veka: perspektivy razvitiya i investitsionnyye vozmozhnosti. Nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Sektsiya 14 Novosibirsk v proshlom: opy uskorenno go razvitiya. Novosibirsk, 1999. P.21-23.

Goryushkin L.M., Bochanova G.A., Tseplyaev L.N. Novosibirsk in the historical past (late XIX - early XX c.). Novosibirsk, 1978. 296 p.

Gromyko M.M. Problems of history of the Siberian peasantry of the late XVI - middle XX century. Materialy noyabrskogo (1969) simpoziuma po istorii raboche go klassa i krestyanstva Sibiri. Novosibirsk, 1969, Issue 2. P.26-34.

Umanskiy A.P. Case of a «forbidden» trade of the Tomsk service men in the early XVIII century. Novosibirsk, 2009. 228 p.

Kamenetskiy I.P. First Russian settlements in the territory of the future Novosibirsk.

Istoriya obrazovaniya goroda Novonikolaevska: novyy vzglyad na istoricheskiye istochniki. Novosibirsk, 2018. P.8-25.

Mamsik T.S. Resettlers in the Novosibirsk Cis-Ob Area: On the Materials of the XVII - Early XX century. Novosibirsk, 2012. 254 p.

Kann S.K. Conditions Under Which the Place for the Bridge Across the Ob River was Chosen. Stranitsy istorii Novosibirskoy oblasti: Lyudi, sobytiya, kultura. Pervaya oblastnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya kraevedov. Moscow, 1995. Part 1. P.157-160.

Oshestyuk E.A. Development of the Verkh-Tula settlement in the second half of the XIX - early XX century. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu Novosibirskoy oblasti. Novosibirsk, 2012. Part 2. P.71-73.

Semyonov-Tyan-Shansky V.P. About the Past. In 2 vols. Volume I. 1870-1917. Moscow, 2009. 678 p.

Mamsik T.S. The Village of Krivoshchekovo in 1823: population and economy. Stranitsy

vyavleniye istochnikov, ix obrabotku i napisaniyu obobshchayushchikh issledovaniy po istorii protogorodskikh poseleniy Novonikolaevska-Novosibirskaya.

Мамсик Т. С. Село Кривошеково в 1823 году: население и хозяйство // Страницы истории Новосибирской области: Люди, события, культура: Первая областная научно-практическая конференция краеведов. М., 1995. Ч. 1. 197 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томск, 1904.

Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911.

История города Новониколаевска 1893-1908. Сб. документов / Автор-составитель Н. А. Минина. Новосибирск: Новосибирск издательский дом, 2020. 370 с.

Шиловский М. В. Адаптация крестьян к городской среде Новониколаевска в начале XX в. // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2008. С. 16-19.

Минина Н. А. К истории образования города Ново-Николаевска // История образования города Ново-Николаевска: новый взгляд на исторические источники. Новосибирск: Параллель, 2018. С. 86-97.

istorii Novosibirskoy oblasti: Lyudi, sobytiya, kultura: Pervaya oblastnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya kraevedov. Moscow, 1995. Part 1. 197 p.

Memorial book of the Tomsk Province for 1904. Tomsk, 1904.

List of populated areas of the Tomsk Province for 1911. Tomsk, 1911.

History of the city of Novonikolaevsk, 1893-1908. Collected documents. Author and compiler N.A. Minina. Novosibirsk, 2020. 370 p.

Shilovskiy M.V. Adaptation of peasants to the urban environment of Novonikolaevsk in the early XX century. Adaptatsionnyye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i formiruyushchikhsya obshchestvakh: opyt osvoyeniya Aziatskoy Rossii. Novosibirsk, 2008. P.16-19.

Minina N.A. To the History of Foundation of the City of Novo-Nikolaevsk. Istoriya obrazovaniya goroda Novo-Nikolaevska: novyy vzglyad na istoricheskiye istochniki. Novosibirsk, 2018. P.86-97.

¹⁰ Мамсик Т. С. Первопоселенцы Новосибирского Приобья. С. 69.

¹¹ Ошестюк Е. А. Развитие Верх-Тулинского поселения во второй половине XIX – начале XX века // Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию Новосибирской области. Ч. 2. Новосибирск, 2012. С. 72.

¹² Семенов-Тян-Шанский В. П. То, что произошло. В двух томах. Том первый 1870-1917. М.: Новый хронограф, 2009. С. 342.

¹³ Мамсик Т. С. Село Кривошеково в 1823 году: население и хозяйство // Страницы истории Новосибирской области: Люди, события, культура: Первая областная научно-практическая конференция краеведов. Ч. 1. М., 1995. С. 124-125.

¹⁴ Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томск, 1904. С. 28-31

¹⁵ Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. С. 16-17, 33-34.

¹⁶ История города Новониколаевска 1893-1908. Сб. документов / Автор-составитель Н. А. Минина. Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2020. С. 72, 74, 370 с.

¹⁷ Шиловский М. В. Адаптация крестьян к городской среде Новониколаевска в начале XX в. // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2008. С. 16.

РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ. ОБЗОР.

Revision tales in the funds of the State Archives Novosibirsk region. Review

Выдрина Ольга Викторовна - ведущий археолог государственного казенного учреждения Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области»
РФ, 630007, г. Новосибирск, 16.

Vydrina O.V. - leading archaeologist of the state institution of the Novosibirsk region «State archive of the Novosibirsk region»
Russian Federation, 630007, Novosibirsk, 16.

Ревизские сказки – документы, отражающие результаты проведения подушных переписей (ревизий) податного населения Российской империи в XVIII – середины XIX веков, проводившихся с целью налогообложения.

Ревизская сказка – это посемейный список жителей конкретного населенного пункта в год (период) проведения ревизии. В ревизской сказке указаны фамилия (при наличии таковой), имя, отчество, возраст, родственные отношения членов семьи (отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, сноха и т.д.), род деятельности, сословная принадлежность. Ревизские сказки позволяют установить численность и географическое размещение населения, проследить его миграцию (имеются отметки о переселении) и установить причину отсутствия человека (имеются отметки о смерти, отдаче в рекруты, о нахождении в ополчении, бегах, отлучке).

Всего в Российской империи было произведено 10 ревизий: I-я (1718 г.), II-я (1743 г.), III-я (1761 г.), IV-я (1781 г.), V-я (1794 г.), VI-я (1811 г.), VII-я (1815 г.), VIII-я (1833 г.), IX-я (1850 г.), X-я (1856 г.).

В период проведения ревизий территория современной Новосибирской области входила в состав Тобольской, а с 1804 г. – Томской губерний.

Объем ревизских сказок в фондах ГКУ НСО ГАО чрезвычайно мал. Наряду с ревизскими сказками, составленными по сословию определенного населенного пункта, имеются ревизские сказки и росписи, составленные по отдельным персонам. Ревизские сказки отложились в фондах Д-78 «Волостные правления Томской губернии», Д-79 «Органы городского самоуправления г. Колывани», Д-88 «Мещанская управа и мещанский староста г. Колывани», Д-91 «Бердский острог Томской губернии». Наиболее полно представлены материалы

VI-й ревизии (1811 г.) по ведомству Колывано-воскресенских заводов – ревизские сказки на заводских крестьян населенных пунктов Кайлинской волости Томского уезда Томской губернии.

VI-я ревизия, 1811 год

Проводилась в мае 1811 г., но прервана в связи с угрозой войны с Францией. Переписи подлежали лишь лица мужского пола.

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Агафонихи Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.68–70);

Ревизская сказка старшины деревни Агафонихи Кайлинской волости Томского уезда о «разного звания людях» (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.118а);

Ревизская сказка о приписке к крестьянству деревни Азилинской Кайлинской волости Бориса, сына бергайнера Змеиногорского рудника Федора Ивановича Волкова (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 97);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Асановой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л. 27–30, 160–162об);

Ревизская сказка старшины деревни Асановой Кайлинской волости Томского уезда о «ниже поназванном человеке» отставном солдате Табольского батальона Семене Лаптеве (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.123);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Ачинской Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л. 36–37об, 168–169об);

Ревизская сказка старшины деревни Ачинской Кайлинской волости Томского уезда о «находящихся в одной деревне отставных» заводских крестьянах и солдате (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.124);

Роспись крестьян, самовольно переехавших из Верхнеелбатовского поселка Ояшинской волости в деревню Ачинскую Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 98об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Бжицковой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л. 34–35, 166–167);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Боровлянской Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.71–72);

Роспись крестьян деревни Боровой Тутаьской волости Томского уезда (ГАО. Ф.

Д-78, оп. 1, д.24, л. 63об–64);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Борцово Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.48–49);

Роспись крестьян, самовольно переехавших из деревни Серлюновой Тутаьской волости в деревню Борцово Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 62об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Буготацкой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.55–56об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Вассиной Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.78–80, 176–178);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Вьюны, «заселенной Томиловой», Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.54–54об);

Роспись крестьян, самовольно переехавших из деревни Троицкой Тутаьской волости Томского уезда в деревню Глызину (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 54об, 56об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Головановой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.74);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Голешевой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л. 24–25, 157–158);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Горевки Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.81–83об, 179–181об);

Ревизская сказка заводских крестьян села Гутова Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л. 1–3, 144–146об);

Ревизская сказка «разного звания людей» села Гутова Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.115);

Роспись крестьян, самовольно переехавших крестьян из Сосновского острога Тутаьской волости в село Гутова Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 41об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Дергоусовой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.73–73об);

Роспись крестьян, переселившихся из деревни Соломатовой Тутаьской волости в деревню Дергоусову Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 92об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Долговой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.8–9об, 151–152об);

Ревизская сказка о приписке к крестьянству деревни Долговой Кайлинской волости Томского уезда Давыда, сына мастерового Сузунского завода Ивана Попова (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.116);

Роспись живущему в деревне Елбатовской Ояшинской волости крестьянину деревни Галишевой Григорию Петровичу Шелковникову (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 46об, 47об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Елфимовой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л. 38–40об, 170–172об);

Ревизская сказка старшины деревни Елфимовой Кайлинской волости Томского уезда о «ниже показанном человеке» Терентии, сыне находящегося в Томском мушкетерском полку солдата Василия Карманова (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.118);

Ревизская сказка старшины деревни Елфимовой Кайлинской волости Томского уезда о «находящемся в оном селении новорожденном человеке» Никифоре, сыне углефелыщика Змеиногорского рудника Герасима Дуреева (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.120);

Ревизская сказка старшины деревни Елфимовой Кайлинской волости Томского уезда о «ниже поназванном человеке» Томском отставном казаке Семене Иванове Лазгине и его сыне Семене (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.122);

Ревизская сказка старшины деревни Елфимовой Кайлинской волости Томского уезда о «ниже поназванном человеке» Табольском мещанине, «живущем по паспорту», Матвее Иоанове Новгородцеве (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.128);

Роспись самовольно переехавших крестьян из деревни Зелеевой Тутаьской волости в деревню Елфимову Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 76об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Елтышевой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.107–108);

Ревизская сказка старшины деревни Елтышевой Кайлинской волости Томского уезда о «ниже поназванном человеке» Андрее, сыне жены рекрута Василисы Великоевой (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.127);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Ивановской Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л. 41, 173);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Изылинской Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.86–89, 184–187об);

Ревизская сказка о приписке к крестьянству деревни Изылинской Кайлинской волости Томского уезда отставного ауфтригера Нижне-Сузунского завода Василия Медянского (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.117);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Ирбинская Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л. 6–7об, 149–150об);

Роспись крестьян, самовольно переехавших из деревни Литасовой Тутаьской волости в деревню Ирбинскую Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 43об, 44об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Кайлинской Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л. 4–5об, 147–148об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Калагановой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.52–53);

Ревизская сказка старшины деревни Калагановой Кайлинской волости Томского уезда о «находившемся человеке» – отставном бомбардире Гавриле Антонове Лапшине (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.119);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Канарбутской Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.50–51об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Карпысацкой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.62–63об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Килицкой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.104–106, 201–202об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Корниловой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л. 42–43, 173а–175);

Ревизская сказка заводских крестьян «вновь самовольно заселенной» деревни Кривоояшинской Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л. 109–112, 203–206);

Ревизская сказка старшины «новозаселенной» деревни Кривоояшинской Кайлинской волости Томского уезда о «ниже поназванном человеке» отставном мастеровом Барнаульско-го завода Степане Кирилове Манцове (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.125);

Роспись крестьян, самовольно переехавших из деревни Мальцовой Тутаьской волости в деревню Кривоояшинскую Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 38об–39);

Роспись крестьян, самовольно переехавших из деревни Пореконовой Тутаьской волости в деревню Кривоояшинскую Кайлинской

волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 70об);

Роспись крестьян, самовольно переехавших из деревни Саламатовой Тутаьской волости в деревню Кривоояшинскую Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 45об);

Роспись крестьян, самовольно переехавших из деревни Томиловой Тутаьской волости в деревню Кривоояшинскую Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 75об);

Роспись крестьян, самовольно переехавших из деревни Троицкой Тутаьской волости в деревню Кривоояшинскую Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 71об, 72об);

Роспись крестьян, самовольно переехавших из деревни Турнаевой Тутаьской волости в деревню Кривоояшинскую Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 67об);

Роспись крестьян, самовольно переехавших из деревни Чахловой Тутаьской волости в деревню Кривоояшинскую Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 68об, 69об);

Роспись крестьян, самовольно переехавших из деревни Шолковниковой Тутаьской волости в деревню Кривоояшинскую Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 73об, 74об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Кудриной Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.46–47);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Кусменской Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.97–100, 195–197об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Маноиловой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л. 10–10об, 153–153об);

Ревизская сказка старшины деревни Маноиловой Кайлинской волости Томского уезда о «ниже поназванном человеке» отставном казаке из города Томска Александре Герасимове Таскаеве и его сыне Петре (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.123а);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Нижне-Ачинской Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.156);

Роспись переселившихся из деревни Бугатацкой Тутаьской волости в деревню Ново-Казанцову Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 80об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Орской Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.57–60об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Осиновки Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.101–103, 198–200об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Пенковой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.75–75об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Русаковой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.93–96, 191–194);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Савиновой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.11–14об, 154–155);

Роспись крестьян, самовольно переехавших из деревни Зеледеевой Тутальской волости в деревню Савинкину Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 77об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Сухостреловой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.90–92об, 188–190);

Ревизская сказка жителей деревни Такаевой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.15–23);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Татариновой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л. 26–26об, 159–159об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Тогучинской Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.44–45об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Чемской Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.66–67об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Черепановой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.61–61об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Шитиковой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л. 31–33об, 163–165об);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Шубиной Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.76–77);

Ревизская сказка старшины деревни Шумиловой Кайлинской волости Томского уезда о «ниже поназванном человеке» отставном рядовом Железинского гарнизонного батальона Савелии Григорьевиче Путишеве (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.125а);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Усть-Каменской Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф.

Д-78, оп.1, д. 25, л.64–65об);

Ревизская сказка старшины деревни Усть-Каменской Кайлинской волости Томского уезда о «находящемся в оном селении новорожденном человеке» Егоре, сыне взятого в рекруты в 1811 г. Петра Сафронова Шитувкова (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.121);

Ревизская сказка старшины деревни Усть-Каменской Кайлинской волости Томского уезда о «ниже поназванном человеке» Алексеи, сыне умершего рядового Томского мушкетерского полка Мирона Кудрина (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.126);

Ревизская сказка заводских крестьян деревни Чертенковой Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.84–85, 182–183);

Роспись крестьян, самовольно переехавших из деревни Поперечной Тутальской волости в деревню Чертенкову Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 40);

Роспись крестьян, самовольно переехавших из деревни Боровой Тутальской волости в деревню Чертенкову Кайлинской волости Томского уезда (ГАО. Ф. Д-78, оп. 1, д.24, л. 66об);

Список жителей мужского пола Кайлинской волости Томского уезда (1815 г.) (ГАО. Ф.Д-78, оп.1, д. 25, л.209–277);

Список детей мужского пола, рожденных в семьях у заводских крестьян после проведения 6-й ревизии, учтенных по Кайлинской волости Томского уезда за 1812 г. (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л.129–133);

Список умерших крестьян мужского пола после проведения 6-й ревизии, учтенных по Кайлинской волости Томского уезда за 1812 г. (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 25, л. 134–138).

VII-я ревизия (1815 г.)

Проводилась в 1815—1825 гг. О лицах мужского пола предоставлялась полная информация, в том числе о причинах и годе выбытия и поступления со времени прошлой ревизии. О женщинах указывались фамилия и имя (без отчества), возраст налицо, без указаний о происхождении и без описания изменений, произошедших со времени прошлой ревизии.

Ревизская сказка жителей деревни Горевской Бердской волости ведомства канцелярии горного начальства Томской губернии за 1816 год (ГАО. Ф. Д-91, оп.1, д.4, л. 10б–12);

Ревизская сказка жителей деревни Чупиной Бердской волости ведомства канцелярии горного казначейства Томской губернии за 1816 год (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 33, л.10б–12об).

VIII-я ревизия (1833 г.)

Состоялась в 1833–1835 гг. по манифесту «О производстве по всей Империи новой народной переписи» от 16 июня 1833 года.

Ревизская сказка деревни Асановой Кайлинской волости Колыванского уезда Томской губернии за 1834 год (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 88, л.24–29);

Ревизская сказка деревни Ачинской Кайлинской волости Колыванского уезда Томской губернии за 1834 год (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 88, л.42–47);

Ревизская сказка жителей мужского пола деревни Голешевой Кайлинской волости Колыванского уезда Томской губернии за 1834 год (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 33, л.13об);

Ревизская сказка деревни Гутовой Кайлинской волости Колыванского уезда Томской губернии за 1834 год (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 88, л.30–35);

Ревизская сказка жителей женского пола деревни Карбысакской Кайлинской волости Колыванского уезда Томской губернии за 1834 год (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 33, л.15);

Ревизская сказка деревни Карбысакской Кайлинской волости Колыванского уезда Томской губернии за 1834 год (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 88, л.48–51);

Ревизская сказка деревни Куспенской Кайлинской волости Колыванского уезда Томской губернии за 1834 год (ГАО. Ф. Д-78, оп.1, д. 88, л.36–41).

X-я ревизия (1856 год)

Проводилась в 1857—1859 гг. по «Уставу о производстве 10-й народной переписи» от 3 июня 1857 года.

Ревизская сказка мещан города Колывани Томской губернии Артемьевых за 1858 год (ГАО. Ф. Д-88, оп.1, д. 3, л. 60б–7);

Ревизская сказка мещанина города Колывани Томской губернии Вениамина Яковлевича Баженина за 1858 год (ГАО. Ф. Д-88, оп.1, д. 3, л. 100б–11);

Ревизская сказка мещанина города Колывани Томской губернии Степана Павловича Дорошенко за 1858 год (ГАО. Ф. Д-88, оп.1, д. 3, л. 440б–48).

Коллекция ревизских сказок по г. Колывани Томской губернии за 1891 год

Копии посемейных списков и ревизских сказок лиц, причисляемых к колыванскому мещанскому обществу за 1891 год (ГАО. Ф. Д-79, оп.1, д.19, л.1–29, 32–35, 38–39, 41–69, 71–72, 74–75, 78–81, 86–104, 106–108, 113–120об);

Копии посемейных списков и ревизских сказок крестьян-переселенцев из европейской части России, составленных по запросу Колыванской городской управы за 1891 год (ГАО. Ф. Д-79, оп.1, д.20).

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ, КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ КООПЕРАЦИИ НАЧАЛА 20 ВЕКА.

Documents of the State Archive of the Novosibirsk region, as a source for the study of the history of Siberian cooperation of the early 20th century.

Кооперация – это уникальная хозяйственная организация. Она представляла собой не просто совокупность особых общественно-хозяйственных объединений, основанных на коллективной форме собственности, но и была носителем принципов демократии и самостоятельности. Кооперативы играли важную роль в стабилизации экономической и социальной жизни общества¹.

Свои особенности имела кооперативная система в сибирском макрорегионе. Сибирская кооперация, несомненно, повлияла не только на региональную, но и общероссийскую историю. Отчасти можно утверждать, что одной из заслуг кооперации – это формирование Сибири как стратегически важного и ресурсного региона.

Тема изучения этой уникальной центральной общесибирской организации, определения ее места и роли в хозяйственной и политической жизни особенно в переломную и противоречивую эпоху 1916–1924 гг. продолжает иметь научную значимость и является одной из актуальных проблем российской истории. В свое время данной темой активно и достаточно плодотворно занимались ученые института истории Сибирского отделения Российской Академии наук Александр Алексеевич Николаев, Вадим Макарович Рынков, Никита Юрьевич Пивоваров и другие. В своих исследованиях они опирались на богатейшие фонды Государственного архива Новосибирской области.

Архивный документ действительно является источником ретроспективной информации, но у него есть своя специфика.

Основная специфика архивного документа состоит в том, что этот первоисточник создавался не для читателя, как это имеет место при написании книг и мемуаров. Документ официального происхождения созда-

ется в процессе реализации функций учреждения, исходя из поставленных перед должностным лицом задач оперативного и долгосрочного порядка. И потому данные, которые в любом документе содержатся, требуют всесторонней аналитической проверки в сопоставлении с информацией других источников, других авторов, других учреждений.

Критичное отношение к архивным документам позволяет более объективно воспроизвести богатейший исторический опыт развития кооперации, изучить особенности структуры, раскрыть механизм взаимодействия центра и периферии, проиллюстрировать процессы и события, а также такой подход поможет разобраться в противоречивых и неоднозначных сведениях.

Таким неким банком, хранящим уникальную информацию по истории сибирской кооперации, является Государственный архив Новосибирской области.

В частности, это документы фондов Ф.Д-51 «Областной союз сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт» (1618 единиц хранения) [2, С.38], Ф.Р-32 «Сибирское отделение Центросоюза (Сибцентросоюз)» (2706 единиц хранения) [2, С.350], также документы Сибцентросоюза за 1923–1924 гг., которые отложились в Ф.Р-42 «Новосибирского областного союза потребительских обществ (облпотребсоюза)»².

Архивные документы рассматриваемых фондов можно разделить на процессуальные и событийные. К первой группе относятся нормативно-директивные, организационно-распорядительные и планово-отчетные. Они содержат в себе богатейшую информацию о структуре, многогранных функциях, основных стратегиях и направлениях развития этих организаций, а также о системе управления, подчинения и взаимодействию с вышестоящими организациями. Событийные документы – точечные, передающие

Прецер Дарья Владимировна – преподаватель кафедры истории и философии автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Сибирский университет потребительской кооперации» (СибУПК) e-mail: darya.pretser@mail.ru Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Сибирский университет потребительской кооперации» (СибУПК) Российская Федерация, 630087 г. Новосибирск, пр. К.Маркса, 26

Аннотация: Цель статьи – определить фонды Государственного архива Новосибирской области, раскрывающие историю сибирской кооперации за 1916–1924 годы и проанализировать состав архивных документов, как источника информации о структуре, функционировании, организации, управлении и взаимодействия с органами власти сибирской кооперации.

Научная новизна – анализ видового состава архивных документов фондов Государственного архива Новосибирской области, содержащих в себе информацию по истории сибирской кооперации.

В результате определено, что архивные документы содержат в себе уникальную информацию не только по истории учреждений и организаций сибирской кооперации, но и иллюстрируют сложные социально-политические и хозяйственно-экономические процессы, проходящие на территории макрорегиона в переломный период 1916–1924 годов.

Precer D. V. – Autonomous non-profit educational organization of Higher Education of the Centrosouz of the Russian Federation «Siberian University of Consumer Cooperation» (SibUPK). 26 K.Marx Ave., Novosibirsk, 630087, Russian Federation

Annotation: The purpose of the article is to identify the funds of the State Archive of the Novosibirsk region, revealing the history of Siberian cooperation for 1916–1924 and to analyze the composition of archival documents as a source of information about the structure, functioning, organization, management and interaction with the authorities of the Siberian cooperation.

Scientific novelty – analysis of the species composition of archival documents of the funds of the State Archive of the Novosibirsk region, containing information on the history of Siberian cooperation.

As a result, it was determined that the archival documents contain unique information not only on the history of institutions and organizations of Siberian cooperation, but also illustrate the complex socio-political and economic processes taking place on the territory of the macroregion during the critical period of 1916–1924.

¹ Пивоваров Н.Ю., Рынков В.М. Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций 1914–1920 гг. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Новосибирск. 2012. Вып.3. С. 35–38.
² Архивы России. Государственный архив Новосибирской области. Путеводитель. М., 2002. С.352.

важные вехи в становлении и развитии сибирской кооперации, в основном они представлены приказами или выписками из протоколов.

Сравнительный анализ видового состава документов фондов двух кооперативных организаций - «Закупсбыт» и «Сибцентросоюз» выявил как схожесть так и принципиальные различия.

В фонде «Областного союза сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт» видовой состав процессуальных документов представлен Уставом «Закупсбыта», положениями отделов, многочисленными протоколами (протоколы Новониколаевского общества потребителей «Экономия», протоколы кооперативных, промышленных съездов и съездов уполномоченных, общих собраний пайщиков и правления Закупсбыта, заседаний промышленной коллегии), а также циркулярами, инструкциями правления.

Отдельным информационным блоком необходимо выделить отчетные документы: отчеты правления «Закупсбыта», его отделов, потребительских обществ и зарубежных контор, опросные листы и акты по обследованию потребительских обществ, докладные записки по обследованию заводов и фабрик, финансовые и бухгалтерские отчеты и объяснительные записки, отчеты по товарным поставкам и товарооборотам. Отчетные документы в большей степени отображают хозяйственно-экономическую деятельность.

В архивных документах фонда имеются статистические сведения различного хозяйственно-экономического характера, а также содержится демографическая информация.

Уникальную историческую ценность представляют собой документы, связанные с международно-экономической деятельностью: доклады, переводы статей из зарубежной прессы, информационные сведения Нью-Йоркского и Шанхайского агентств, Лондонской конторы Закупсбыта о состоянии международных товарных и денежных рынков, переписка с Хабаровским, Нью-Йоркским агентствами, Лондонской конторами по торговой и финансовой деятельности, о закупках и отправках товаров, объяснительные записки к финансовым отчетам международных кон-

тор, а также акты передачи ценностей Нью-Йоркской конторы «Закупсбыта» «Центросоюзу» и др.

Важный аспект трудовых отношений, особенности кадрового состава, а также персональные сведения содержат в себе документы по личному составу: личные карточки, автобиографии (в частности автобиография Василия Николаевича Остальцева – первого председателя Правления Закупсбыта) удостоверения, информации о приеме на службу и предоставлении отпусков, выдаче зарплаты, списки служащих и рабочих³.

Характерной чертой документов фонда Ф.Д-51 является их эстетическое оформление и специфика ведения делопроизводства. Многие документы составлены на особом писчем материале (папирусная бумага, пергамент). Значительная часть документов имеет клишированный рисунок с названием фирм, иллюстрации на бланках рекламного характера, оформление на фирменных бланках с указанием всех реквизитов на двух и более языках, также имеются печати фирм и агентств, а в деловой переписке прилагаются образцы тканей⁴.

Если в подлинности документов фонда нет никаких сомнений – документы исполнены на типографских бланках, имеют подлинные подписи руководящего состава, подлинные печати и оттиски, то о полноте состава мы утверждать не можем. Так как судьба фонда Закупсбыта оказалась тоже не простой. После освобождения Сибири от белых большой интерес к документам проявили органы ВЧК. В 1920 году несколько десятков дел изъяли чекисты, которых интересовали факты сотрудничества кооперативов с режимом адмирала Колчака. Было признано, что в документах Закупсбыта имеется большое количество колчаковской агитационной литературы, приказов и корректур. Многие документы, отображающих историческую реальность были изъяты и дальнейшая их судьба не известна⁵.

Еще одной особенностью данного фонда являются поименные списки, служащих и рабочих, списки бывших солдат, офицеров и военных чиновников колчаковской армии, граждан польской

национальности, списки меньшевиков, которые были составлены позже уже после установления советской власти.

Когда же мы берём в руки документы фонда Ф.Р-32 «Сибирское отделение Центросоюза (Сибцентросоюз)», то видим явные отличия.

Состав документов и их содержание говорят нам о регламентированной и централизованной системе. На это в первую очередь указывает большое число директивных документов. У Сибцентросоюза было иное виденье организации работы кооперации.

В феврале 1920 года на основании Декрета Советского правительства от 27 января 1920 года произошла реорганизация центров сибирской кооперации. 6 февраля 1920 года приказом Сибревкома два центра кооперации Закупсбыт и Главная контора Центросоюза для Урала, Поволжья и Сибири были слиты на территории Сибири в Сибирское отделение Центросоюза. На Сибирское отделение возлагалось выполнение заданий правления Центросоюза и государственных органов в области распределения, заготовок, строительства кооперативных организаций на территории Сибири и руководство всей их работой⁶.

Сибцентросоюзу необходимо было решить две основные задачи. Первая задача – реорганизовать сибирскую кооперацию на основании декретов СНК от 16 марта 1919 г. «О потребительских коммунах» и от 27 января 1920 года о слиянии всех видов кооперации с потребительской кооперацией. Вторая – завоевать кооперативный аппарат, тем самым привлечь кооперацию на службу молодого Советского государства⁷.

Сибирское отделение являлось органом руководства потребительской кооперацией в Сибири и поэтому активно осуществляло функции контроля, о чем говорят многочисленные отчетные документы и акты ревизий.

В мае-июне 1920 года во всех городах Сибири произошло слияние всех мелких потребительских обществ⁸. О процессах централизации говорят такие документы как информации о реорганизации обществ потребителей в единые рабоче-крестьянские потребительские общества, единых городских и фабрично-заводские потребительские общества⁹.

О важности Сибцентросоюза как органа управления и продвижения политики большевиков говорят сведения активной включенности в процессы национализации и денационализации кооперативного имущества, помощи голодающим Поволжья и так далее. Это подтверждает массив архивных документов, представленных в основном письмами, информацией и докладами по рассмотрению данных вопросов¹⁰.

Сибцентросоюз активно поддерживал молодое Советское государство и являлся, по сути его составной частью.

Анализ видового состава архивных документов фондов Ф.Д-51 «Областной союз сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт» и Ф.Р-32 «Сибирское отделение Центросоюза (Сибцентросоюз)» позволяет выявить основные направления деятельности, схожие и отличительные, а порой крайне противоположные устремления этих двух организаций: федеративные принципы со стороны Закупсбыта и централизованно-административные со стороны Сибцентросоюза.

¹⁰ ГАНО. Ф.Р-32. Оп.1. Историческая справка.

¹¹ Архивы России. Государственный архив Новосибирской области. Путеводитель. М., 2002. 959 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

ГАНО. Ф.Д-51. Оп.1. Историческая справка.
ГАНО. Ф.Р-32. Оп.1. Д. 212. Л.7.
ГАНО. Ф.Р-32. Оп.1. Историческая справка.
Архивы России. Государственный архив Новосибирской области. Путеводитель.

М., 2002. 959 с.
Иванов Б.В. Осуществление ленинского кооперативного плана в Сибири (1920-1927 гг.). Томск. 1977. 341 с.
Николаев А.А. Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза.

на паях «Союз кредитных союзов», Ф.Р-738 «Сибирское бюро Центрального рабочего кооператива», Ф.Р-777 «Управление Сибирского отделения государственных рабочих артелей «Сибобра» и Правление кооператива Сибирского отделения «Сибобра»», Ф.Р-1070 «Уполномоченный Всероссийского союза сельскохозяйственной кооперации в географических пределах Сибири», Ф.Р-1073 «Отдел снабжения Запсибкрайисполкома», Ф.Р-1131 «Новониколаевский губернский союз потребительских обществ»¹¹ Подавляющая часть этих архивных документов мало использована и несет в себе огромный исследовательский потенциал, как с научной, так и просветительской стороны. Документы фондов являются источником для изучения и переосмысления важных исторических процессов и социальной памятью населения. Они являются базой для исторических, археографических изысканий, а также представляют собой неотъемлемую часть при подготовке и организации выставок, как в традиционном, так и виртуальном формате.

Новосибирск. Наука. 1999. 325 с.
Пивоваров Н.Ю., Рынков В.М. Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций 1914-1920 гг. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Новосибирск. 2012. Вып.3. С. 35-58.

REFERENCES

GANO. F.D-51. Op.1. Historical background.
GANO. F.R-32. Op.1. D. 212. L.7
GANO. F.R-32. Op.1. Historical background.
Archives of Russia. The State Archive of the Novosibirsk region. Guidebook. M., 2002. 959 p.

Ivanov B.V. Implementation of the Lenin cooperative plan in Siberia (1920-1927). Tomsk. 1977. 341 p.
Nikolaev A.A. Procurement: chronicle and documentary chronicle of the first Siberian consumer Union. Novosibirsk. The science. 1999. 325 p.

Pivovarov N.Yu., Markets V.M. Siberian cooperation in the system of power relations in the era of wars and revolutions of 1914-1920. // Power and society in Siberia in the twentieth century. Collection of scientific articles. Novosibirsk. 2012. Issue.3. pp. 35-58.

³ ГАНО. Ф.Д-51. Оп.1. Историческая справка.

⁴ ГАНО. Ф.Д-51. Оп.1. Историческая справка.

⁵ А.А. Николаев. Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза. Новосибирск. Наука. 1999. С. 4-5.

⁶ ГАНО. Ф.Р-32. Оп.1. Д. 212. Л.7.

⁷ Иванов Б.В. Осуществление ленинского кооперативного плана в Сибири (1920-1927 гг.). Томск. 1977. С.51.

⁸ Иванов Б.В. Осуществление ленинского кооперативного плана в Сибири (1920-1927 гг.). Томск. 1977. С.95.

⁹ ГАНО. Ф.Р-32. Оп.1. Историческая справка.

УДК 94 (571)

ОТ ПРИМЕТ ВРЕМЕНИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Д. И. ПЕТИНА «ИСТОРИЯ ОМСКОГО РОДА БАТЮШКИНЫХ»

From omens of time to historical memory: review on the monograph
of D. I. Petin «History of the Omsk family Batyushkin»

Блинова Ольга Валерьевна – кандидат исторических наук, заведующая отделом музейных публикаций, рекламы и медиакоммуникаций, Омский государственный историко-краеведческий музей, e-mail: ogik_blinova@mail.ru
Омский государственный историко-краеведческий музей. РФ, 644024, г. Омск, ул. Ленина, 23А

Стельмак Максим Максимович – кандидат исторических наук, ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Историического архива Омской области, e-mail: stelmakmm@mail.ru.
Исторический архив Омской области РФ, 644043, г. Омск, ул. Красный Путь, 153/4

Аннотация: статья представляет собой аналитическую рецензию на монографическое исследование «История омского рода Батюшкиных», подготовленное историком-архивистом Д. И. Петиним. Теоретической основой для создания обзора выступили историко-антропологический подход и структурный метод. В рецензии, наряду с достоинствами книги, обозначены отдельные критические дополнения и пассажи, каковые хотя и имеют место, но не снижают общей высокой оценки монографии.

Ключевые слова: историческая наука, социальная история, микроистория, Гражданская война, А.В. Колчак, советское общество, Батюшкины, Омск.

Blinova Olga Valerievna – PhD, head of the department of museum publications, advertising and media communications, Omsk State Museum of History and Local Lore, e-mail: ogik_blinova@mail.ru
Omsk State Museum of Local History
23A Lenin str., Omsk, 644024, Russia

Stelmak Maksim Maksimovich – PhD, leading archivist of the Center for the Study of the History of the Civil War of the Historical Archive of the Omsk Region, e-mail: stelmakmm@mail.ru.
Historical archive of the Omsk region
RF, 644043, Omsk, st. Red Way, 153/4

Annotation: the article is an analytical review of the monographic research «History of the Omsk family of Batyushkin» prepared by the historian-archivist D. I. Petin. The historical and anthropological approach and the structural method served as the theoretical basis for constructing the review. In the review, along with the merits of the book, certain critical additions and passages are indicated, which, although they occur, do not diminish the overall high assessment of the monograph.

Keywords: historical science, social history, local history, Civil War, A. V. Kolchak, Soviet society, family Batyushkin, Omsk.

В текущее десятилетие в академической исторической науке твердо обозначилась тенденция создания междисциплинарных трудов, одновременно ориентированных на социальную историю, аспекты антропологии и краеведение. Подобный подход дает возможность на точных примерах получить максимально содержательную картину прошлого. При этом репрезентативность научных материалов может быть на весьма высоком уровне, абсолютно не уступая наработкам, охватывающим уровень макрорегиона и выше. С уверенностью утверждаем, что указанная тенденция полностью характерна сегодня и для изучения истории Сибири и Омска¹.

Рецензируемая монография² является наглядным подтверждением описанной парадигмы. Книга дает весьма широкие представления по омскому краеведению за период более чем в 150 лет. Исключительная основа такого успеха – введение автором книги в научный оборот значительного объема исторических источников, связанных с личностями известных омских домовладельцев четы Капитона и Елизаветы Батюшкиных, а также с их легендарным особняком. Подчеркнем, что этот памятник истории и культуры регионального значения – визитная карточка

и современный туристический символ города – ассоциируется в общественном сознании с бытованием Омска в период Гражданской войны и Верховным правителем Александром Васильевичем Колчаком, чья резиденция располагалась в здании в 1918–1919 гг.

Анализируемое исследование базируется на антропологическом подходе, характеризуемом особым вниманием к субъекту в истории и рассмотрением событий через призму личности человека. При этом личность рассматривается не как неизменный конструкт, а как подлинный актер, участвующий в событиях конца XIX – начала XX вв., происходящих в Западной Сибири. Обращение к жизни индивидуума в рамках теории человеческого измерения прошлого позволяет проследить на примере конкретного участника некие типовые сценарии и стратегии поведения, мотивацию и вариативность поступков людей, принадлежавших к одной эпохе, одновременно учитывая особенности каждого конкретного субъекта, формирующие его судьбу и определяющие движущие силы совершаемых им действий.

Важно отметить, что автор монографии – кандидат исторических наук, доцент Дмитрий Игоревич Петин – успешно зарекомендовал себя в академическом сообществе как специалист по исторической биографии³, публикатор⁴ научный

эксперт⁵, аналитический обозреватель⁶ и краевед. По нашему мнению, его уверенно можно назвать одним из наиболее активных и результативных современных сибирских историков, изучающих военно-политические и социально-экономические аспекты Гражданской войны в России.

Разработка проблематики, представленной в монографии, заняла у автора порядка 8 лет. Планомерные изыскания по теме велись Д.И. Петиним лично, а также в соавторстве с другими омскими исследователями, регулярно получая апробацию на площадках публичной истории⁷.

Проявление интереса со стороны профессиональных исследователей и краеведов-любителей к событиям Гражданской войны и белому движению, характерное для последней четверти XX – первой четверти XXI вв., нашло свое воплощение, среди прочего, во внимании к особняку Батюшкина как воплощению власти Верховного правителя и зданию, где размещалась его омская резиденция⁸. Соответственно в литературе, детально проработанной автором рецензируемого издания, основное внимание исследователей было уделено именно истории особняка. Личность владельца – К.А. Батюшкина – попадала в поле зрения весьма нечасто, не получая детального изучения. Помимо скудности той информации, каковая имела на сегодняшний день по указанному вопросу, автор книги обоснованно сетует на весьма нередкие значительные искажения фактов, непрофессиональные трактовки событий при обращении к материалам прошлого (упрощенные, а иногда и вовсе без должной опоры на источники).

В связи с этим, для восстановления исторической справедливости и возвращения для истории Омска имени известного ее деятеля К.А. Батюшкина, Дмитрий Игоревич потребовалось поднять и критически осмыслить внушительный пласт источников, методично выявлявшихся им в фондах федеральных, региональных и ведомственных архивов, а также в личных

коллекциях и семейных собраниях документов. Для получения вспомогательных сведений автор использовал мемуарно-публицистические сочинения, омскую периодическую печать, научно-справочную литературу. Кропотливость этой поисковой работы вызывает уважение.

Исследование включает четыре части, поступательно излагающие историю рода Батюшкиных и судьбу их дома в XX в.: «С самого начала и до дней лихолетья»; «От Великой войны к Великой Смуте»; ««Бывшие люди» или жизнь заново»; «Сохраняя себя, сохраняем историю». Автор, на наш взгляд, со вкусом подошел к названиям повествовательных блоков, придав им, с одной стороны, не утратившее исторического контекста публицистическое звучание, с другой стороны – некий знаково-философский смысл.

Существенным достоинством издания, облегчающим читателю работу с текстом, является тщательно продуманный и проработанный научно-справочный аппарат, включающий именную, предметную и географическую указатели, список сокращений и внутренние комментарии, размещенные по тексту в подстрочных сносках. Верификация изложенной информации, позволяющая свободно вводить ее в научный оборот, достигается наличием развернутого списка использованных автором литературы и источников (в том числе неопубликованных).

Исследователь проследил биографию омского рода Батюшкиных, начиная с середины XIX столетия, кратко охарактеризовав род занятий деда и отца К.А. Батюшкина, а также его юные годы, прежде освещенные в литературе лишь фрагментарно. В ходе знакомства с документами Д.И. Петину удалось установить сословную принадлежность Капитона Алексеевича и разрушить сложившееся в научном сообществе ложное представление о принадлежности владельца особняка к купеческому сословию. Нахождение в этом общественном стратее может быть отнесено исключительно к

предкам героя исследования, в то время как сам он (что убедительно доказывается в монографии) в ходе своей служебной деятельности сменил социальный статус и перешел в категорию местного чиновничества по линии Министерства народного просвещения с принадлежностью на 1878 г. к помещанскому сословию.

Принципиальные уточнения внесены и в отношении финальной части биографии К.А. Батюшкина, когда он, уйдя из-за полностью расстроенного здоровья с советской службы, в последний год жизни обретался в числе активистов приходского совета Градо-Омской Пророко-Ильинской церкви – одного из оплотов тихоновского движения в 1920-е гг.⁹

Основное содержание книги посвящено также членам семьи Капитона Алексеевича Батюшкина. Из младшего поколения семейства детально прослежены биографии сыновей – Александра, Николая, Сергея и Алексея, чьи судьбы не только типичны для того поколения, но и в случае с Николаем – являются знаковыми. Речь идет об участии данного представителя рода Батюшкина в омском перевороте 18 ноября 1918 г., в результате которого к власти был приведен А.В. Колчак.

Автором отмечено серьезное расхождение в поведении братьев в периоды, следовавшие после Гражданской войны. В частности, если Алексей являлся до конца дней своим человеком вне политики, что неоднократно подчеркивал; остался в стране, принял участие в Великой Отечественной войне, пройдя ее рядовым солдатом, то его брат Николай представлял собой явление совершенно иного порядка – убежденный монархист, офицер белых спецслужб, эмигрант. Документы позволили проследить его эволюцию от сугубо штатского человека, утешающегося до сознательного, последовательного и яростного врага советской власти, выстраивавшего свой образ, будучи в

1 См. напр.: Демьянов К.В., Рыженко В.Г. Омская топонимия в контексте изучения культурного пространства российского города // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4. С. 73–80; Жидченко А.В. Омский городок нефтяников как пространство исторической памяти: опыт исторической реконструкции // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2016. № 20. С. 117–123; Кирьян О.А. Политическая жизнь Теврицкого района Омской области: 1996–2012 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 47–52; Новиков С.В. Источники по локальной современной истории как составляющей истории страны – проблемы сохранения и возможности использования // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 33–37; Резникова К.В. Городская среда современной России как предмет исследования урбанистической антропологии // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 10. № 2. С. 46–62; Рыженко В.Г., Демьянов К.В., Наумов С.С. Специфика «железнодорожных» сегментов культурного пространства крупного сибирского города (конец XX – начало XXI в.): топонимические признаки и памятная символика // Преподобный XXI век. 2019. № 1–2. С. 243–259; Koptseva N.P. Introduction to the thematic issue «Topical research in the field of modern social sciences, culture studies and art history» // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No. 12 (7). P. 1128–1131; Naumov S.S., Petin D.I. 16th Military town in Omsk: experience of a historical and cultural study of urban environment. // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No. 12 (7). P. 1191–1215; Smolina M.G., Koptseva N.P., Sertakova E.A. Literature review on the urban environment of Krasnoyarsk // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. No. 11 (10). P. 1653–1672. 2 Петин Д.И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкзат»), 2021. 140 с. 3 См. напр.: Петин Д.И. «С авантюрой сквозь жизнь»: Мария Александровна Гришина-Алмазова (Михайлова) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 389–405; Петин Д.И. Фридрих Андреевич Земит — организатор советских финансов // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 4. С. 928–941; Бакут Д.А., Петин Д.И. Заведующий агентурой Российского правительства адмирала Колчака Александр Каралов (1868–1920): к реконструкции биографии // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. С. 366–380; Бодрова Л.А., Петин Д.И. Москва – Харбин: жизненная одиссея беломысленца Николая Галкина (1895–1940) // Северные Архивы и Экспедиции. 2021. Т. 5. № 2. С. 40–55; Петин Д.И. Евгений Береговой (1891–1920): судьба офицера разведки белой армии в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 117–124; Петин Д.И. «Вплоть подыкала требования адвасте и условия...». Вехи биографии военного юриста генерал-майора Н.М. Сеницкого // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1241–1254; Петин Д.И. Подпоручик Русской императорской армии Анатолий Петрович Мозер (1889–1943): «маленький человек» и его судьба в зеркале военной антропологии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 2. С. 101–108, и м. др. 4 См. напр.: Петин Д.И. «Для дополнения характеристики внутренней и внешней политики колчаковского правительства в Сибири»: срочное секретное письмо из Сибирькама наркомку Г.В. Чичерину (9 апреля 1924 г.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 1. С. 72–78; Петин Д.И. Циркуляр Сибирькама губернской финотделом Сибири об аннулировании государственных займов (октябрь 1919 г.) // Известия. Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 4. С. 214–224; Петин Д.И. «Я дерусь со всеми, которые, не так поступают, как Коммунисту следуют...» Письмо Ф.А. Земита Н.Н. Крестинскому о финансовой работе в Сибири. 5 января 1920 г. // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1137–1148; Петин Д.И. Звукания из Омска (1919 г.): мемуарные записки служащего Красного Креста Н.Н. Волкова // Северные Архивы и Экспедиции. 2019. Т. 3. № 4. С. 63–84.

5 См. напр.: Петин Д.И. Рецензия на монографию А.Ф. Букина «Вклад политических ссыльных в культуру Западной Сибири (1905–1917)» // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 1. С. 84–88; Петин Д.И. Власть, деньги и «Русская смута» (о монографии М.В. Хойякова «Дни революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы») // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 3. С. 51–59; Петин Д.И. Большая история малой роины (О книге Е.В. Елачичева «Село Абатское и Абатская волость в начале XVIII – начале XX века») // Северные Архивы и Экспедиции. 2019. Т. 4. № 4. С. 75–82; Петин Д.И. Слово об офицере церкви (обзор монографии А.В. Сушко «Жизнь, служение и подвиг священника Василия Феофановича Инфантьева») // Северные Архивы и Экспедиции. 2021. Т. 5. № 3. С. 54–63. 6 См. напр.: Петин Д.И. «Есть у революции начало...»: старт межмузейного проекта в Красноярске // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 2. С. 89–92; Петин Д.И. Омские архивисты — 100-летию образования ВЧК // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 121–122; Петин Д.И., Симонова И.Л. История освоения Арктики в просветительских проектах: опыт Омского региона (2018) // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. Т. 2. № 4. С. 53–60; Петин Д.И. «Архивные фонды личного происхождения и историческая память»: итоги круглого стола к 120-летию Н.Н. Горбаня (1899–1973) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7. № 1. С. 250–254; Петин Д.И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. № 4. С. 38–49; Петин Д.И. 100-летие Гражданской войны в Сибири: научно-просветительская рефлексия в Омске (2019) // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Т. 4. № 2. С. 131–142. 7 Петин Д.И., Конозалова Н.А. Капитан Батюшкин: дополняя исторический портрет // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: мат.-лы всерос. науч.-практ. конф. Омск: Амфора, 2015. С. 118–125; Петин Д.И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского беломысленца // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282. 8 Петин Д.И. Генезис омской семьи Батюшкиных в свете очерченных архивных находок // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат.-лы II всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 263–271; Петин Д.И., Стельмак М.М. Пелагозика в архиве на службе преодолению современных мифов насчет создания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15; Петин Д.И. Советский служивый Алексей Капитонович Батюшкин: сценарий социальной адаптации представителя семьи «бывших людей» // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат.-лы III всерос. науч.-практ. конф. посвятив 100-летию восстановления Совет. адвасте в Сибири. Омск: ОмГТУ, 2019. С. 178–183; Сушко А.В., Петин Д.И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А.В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 4. С. 9–17; Петин Д.И., Стельмак М.М. «Убиты при взрыве в доме Верховного правителя»: к анализу актовых записей о смерти чинов конвой адмирала А.В. Колчака 27 августа 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 725–740. 9 См. напр.: Посунов А.М. Омский адрес Верховного правителя. Омск: Амфора, 2011. 211 с.; Шишкин В.И. Взрыв в усадьбе Верховного правителя 25 августа 1919 г. // Гражданская война в Сибири: Материалы всерос. заоч. науч.-практ. конф. Омск, 2013. С. 161–173; Штырбула А.А. Покушение на Колчака: историческое расследование. Омск: ОмГТУ, 2013. 392 с. 9 Сушко А.В. «Необходимо принести искреннюю благодарность жертвоносцам, охотно откликнувшимся на призыв церкви помочь в тяжелое для нее время...»: отчет о деятельности Приходского совета Градо-Омской Богородице-Братской церкви за 1929 год // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 1. С. 46.

эмиграции, соответствуя приличествующим обстановке категориям («сын дворянина, монархист, русский эмигрант, ни в каком подданстве, кроме Русского Императорского не состоял»). Освещение этих страниц истории рода Батюшкиных проводится впервые, поскольку прежде колоритные личности сыновей Капитона Алексеевича не вызывали интереса исследователей, да и весь послереволюционный период жизни семьи, включая самого главу рода, оставался неизученной лакуной.

Автор в своей работе подробно изложил информацию о собственности семьи, в частности, о строительстве легендарного дома на улице Береговой, в деловом центре Омска. Технические достижения, примененные при возведении и внутреннем обустройстве особняка, определили выбор этого здания в качестве резиденции будущего Верховного правителя. Д.И. Петин даже отмечает, подчеркивая уникальность здания для Омска и его привлекательность в качестве военной резиденции высшего командования, столкновение интересов высокопоставленных лиц антибольшевистского Омска – генерала В.Г. Болдырева, министра снабжения И.И. Серебренникова и самого адмирала А.В. Колчака.

Монография снабжена богатым иллюстративным материалом, значительная часть изображений с качественной научной аннотацией и атрибуцией публикуется впервые. На цветных вкладках размещены фотоснимки, отображающие современное бытование (в текущее десятилетие) описанного в авторском тексте историко-культурного объекта. Привнесение иллюстративного включения в книгу, несомненно, является важным дополнением к тексту, служа не только делу популяризации знаний, но и улучшая восприятие излагаемого материала.

В то же время знакомство с текстом обозначило ряд дискуссионных вопросов, требующих дальнейшей разработки либо пояснений (автором или вероятными его последователями). Ниже остановимся на их критическом осмыслении детально.

Во-первых, неясным в полной степени остается социальное положение К.А. Батюшкина и мотивы его поведения. Выход из купеческого со-

словия и переход в мещанство, а затем в чиновничье сословие обусловлен, как доказательно изложил автор монографии, находением Батюшкина на государственной службе. В то же время дальнейшая судьба героя исследования складывалась нелогично для классического государственного служащего. Начав движение по служебной лестнице в 1878 г. в должности учителя, он в скором времени получил повышение и весьма неплохое продвижение по бюрократической лестнице, завершив службу в 36 лет в 1896 г. в должности штатного смотрителя училищ в Кузнецком округе Томской губернии. Чин коллежского асессора предоставлял К.А. Батюшкину личное дворянство. Истинные причины выхода в отставку и завершения карьеры понятны и указаны в монографии, но документально не подтверждены. С этого момента Капитон Батюшкин занимал исключительно общественные должности, в то время как основной доход семьи реально поступал от торговой деятельности его супруги – Елизаветы Георгиевны, происходившей из известной омской купеческой семьи Тереховых. При этом значимость для членов семьи статуса дворянина косвенно подтверждается анкетными данными Николая Батюшкина, сделанными в эмиграции: «сын дворянина (выделено нами – О.Б., М.С.), монархист...».

Нам представляется весьма маловероятным подлинное ведение к началу 1900-х гг. торговых дел семьи Батюшкиных, а также управление сельскохозяйственным производством на загородной заимке близ Ачаира матерью значительно разросшегося к тому моменту семейства – Елизаветой Георгиевной. Несмотря на сохранение де-юре, на бумаге ее права собственности на все владения, истинным организатором и распорядителем, скорее всего, выступал сам Капитон Алексеевич. Мужчина, формально позиционировавший себя после 1896 г. как отставной чиновник, де-факто являлся в течение 20 лет своего рода «теневым предпринимателем».

Во-вторых, в монографии мы находим упоминание о том, что в некровном родстве с Батюшкиными состоял отставной подполковник Русской императорской армии Иван Афанасьевич Яцкин (1859–1929). В Омске в первую треть XX в. этот человек был известен

как общественный деятель, участник местного самоуправления и садовод¹⁰. Д.И. Петин честно оговаривает, что в его распоряжении не оказалось документов, вносящих точное понимание по данной генеалогической частности. Позволим себе здесь некоторое дополнение, опираясь на неопубликованные источники из фондов Исторического архива Омской области. Как свидетельствует соответствующая церковная актовая запись из фонда Омской духовной консистории, И.А. Яцкин, служа в Омском резервном пехотном (кадровом) батальоне в чине подпоручика, 23 января / 4 февраля 1885 г. в Воскресенском военном соборе обвенчался с 19-летней купеческой дочерью, девицей Марией Алексеевной Батюшкиной¹¹ – родной сестрой Капитона Алексеевича. У четы Яцкиных 1/13 июня 1886 г. родился первенец Валериан (Валерий). Показательно, что младенца крестили в Градо-Омской Пророко-Ильинской церкви¹² – храме, который для семейства Батюшкиных являлся приходским. Отметим и другую деталь: М.А. Яцкина прожила по меркам времени достаточно долгую жизнь. Ее сын в своей анкете советского служащего, условно датируемой началом 1926 г., сообщал, что Мария Алексеевна на тот момент живет в Омске¹³.

В-третьих, повествуя о бытовании особняка Батюшкиных во второй половине 1920-е гг., Д.И. Петин, говорит о том, что в 1930 г. Омский оперативный сектор ОГПУ переехал из здания, передав его детскому костнотуберкулезному санаторию. Автор монографии ссылается на «Список абонентов Омской городской телефонной сети» за указанный выше год. Да, мы также не сможем назвать точную дату состоявшейся в тот период смены учреждений-владельцев здания, но в аналогичном телефонном справочнике за 1929 г. по адресу улица Береговая, дом 9 уже значится костнотуберкулезный санаторий Омского окружного отдела здравоохранения¹⁴.

В-четвертых, дискуссионным вопросом мы считаем вступительную часть издания. Нам известно, что адресуя книгу не только научной общественности, но и самой широкой публике, автор умышленно уходит от подробного критического раскрытия историографии вопроса, характеристики источниковой базы, обоснования методологической

части исследования и иных «канонических» составляющих академической монографии. Тем не менее, при внимательном прочтении специалист все же сможет усмотреть в лаконичном введении завуалированное «тезисное указание» на междисциплинарный дискурс (антропологический и культурологический подходы), постановку проблемы, перечень основных публикаций по теме, обзор использованных исторических источников.

Здесь также важно подчеркнуть, что в условиях современного неоднозначного состояния исторической науки и преподавания истории¹⁵ для ученого имеет весомую значимость возможность вынесения своего знания в некое публичное поле. А такой формат определяет публицистический характер изложения, с расчетом даже на неподготовленную аудиторию. На наш взгляд, анализируемая книга – весьма удачный пример того, когда сведения о прошлом доносятся доступным языком, и в то же время с грамотной комплексной интерпретацией исторической информации и полным сохранением научно-справочного аппарата.

В-пятых, в монографии четко прослеживаются две проблемные (сюжетные) линии – история семьи и история

здания – по факту, равноправные и пересекающиеся в большей части повествования. Но в названии издания нашел отражение только «родовой» аспект, что и вызывает вопрос. Любопытно, что в издании краеведа А.М. Лосунова «Омский адрес Верховного правителя» мы наблюдали в названии и содержании обратный перекоп, когда фигура адмирала А.В. Колчака – самого знаменитого постояльца – полностью затмила личность первого владельца особняка. О подобном разном по масштабу соотношении указанных исторических фигур в сознании широкой общественности Омска в наши дни говорит в своей монографии Д.И. Петин. В любом случае, по нашему мнению, при вероятном переиздании работы в дальнейшем вопрос уточнения названия относительно содержательной составляющей нашему коллеге обязательно необходимо учесть.

Подводя итоги размышлениям, отметим, что анализируемое издание, несомненно, является знаковым событием в жизни сибирской исторической школы и омского краеведения. Книга Д.И. Петина обладает огромной ценностью, поскольку не только преподносит в контексте коллизий времен неизвестные ранее страницы биографий

представителей одного из влиятельных и знаменитых в дореволюционном Омске семейств. Использованная автором антропологическая парадигма позволяет осмысленно интерпретировать в описываемых условиях поведение членов клана Батюшкиных, их позиции и (не-) участие в происходивших событиях, а вместе с тем и социальную историю.

Продланное Д.И. Петиним исследование призвано выполнять и гораздо более масштабную, государственно важную задачу по приобщению широкой аудитории к истории и краеведению, формированию внимательного отношения к окружающему городскому архитектурному пространству, каковое наглядно олицетворяет связи времен. Но анализируемая книга – это вовсе не переполненная эмоциями «тоска» по некой старой России, безвозвратно утраченной в седых вехах истории. Мы держим в руках профессиональный труд историка-архивиста и краеведа, относящегося с большим неравнодушием к развитию академического знания и популяризации знаний о прошлом. По нашему твердому убеждению увидевшая свет работа – это пример взвешенного, непредвзятого и свободного от политизированных стереотипов осмысления минувших эпох.

¹⁰ Плеханов А.М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, «не помнящее родства»...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 7; Сушко А.В. К вопросу о негативном влиянии современных организационно-педагогических условий на преподавание истории России (размышления к Первому Всероссийскому съезду преподавателей истории в вузах России) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 76–81; Рычков А.В. Какую историю следует изучать в вузе // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 82–85; Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 13; Зданович А.А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 55–61.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Демьянов К.В., Рыженко В.Г. Омская топонимия в контексте изучения культурного пространства российского города // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4. С. 73–80.

Жидченко А.В. Омский городок нефтяников как пространство исторической памяти: опыт исторической реконструкции // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2016. № 20. С. 117–123.

Кирьяш О.А. Политическая жизнь Тевризского района Омской области: 1996–2012 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 47–52.

Новиков С.В. Источники по локальной современной истории как составляющей истории страны – проблемы сохранения и возможности использования // Омский научный вестник. Сер. Общество. История.

Современность. 2018. № 2. С. 33–37.

Резникова К.В. Городская среда современной России как предмет исследований урбанистической антропологии // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2. № 3. С. 46–62.

Рыженко В.Г., Демьянов К.В., Наумов С.С. Специфика «железнодорожных» сегментов культурного пространства крупного сибирского города (конец XX – начало XXI в.): топонимические признаки и памятная символика // Преподаватель XXI век. 2019. № 1–2. С. 243–259.

Koptseva N.P. Introduction to the thematic issue «Topical research in the field of modern social sciences, culture studies and art history» // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No. 12 (7). P. 1128–1131.

Naumov S.S., Petin D.I. 16th Military town in Omsk: experience of a historical and cultural

study of urban environment. // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No. 12 (7). P. 1191–1215.

Smolina M.G., Koptseva N.P., Sertakova E.A. Literature review on the urban environment of Krasnoyarsk // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. No. 11 (10). P. 1653–1672.

Петин Д.И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2021. 140 с.

Петин Д.И. С авантюрой сквозь жизнь: Мария Александровна Гришина-Алмазова (Михайлова) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 389–405.

Петин Д.И. Фридрих Андреевич Земит — организатор советских финансов // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 928–941.

Бакшт Д.А., Петин Д.И. Заведующий

¹⁰ Исторический архив Омской области (далее ГИАОО). Ф. 172. Оп. 1. Д. 496. Л. 126.

¹¹ ГИАОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 134. Л. 106.

¹² ГИАОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 466. Л. 306.

¹³ ГИАОО. Ф. Р–126. Оп. 1. Д. 925. Л. 1.

¹⁴ Список абонентов Омской городской телефонной сети. Омск: Издание Омской окружной конторы связи, 1929. С. 32.

агентурой Российского правительства адмирала Колчака Александр Караулов (1868–1920): к реконструкции биографии // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 366–380.

Бодрова Л.А., Петин Д.И. Москва – Харбин: жизненная одиссея белоэмигранта Николая Галкина (1895–1940) // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 2. С. 40–55.

Петин Д.И. Евгений Береговой (1891–1920): судьба офицера разведки белой армии в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 117–124.

Петин Д.И. «Вполне подчинялся требованиям властей и условиям...». Вехи биографии военного юриста генерал-майора Н.М. Сеницкого // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1241–1254.

Петин Д.И. Подпоручик Русской императорской армии Анатолий Петрович Мозер (1889–1943): «маленький человек» и его судьба в зеркале военной антропологии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 2. С. 101–108.

Петин Д.И. «Для дополнения характеристики внутренней и внешней политики колчаковского правительства в Сибири»: срочное секретное письмо из Сибревкома наркому Г.В. Чичерину (9 апреля 1924 г.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 1. С. 72–78.

Петин Д.И. Циркуляр Сибревкома губернским финотделам Сибири об аннулированных государственных займах (октябрь 1919 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 4. С. 214–224.

Петин Д.И. «Я дерусь со всеми, которые, не так поступают, как Коммунисту следует...» Письмо Ф.А. Земита Н.Н. Крестинскому о финансовой работе в Сибири. 5 января 1920 г. // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1137–1148.

Петин Д.И. Эвакуация из Омска (1919 г.): мемуарные записки служащего Красного Креста Н.Н. Волкова // Северные Архивы и Экспедиции. 2019. Т. 3, № 4. С. 63–84.

Петин Д.И. Рецензия на монографию А.Ф. Букина «Вклад политических ссыльных в культуру Западной Сибири (1905–1917)» // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 1. С. 84–88.

Петин Д.И. Власть, деньги и «Русская смута» (о монографии М.В. Ходякова «Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы») // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 51–59.

Петин Д. И. Большая история малой родины (О книге Е.В. Еланцева «Село Абатское и Абатская волость в начале XVIII – начале

XX века») // Северные Архивы и Экспедиции. 2019. Т. 4, № 4. С. 75–82

Петин Д.И. Слово об офицере церкви (обзор монографии А.В. Сушко «Жизнь, служение и подвиг священника Василия Феофановича Инфантьева») // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 3. С. 54–63.

Петин Д.И. «Есть у революции начало...»: старт межмузейного проекта в Красноярске // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 2. С. 89–92.

Петин Д.И. Омские архивисты — 100-летию образования ВЧК // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 121–122.

Петин Д.И., Симонова И.Л. История освоения Арктики в просветительских проектах: опыт Омского региона (2018) // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 4. С. 53–60.

Петин Д.И. «Архивные фонды личного происхождения и историческая память»: итоги круглого стола к 120-летию Н.Н. Горбаня (1899–1973) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7, № 1. С. 250–254.

Петин Д.И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 4. С. 38–49.

Петин Д.И. 100-летие Гражданской войны в Сибири: научно-просветительская рефлексия в Омске (2019) // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 131–142.

Петин Д.И., Коновалова Н.А. Капитан Батюшкин: дополняя исторический портрет // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы всерос. науч.-практ. конф. Омск: Амфора, 2015. С. 118–125.

Петин Д.И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282.

Петин Д.И. Генеалогия омской семьи Батюшкиных в свете очередных архивных находок // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы II всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 263–271.

Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15.

Петин Д.И. Советский служащий Алексей Капитонович Батюшкин: сценарий социальной адаптации представителя семьи «бывших людей» // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы III всерос. науч.-практ.

конф., посвящ. 100-летию восстановления Совет. власти в Сибири. ОмГТУ. Омск, 2019. С. 178–183.

Сушко А.В., Петин Д.И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А.В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 9–17.

Петин Д.И., Стельмак М.М. «Убиты при взрыве в доме Верховного правителя»: к анализу актовых записей о смерти чинов конвоя адмирала А.В. Колчака 27 августа 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 725–740.

Лосунов А.М. Омский адрес Верховного правителя. Омск: Амфора, 2011. 211 с.

Шишкин В.И. Взрыв в усадьбе Верховного правителя 25 августа 1919 г. // Гражданская война в Сибири: материалы всерос. заочн. науч.-практ. конф. Омск, 2013. С. 161–173.

Штырбул А.А. Покушение на Колчака: историческое расследование. Омск: ОмГПУ, 2013. 392 с.

Сушко А.В. «Необходимо принести искреннюю благодарность жертвователям, охотно откликнувшимся на призыв церкви помочь в тяжелое для нее время...»: отчет о деятельности Приходского совета градо-Омской Богородице-Братской церкви за 1929 год // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 45–50.

Список абонентов Омской городской телефонной сети. Омск: Издание Омской окружной конторы связи, 1929. 42 с.

Плеханов А.М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, «не помнящее родства»...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 7–11.

Сушко А.В. К вопросу о негативном влиянии современных организационно-педагогических условий на преподавание истории России (размышления к Первому Всероссийскому съезду преподавателей истории в вузах России) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 76–81.

Рычков А.В. Какую историю следует изучать в вузе // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 82–85.

Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 13.

Зданович А.А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 55–61.

REFERENCES

Demyanov K.V., Ryzhenko V.G. Omskaya toponimiya v kontekste izucheniya kul'turnogo prostranstva rossiyskogo goroda [Omsk Toponymy in the Context of Studying the Cultural Space of a Russian City] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki» [Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»]. 2016. No. 4, pp. 73–80. (In Russ.).

Zhidchenko A.V. Omskiy gorodok neftyanykov kak prostranstvo istoricheskoy pamyati: opyt istoricheskoy rekonstruktsii [Omsk town of oil workers as a space of historical memory: the experience of historical reconstruction] // Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [News of the Omsk State Museum of History and Local Lore]. 2016. No. 20, pp. 117–123. (In Russ.).

Kiryash O.A. Politicheskaya zhizn' Tavrskogo rayona Omskoy oblasti: 1996–2012 gg. [Political life of the Tevri district of the Omsk region: 1996–2012] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2018. No. 2, pp. 47–52. (In Russ.).

Novikov S.V. Istochniki po lokal'noy sovremennoy istorii kak sostavlyayushchey istorii strany – problemy sokhraneniya i vozmozhnosti ispol'zovaniya [Sources on local modern history as a component of the country's history – the problem of preservation and the possibility of using it] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2018. No. 2, pp. 33–37. (In Russ.).

Reznikova K.V. Gorodskaya sreda sovremennoy Rossii kak predmet issledovaniy urbanisticheskoy antropologii [Urban environment of modern Russia as a subject of urban anthropology research] // Sibirskiy antropologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Anthropology]. 2018. Vol. 2, no. 3, pp. 46–62. (In Russ.).

Ryzhenko V.G., Demyanov K.V., Naumov S.S. Spetsifika «zheleznodorozhnykh» segmentov kul'turnogo prostranstva krupnogo sibirskogo goroda (konets XX – nachalo XXI v.): toponimicheskiye priznaki i pamyatnaya simvolika [Specificity of the «railway» segments of the cultural space of a large Siberian city (late XX – early XXI century): toponymic signs and commemorative symbols] // Prepodavatel' XXI vek [Teacher XXI century]. 2019. No. 1–2, pp. 243–259. (In Russ.).

Koptseva N.P. Introduction to the thematic issue «Topical research in the field of modern social sciences, culture studies and art history» // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No. 12 (7), pp. 1128–1131.

Naumov S.S., Petin D.I. 16th Military town in Omsk: experience of a historical and cultural study of urban environment. // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No.

12 (7), pp. 1191–1215.

Smolina M.G., Koptseva N.P., Sertakova E.A. Literature review on the urban environment of Krasnoyarsk // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. No. 11 (10), pp. 1653–1672.

Petin D.I. Istoriya omskogo roda Batyushkiykh: Monografiya [History of the Omsk family of Batyushkin: Monograph]. Omsk, 2021. (In Russ.).

Petin D.I. S avanturyoy skvoz' zhizn': Mariya Aleksandrovna Grishina–Almazova (Mikhaylova) [With adventure through life: Mariya Aleksandrovna Grishina–Almazova (Mikhaylova)] // Noveyshaya istoriya Rossii [Modern History of Russia]. 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 389–405. (In Russ.).

Petin D.I. Fridrikh Andreyevich Zemit — organizator sovetских finansov [Friedrich Andreevich Zemit – organizer of Soviet finance] // Noveyshaya istoriya Rossii [Modern history of Russia]. 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 928–941. (In Russ.).

Bakht D.A., Petin D.I. Zaveduyushchiy agenturoy Rossiyskogo pravitel'stva admirala Kolchaka Aleksandr Karaulov (1868–1920): k rekonstruktsii biografii [Head of the agents of the Russian government, Admiral Kolchak, Alexander Karaulov (1868–1920): towards the reconstruction of the biography // Noveyshaya istoriya Rossii [Modern History of Russia]. 2019. Vol. 10, no. 2, pp. 366–380. (In Russ.).

Bodrova L.A., Petin D.I. Moskva – Kharbin: zhiznennaya odisseye beloemigranta Nikolaya Galkina (1895–1940) [Moscow – Harbin: the life odyssey of the white migr Nikolai Galkin (1895–1940)] // Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]. 2021. Vol. 5, no. 2, pp. 40–55. (In Russ.).

Petin D.I. Yevgeniy Beregovoy (1891–1920): sud'ba ofitsera razvedki beloy armii v Grazhdanskoy voyne [Evgeny Beregovoy (1891–1920): the fate of an intelligence officer of the White Army in the Civil War] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]. 2020. No. 455, pp. 117–124. (In Russ.).

Petin D.I. «Vpolne podchinyalsya trebovaniyam vlastei i usloviyam...». Vekhi biografii voennogo yurista general-maiora N. M. Senitskogo [«Pretty Much Obeyed All Requirements of the Authorities and the Circumstances...»: Milestones in the Biography of the Law Officer, Major General N.M. Senitsky] // Vestnik arhivista [Herald of an Archivist]. 2020, no. 4, pp. 1241–1254 (In Russ.).

Petin D.I. Podporuchik Russkoy imperatorskoy armii Anatoliy Petrovich Mozer (1889–1943): «malen'kiy chelovek» i yego sud'ba v zerkale voyennoy antropologii [Podporuchik of the Russian Imperial Army Anatoly Petrovich Moser (1889–1943): «the little man» and his fate in the mirror of military anthropology] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'

[Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2020. Vol. 5, no. 2, pp. 101–108. (In Russ.).

Petin D.I. «Dlya dopolneniya kharakteristiki vnutrenney i vneshney politiki kolchakovskogo pravitel'stva v Sibiri»: srochnoye sekretnoye pis'mo iz Sibrevkoma narkomu G.V. Chicherinu (9 aprelya 1924 g.) [«To supplement the characteristics of the domestic and foreign policy of the Kolchak government in Siberia»: an urgent secret letter from the Siberian revolutionary committee to the people's commissar G.V. Chicherin (April 9, 1924)] // [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2021. Vol. 6, no. 1, pp. 72–78. (In Russ.).

Petin D.I. Tsirkulyar Sibrevkoma gubernskim finotdelam Sibiri ob annullirovaniykh gosudarstvennykh zaymakh (oktyabr' 1919 g.) [Circular of the Siberian Revolutionary Committee to the provincial financial departments of Siberia on canceled government loans (October 1919)] // Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 214–224. (In Russ.).

Petin D.I. «Ya derus' so vsemi, kotorye, ne tak postupayut, kak Kommunistu sleduet...». Pis'mo F.A. Zemita N.N. Krestinskomu o finansovoi rabote v Sibiri. 5 yanvarya 1920 g. [I Fight Anyone Who Doesn't Act as a Communist Should...'. Letter of F.A. Zemit to N.N. Krestinsky on Financial Work in Siberia. January 5, 1920]. Vestnik arhivista [Herald of an Archivist]. 2018. No. 4, pp. 1137–1148. (In Russ.).

Petin D.I. Evakuatsiya iz Omska (1919 g.): memuarnyye zapiski sluzhashchego Krasnogo Kresta N.N. Volkova [Evacuation from Omsk (1919): memoirs of the official of The Red Cross N.N. Volkov] // Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]. 2019. Vol. 3, no 4, pp. 63–84. (In Russ.).

Petin D.I. Retsenziya na monografiyu A.F. Bukina «Vklad politicheskikh ssyl'nykh v kul'turu Zapadnoy Sibiri (1905–1917)» [Review of the monograph by A.F. Bukin «The contribution of political exiles to the culture of Western Siberia (1905–1917)»] // Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]. 2017. No. 1, pp. 84–88. (In Russ.).

Petin D.I. Vlast', den'gi i «Russkaya smuta» (o monografii M.V. Khodyakova «Den'gi revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: 1917–1920 gody») [Power, money and Russian distemper (about monograph of M.V. Khodyakov «Money of the Revolution and the Civil War: 1917–1920») // Omskiy nauchnyy vestnik. Seria Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2019. Vol. 4, no 3, pp. 51–59. (In Russ.).

Petin D.I. The big history of a small homeland (About the book by E. V. Elantsev «The village of Abat and Abat volost in the beginning XVIII – early 20th centuries») // Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]. 2019. Vol. 4,

no. 4, pp. 75–82. (In Russ.).

Petin D.I. The word about the officer of the church (a review of the monograph by A.V. Sushko «Life, ministry and feat of priest Vasily Feofanovich Infantiev») // Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]. 2021. Vol. 5, no. 3, pp. 54–63. (In Russ.).

Petin D.I. «Yest' u revolyutsii nachalo...»: start mezhmuzeynogo proyekta v Krasnoyarske [«The revolution has a beginning ...»: the start of an inter-museum project in Krasnoyarsk] // Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]. 2017. No. 2, pp. 89–92. (In Russ.).

Petin D.I. Omskiye arkhivisty — 100-letiyu obrazovaniya VCHK [Omsk archivists – to the 100th anniversary of the Cheka] // Otechestvennyye arkhivy [Domestic Archives]. 2018. No. 1, pp. 121–122. (In Russ.).

Petin D.I., Simonova I.L. Istoriya osvoyeniya Arktiki v prosvetitel'skikh proyektakh: opyt Omskogo regiona (2018) [The history of the development of the Arctic in educational projects: the experience of the Omsk region (2018)] // Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]. 2018. Vol. 2, no. 4, pp. 53–60. (In Russ.).

Petin D.I. «Arkhivnyye fondy lichnogo proiskhozhdeniya i istoricheskaya pamyat'»: itogi kruglogo stola k 120-letiyu N.N. Gorbanya (1899–1973) [«Archival Funds of Personal Origin and Historical Memory»: Results of the Round Table for the 120th Anniversary of N.N. Gorbanya (1899–1973)] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki» [Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»]. 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 250–254. (In Russ.).

Petin D.I. Mify v lokal'noy istorii: obzor raboty kruglogo stola v Omske [Myths in local history: an overview of the round table in Omsk] // Sibirskiy antropologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Anthropology]. 2020. Vol. 4, no. 4, pp. 38–49. (In Russ.).

Petin D.I. 100-letiyе Grazhdanskoy voyny v Sibiri: nauchnoprosvetitel'skaya refleksiya v Omske (2019) [100-th anniversary of the Civil War in Siberia: scientific and educational reflection in Omsk (2019)] // Severnyye arkhivy i ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]. 2020, Vol. 4, no. 2, pp. 131–142. (In Russ.).

Petin D.I., Konovalova N.A. Kapiton Batyushkin: dopolnyaya istoricheskiy portret [Kapiton Batyushkin: Supplementing the Historical Portrait] // Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossii: ob'yektivnyy vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyе [Civil War in the East of Russia: An Objective View through the Documentary Heritage]. Omsk: Amfora, 2015, pp. 118–125. (In Russ.).

Petin D.I. Nikolay Batyushkin: biograficheskiye istochniki v rekonstruktsii zhiznennogo puti khabinskogo beloemigranta [Nikolai Batyushkin: biographical sources in the reconstruction of the life of the Harbin White emigrant] // Vestnik arkhivista [Herald of An Archivist]. 2016. No 2, pp. 249–282.

(In Russ.).

Petin D.I. Genealogiya omskoy sem'i Batyushkinykh v svete ocherednykh arkhivnykh nakhodok [Genealogy of the Omsk Batyushkin family in the light of the latest archival finds] // Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyе [Civil War in the East of Russia: A View through the Documentary Heritage]. Omsk: Amfora, 2017, pp. 263–271. (In Russ.).

Petin D.I., Stel'mak M.M. Pedagogika v arkhive na sluzhbe preodoleniya sovremennykh mifov massovogo soznaniya o Grazhdanskoy voynе v Rossii [Modern perception of the Civil War: pedagogy as overcoming the myths of mass consciousness] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2018. No. 3, pp. 9–15. (In Russ.).

Petin D.I. Sovetskiy sluzhashchiy Aleksey Kapitonovich Batyushkin: stsensariy sotsial'noy adaptatsii predstavatelya sem'i «byvshikh lyudey» [Soviet employee Aleksey Kapitonovich Batyushkin: a scenario of social adaptation of a representative of the family of «former people»] // Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyе. Grazhdanskaya Voyna na Vostoке Rossii: Vzglyad Skvoz' Dokumental'noye Naslediyе [Civil War in the East of Russia: A View through the Documentary Heritage]. Omsk, 2019, pp. 178–183. (In Russ.).

Sushko A.V., Petin D.I. Bitvy za pamyat': k voprosu o memorializatsii imeni admirala A.V. Kolchaka v Omske [Battles for memory: on the issue of memorialization of the name of Admiral A.V. Kolchak in Omsk] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2019. Vol. 4, no. 4, pp. 9–17. (In Russ.).

Petin D.I., Stel'mak M.M. «Ubitiy pri vzryve v dome Verkhovnogo pravatelya»: k analizu aktovykh zapisei o smerti chinov konvoya admirala A.V. Kolchaka 27 avgusta 1919 g. [«Killed in an Explosion in the House of the Supreme Ruler»: Concerning the Analysis of Death Records of the Officers of the Admiral A. V. Kolchak's Convoy, August 27, 1919] // Vestnik arkhivista [Herald of an Archivist]. 2021. No. 3, pp. 725–740. (In Russ.).

Losunov A.M. Omskiy adres Verkhovnogo pravatelya [Omsk Address of Supreme Ruler]. Omsk, 2011. (In Russ.).

Shishkin V.I. Vzryv v usad'be Verkhovnogo pravatelya 25 avgusta 1919 g. [Explosion in the estate of the Supreme Ruler on August 25, 1919] // Grazhdanskaya voyna v Sibiri [Civil War in Siberia]. Omsk, 2013, pp. 161–173. (In Russ.).

Shtyrbul A.A. Pokusheniye na Kolchaka: istoricheskoye rassledovaniye [The assassination attempt on Kolchak: a historical investigation]. Omsk, 2013. (In Russ.).

Sushko A.V. «It is necessary to bring sincere thanks to the donators who willingly responded to the call of the church to help in difficult times...»: Report on activities of the parish council of Omsk Bogoroditze-Bratskaya church for 1929 // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2019. Vol. 4, no. 1, pp. 45–50. (In Russ.).

Spisok abonentov Omskoy gorodskoy telefonnoy seti [List of subscribers of the Omsk city telephone network]. Omsk, 1929. (In Russ.).

Plekhanov A.M. «Sozdavetsya vpechatleniye, chto my vospityvayem molodoye pokoleniye, «ne pomnyashcheye rodstva»...» [«It seems that we grow younger generation «oblivious of gens»...»] // Omskiy nauchnyy vestnik. Seria Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2018. No. 1, pp. 7–11. (In Russ.).

Sushko A.V. K voprosu o negativnom vliyaniyе sovremennykh organizatsionno-pedagogicheskikh usloviy na prepodavaniye istorii Rossii (razmyshleniya k Pervomu Vserossiyskomu s'yезdu prepodavateley istorii v vuzakh Rossii) [On the negative impact of modern organizational and pedagogical conditions on teaching Russian history (reflections on the First All-Russian Congress of History Teachers in Russian Universities)] // Omskiy nauchnyy vestnik. Seria Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2018. No. 1, pp. 76–81. (In Russ.).

Rychkov A.V. Kakuyu istoriyu sleduyet izuchat' v vuze [What history should be studied at the university] // Omskiy nauchnyy vestnik. Seria Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2018. No. 1, pp. 82–85. (In Russ.).

Kantor YU.Z. «Istoriyu nevozmozhno perepisat', yeyo mozhno dopisat'...» [History cannot be rewritten, it can be added] // Omskiy nauchnyy vestnik. Seria Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2019. Vol. 4, no. 1, pp. 9–15. (In Russ.).

Zdanovich A.A. «Kontseptual'no my dolzhny pisat' ne o tom, kak pobedili, a o tom, kak na dolgom puti voyevali i cherez poteri prishli k Velikoy Pobede...» [«Conceptually, we should write not about how we won, but about how we fought on a long journey and through losses came to the Great Victory...»] // Omskiy nauchnyy vestnik. Seria Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2021. Vol. 6, no. 4, pp. 55–61. (In Russ.).

УДК 14+93

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АРИСТОВ Ю.С., ГОРИН С.Г. ЛИДЕРЫ КОМСОМОЛА: ОТ ВСПЛЕСКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ СТИХИИ К КРУШЕНИЮ СОЮЗА: СИБИРСКИЕ СОБЫТИЯ, ЛИЦА, ФАКТЫ (Новосибирск: ГАУК НСО НГОНБ, 2019. 221 с.)

Review of: Aristov Yu.S., Gorin S.G. Lyideri komsomola: ot vsplyeska revolyutsionnoy stikhii k krusheniyu soyuza: sibirskiye sobitiya, litsa, fakti [Leaders of the Komsomol: from the outbreak of the revolutionary element to the collapse of the union: Siberian events, faces, facts]. Novosibirsk, GAUK NSO NGONB, 2019. 221 p.

Проблематика функционирования институтов и персонал советской эпохи сохраняет значительную научную актуальность и общественную значимость. Наследие и исторический опыт СССР являются предметом продолжительных и многочисленных дискуссий, имеющих как исторический (ретроспективный), так и практический, инструментальный формат: историками и публицистами, политиками и деятелями культуры все чаще рассматриваются вопросы о том, чем может быть полезно советское прошлое для осмысления проблем и решения текущих задач в различных сферах жизни.

Советский период отечественной истории в региональном, общегосударственном и глобальном масштабах создал целый ряд уникальных, крайне специфических и во многом беспрецедентных элементов социально-политической системы. К ним советологи относят институты государства со спецификой доминирования однопартийной системы, административно-командной или плановой экономики, идеократию на базе марксизма, ряд других институтов и практик [5, 9]. В их числе занимают особое, обретающее всё более высокую актуальность место молодёжной политики советского руководства и институт Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи (ВЛКСМ) как основное средство реализации этой политики.

Значимость «комсомольской» проблематики во многом связана не только с потребностями в использовании исторического опыта для проведения современной молодёжной политики, но и с празднованием в 2018 году 100-летнего юбилея создания ВЛКСМ. В ряде регионов России, включая Новосибирскую область, торжественные мероприятия, посвящённые этой дате, прошли с большим размахом – в частности, увидели свет множество научных и научно-популярных трудов, посвящённых истории комсомола в сибирском измерении. Одной из таких работ стала рассматри-

ваемая книга новосибирских историков Юрия Сергеевича Аристова и Сергея Григорьевича Горина [1].

Оба исследователя много лет изучали проблемы истории сибирских комсомольских организаций, личностных и профессиональных характеристик их лидеров – «вожаков комсомола», а также основных направлений комсомольской деятельности, в том числе причин и обстоятельств кризисных явлений в период «перестройки» и последующего демонтажа структур ВЛКСМ. Исследование сконцентрировано на анализе политических биографий лидеров комсомола в контексте важных событий молодёжной жизни всего периода деятельности ВЛКСМ. Представляется совершенно оправданным и весьма актуальным выбор авторов в пользу антропоцентричного подхода к изучению комсомольской истории. Вопрос о «роли личности в истории», невзирая на его кажущуюся «избитость» и принципиальную «неразрешаемость», остаётся важным – в частности, для понимания динамики советской истории [8, с. 7-22]. Революционные события 1917 года, последовавшая за ними Гражданская война, а также целая система мобилизационных мероприятий XX века (от индустриализации и коллективизации времён «Великого перелома» и событий Великой Отечественной войны до хрущёвского освоения целины, брежневских «ударных комсомольскихстроек» и «перестроечной» политической активизации) требовали не только, выражаясь терминологией известного социального философа Х. Ортега-и-Гассета, «восстания масс» [6], но и выдвижения прослойки лидеров, организаторов массовых движений. Эти лидеры, не имея сколько-нибудь высокого образования или длительного опыта политической деятельности, будучи совершенно юными выдвиженцами из «низов» [1, с. 16, 81], тем не менее, неизбежно должны были обладать чертами, присущими модально-

му типу личности [12] – иными словами, быть «вожаками» для решения поставленных «вождями» масштабных (пусть и в ряде случаев утопических и избыточно затратных) социально-мобилизационных задач [2, с. 6-20]. По этой причине крайне важно изучение биографий этих людей для понимания как их роли в истории, так и влияния исторических событий на возникновение весьма массовой генерации таких людей.

Ю.С. Аристов и С.Г. Горин справедливо отмечают значимость научной и мировоззренческой коммуникации между наследием прошлого и современной молодёжью, значимость исторической преемственности для коллективной идентичности нации [1, с. 5]. Несколько спорным видится тезис авторов о том, что «современная молодёжь получает новые смыслы не из исторического прошлого, а в большей степени через систему глобальных коммуникаций» [1, с. 5-6]. На наш взгляд, современные глобальные коммуникации – лишь инструмент трансляции информации, концептуальных и когнитивно-мировоззренческих установок [7, с. 8-30]. Это подтверждается уже тем, что изучаемая работа была размещена на электронном ресурсе Новосибирской государственной областной научной библиотеки, и значительная часть книги была прочитана автором данной рецензии в электронном виде. В этом смысле авторы внесли свой вклад в донесение научных позиций до молодого поколения.

В Предисловии лаконично и обоснованно поставлены ключевые проблемные вопросы исследования – «разнообразные и неоднозначные явления комсомольско-молодёжной жизни в разные периоды деятельности ВЛКСМ» [1, с. 7]. Авторы вполне аргументированно концентрируют внимание на событиях 1930-х гг. и рубежа 1980-х и 1990-х гг. В первом случае, в результате репрессивных акций «Большого террора» была фактически обезглавлена

верхушка Ленинского комсомола. Во втором – в результате деятельности номенклатурных комсомольских лидеров, во многом их волевыми решениями (учтем, что в условиях социального и политического кризиса в обществе в то время), комсомол прекратил своё существование. Эти периоды не только дискуссионны с точки зрения понимания причин и смыслов событий, но и являются узловыми в истории молодежной политики. Например, современный американский историк М. Дэвид-Фокс обращал внимание на значительную роль как молодежи, так и молодежной политики в динамике и противоречивых итогах советского варианта модернизации [4, с. 237–241].

Авторы обосновывают новизну работы по изучению исторических персоналий, доказывая значимость антропоцентрической модели исследования. Акцент делается на изучении биографий как региональных, так и общегосударственных деятелей комсомола. Этот выбор авторов видится весьма обоснованным: исследуются взаимосвязи общесоюзных и сибирских тенденций молодежной политики. Методологическая позиция авторов тоже выражена в Предисловии: исследование опирается на исторические факты как на основание для установления исторической правды [1, с. 9]. При этом, указываются основные концепции и тенденции изучения истории комсомола и молодежной политики в советской и постсоветской историографии. Отдельно исследователями приведены работы о судьбах комсомольских руководителей раннесоветского периода, ставших жертвами репрессий [1, с. 10]. Вместе с тем, в историографическом обзоре практически не представлены достаточно многочисленные теоретические исследования о молодежной политике СССР, роли молодежи в модернизационной динамике советской эпохи, в идеологической и социально-экономической мобилизации, вероятно, по причине выбора авторов в пользу создания контента, ориентированного на факты, а не теоретического исследования.

Источниковая база работы представлена комплексом материалов, основу которых составляют архивные документы. Поскольку исследование тесно связано с региональной историей – Сибкрай, затем Западно-Сибирский край (ЗСК) и Новосибирская область, используемые архивные материалы относятся к фондам Государственного архива Новосибирской области. Авторы осознают взаимосвязь

содержания архивных фондов с изменениями в административно-территориальном устройстве Западной Сибири в 1930–1940-е гг., и указывают на это в исследовании [1, с. 9]. В то же время, архивные – делопроизводственные и законодательные источники не являются единственными, используемыми авторами. В книге для установления деталей биографий и обстоятельство событий широко используются публицистические материалы и эго-документы: источники личного происхождения, прежде всего, мемуары комсомольских функционеров разных лет – в том числе, материалы масштабного исследования Н.А. Зеньковича, работ других историков и политологов, писателей и журналистов [1, с. 9–11]. Однако критическому обзору исторических исследований и источников разной видовой принадлежности авторы уделяют крайне немного внимания. Впрочем, учитывая цель работы – реконструкцию и фиксацию конкретных фактов без углубления в теоретические аспекты – острой потребности в детальной критике источников и положений научных трудов предшественников авторы не рассматривают.

Структурно исследование разделено на четыре основные главы и заключительный раздел «Вместо послесловия». Выбор глав обусловлен хронологическим, территориальным и институциональным принципами: изучены судьбы комсомольских лидеров общесоюзного и сибирского уровней в 1920–1924, 1924–1930 и 1937–1991 годах. В начальной главе анализируется деятельность и судьбы первых лиц РКСМ–РЛКСМ–ВЛКСМ в 1920–1930-х гг., то есть в эпоху становления, поисков и бурной динамики комсомола в первое двадцатилетие его существования, в конце «отмеченное» известными репрессиями в номенклатурной комсомольской среде, в том числе в сибирском регионе. Лаконично, но емко в этом контексте представлены политические портреты Е. Цетлина и О. Рывкина, Л. Шацкина, Н. Чаплина, А. Мильчакова и А. Косарева [1, с. 13–31]. Все эти лидеры, занимая в разное время ведущие посты в комсомольском руководстве, оказались жертвами террора конца 1930-х гг., при этом выжить удалось лишь Александру Мильчакову, начинавшему комсомольскую карьеру в Сиббюро ЦК РКСМ и прошедшему с 1938 г. в лагерях системы ГУЛаг 16 лет [1, с. 25–29]. Первая глава способствует раскрытию причин террора в отношении комсомольских лидеров через их

Шматов Михаил Юрьевич – ст. преподаватель кафедры теории и истории государства и права Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК)
E-mail: shmatov2009@yandex.ru

Аннотация: Работа представляет собой рецензию на книгу исследователей комсомольско-молодежной проблематики в Сибири Ю.С. Аристов и С.Г. Горина о региональных лидерах комсомола на всём протяжении советской исторической эпохи. Рассмотрены основные положения исследования, его структура, содержание, авторские подходы к проблеме исторических биографий лидеров сибирских комсомольских организаций на разных этапах их исторической динамики. Рассмотрен краткий историографический обзор и проанализирован выбор источниковой базы для исследования, потенциал используемых источников, адекватность их применения для достижения научных и просветительских целей, поставленных авторами.

С использованием системного и сравнительно-исторического методов рассматривается значимость работы среди других аналогичных трудов постсоветского периода, выясняется ее научная новизна и степень важности результатов исследования. Поэтапно проанализировано содержание предисловия, четырех глав основной части, завершающего раздела и приложений, рассмотрены сильные стороны и проблемные элементы каждой из частей проведенной авторами работы. Показана роль архивных, мемуарных и других источников в достижении исследовательских результатов, объяснен выбор подходов авторов к формату работы. Сделан вывод о том, что работа является актуальной и значимой, как по причинам, связанным с повышением общественного интереса к комсомольско-молодежной тематике, в частности в связи с юбилеем ВЛКСМ и сибирского комсомола, так и по значимости выбранного авторами акцента на историческую персоналистику (антропоцентричный подход), а также влияния исторических событий на биографии ключевых региональных комсомольских функционеров. Установлено, что Ю.С. Аристов и С.Г. Горин не только решают задачу создания полномасштабной картины региональной комсомольской истории «в лицах», но и вводят в научный оборот новые ценные сведения о демографическом составе, образовательном уровне и кадровом потенциале комсомольских лидеров Западной Сибири. В работе приведены также новые источники личного происхождения – оценки авторами и ветеранами комсомола причин и обстоятельств демонстрация и самоликвидации этой уникальной молодежной организации прошлого.

Ключевые слова: ВЛКСМ, молодежь, функционеры, лидеры, Западная Сибирь, архивные источники, эго-документы.

Shmatov Mikhail Yu. - Novosibirsk State University of Consumer Cooperation, lecturer

Abstract: The paper is a review of the monograph by the researchers of the Komsomol and youth problems in Siberia - Yu.S. Aristov and S.G. Gorin on the regional leaders of the Komsomol throughout the Soviet historical epoch. The main provisions of the research, its structure, content, author's approaches to the problem of historical biographies of the leaders of Siberian Komsomol organizations at different stages of their historical dynamics are considered. The choice of historiography and the source base for work by researchers, the potential of the sources used, the adequacy of their application to achieve the scientific and educational goals set by the authors are analyzed. Using systemic and comparative-historical methods, the author considers the significance of the monograph among other similar works of the late 2010s. (the period of celebration of the 100th anniversary of the creation of the Komsomol), its scientific novelty and the degree of importance of the results of the work are revealed. The content of the Preface, the four chapters of the main part of the monograph, the final section and appendices to the study are step by step analyzed - the strengths and problematic elements of each of the parts of the work carried out by the authors are considered. The role of archival, memoir and other sources in achieving research results is shown, the choice of the authors' approaches to the format of work is explained. It is concluded that the work is relevant and significant, both for reasons associated with an increase in public interest in the Komsomol theme in view of the anniversary, and for the importance of the emphasis chosen by the authors on the study of the role of individuals in history (anthropocentric approach), the influence of historical events on biographies key regional Komsomol functionaries. It was established that Yu.S. Aristov and S.G. Gorin not only solve the problem of creating a full-scale picture of regional Komsomol history «in faces», complete with previously unpublished facts, but also introduce into scientific circulation valuable information about the demographic composition, educational level and personnel potential of the Komsomol leaders of Western Siberia. In addition, the work presents a corpus of sources of personal origin - assessments of the reasons for the self-destruction of this organization by veterans of the Komsomol.

Keywords: Komsomol, youth, functionaries, biography, personality, Western Siberia, archival sources, ego-documents.

исторические портреты – в «маховик репрессий» попадали активные и опытные выдвиженцы из молодёжи, имевшие, как правило, опыт внутривнутрипартийных политических дискуссий 1920-х гг. и организаторские навыки, приобретённые в мобилизационных событиях рубежа 1920-х–1930-х гг. Авторы сознательно избегают пространных комментариев и выводов по каждой из биографий – упор сделан на фактографическую сторону исследования.

Следующие три главы посвящены истории и лидерам сибирских и западносибирских комсомольских организаций. В них сочетаются повествование о событиях и описание биографических сведений. Вторая глава содержит сведения о работе Сиббюро ЦК РКСМ, первых комсомольских ячеек Сибири и их лидеров. Отдельное внимание авторы уделяют политической коммуникации уровня «центр–регион», рассматривая состав и работу делегации Сибири на III Съезде РКСМ 2–10 октября 1920 г. [1, с. 52]. Таким образом раскрывается дуалистическая сущность комсомола как одного из институтов партийного государства, «помощника партии» - союз молодёжи одновременно был как иерархической (подчинение региональных и локальных организаций Центру через Съезд ВЛКСМ как высший орган управления комсомолом), так и сетевой (множество ячеек, территориально покрывавших все ключевые локации Сибирского макрорегиона) организацией, что было свойственно и партии большевиков, и другим «общественным организациям» советского периода [3, 9]. При этом, авторы продолжают придерживаться биографического подхода, рассматривая ход основных комсомольских конференций в Сибири, деятельность и кризисные явления в комсомольских ячейках 1920-х гг. сквозь призму жизнеописаний основных региональных комсомольских функционеров [1, с. 60–64].

Третья глава работы посвящена истории новой формы Сибирской комсомольской организации, сложившейся по итогам I Сибирской краевой конференции РКСМ 29 июня – 3 июля 1924 г., когда было решено упразднить Сиббюро ЦК РКСМ и создать вместо него Сибирский краевой комитет (Сибкрайком) РКСМ. Анализируется деятельность лидеров комсомола нового поколения – в частности, Н.Ф. Кентмана, А.Я. Курганова и ряда других. По материалам отчетных докладов секретарей Сибкрайкома комсомола и других документов реконструируются масштаб-

ные, дискуссионные, во многом трагические события «Великого перелома» в Сибирской деревне, ход форсированной индустриализации в регионе [1, с. 79–83]. Биографические данные позволяют прийти к интересным выводам об уровне горизонтально-вертикальной социальной мобильности в раннесоветскую эпоху: большинство комсомольских лидеров Сибири были выходцами из других регионов – из Риги (Н.Ф. Кентман), с Донбасса (А.Я. Курганов). Революционные события разбрасывали молодых людей (равно как и многих партийных «вождей») по всей стране, где юные, но рано обретшие жизненный опыт функционеры занимали самые сложные и порой неожиданные посты, добираясь подчас до самых верхних ступеней номенклатурной иерархии.

Далее в главе авторы исследуют политический и личный путь лидеров Западно-Сибирского краевого комитета (Запсибкрайкома) ВЛКСМ в 1930-е гг. – А.И. Голикова, А.Я. Кокорина и Н.Г. Пантюхова. Детально описаны события чисток внутри комсомольской организации, поиска и шельмования «врагов народа», «социально чуждых элементов» и «морально-бытовых разложившихся» в непростой период масштабной социальной инженерии и социальных потрясений. Интересно обращение к морально-психологическому аспекту биографий комсомольских лидеров: зачастую работавшие на износ, они имели склонность к злоупотреблению спиртным и быстрому психологическому истощению, что, в свою очередь, приводило к утрате административно-политического статуса: так своих постов лишились А.И. Голиков и А.Я. Кокорин. Авторы рассматривают эту драматическую динамику как по документам комсомольского делопроизводства, так и по воспоминаниям известного сибирского писателя, а в начале 1930-х гг. комсомольского деятеля Г.М. Маркова [1, с. 91].

Совершенно справедливо указано на роль массовых политических кампаний середины и второй половины 1930-х гг. в судьбе комсомольских (и не только комсомольских) функционеров [1, с. 105–106]. Выборы в Верховный Совет СС-СР 1937 г. и предшествовавшая им кампания по «всенародному обсуждению» проекта новой «сталинской» Конституции 1936 г. стали своего рода экзаменом для партийных, советских и комсомольских деятелей на готовность к действиям в условиях непредсказуемых задач со стороны большевистского руководства СССР. Неумение адекватно объяснить

изменения в «генеральной линии» (например, отмену статуса лишённых избирательных прав или сущность новых выборов) было достаточным поводом для критики (и самокритики) функционеров, не достаточно «бдительных» и «стойких», чтобы занимать высокие посты. Активная имитация демократических процессов была, по мнению многих современных историков, одним из средств сопровождения чистки номенклатуры в 1936–1938 гг. [10, с. 435] Именно в этих условиях Н.Г. Пантюхов критиковал подчинённых, затем сам оказался под прессингом ЦК ВЛКСМ во главе с Александром Косаревым, также ставшим впоследствии жертвой репрессий.

Третья глава масштабна по объёму и насыщена эмпирическими данными об истории не только комсомольских лидеров, но и всей региональной комсомольской организации. В этом отношении авторы сохраняют верность приоритетному анализу событий 1930-х и 1980-х–1990-х гг. (речь о которых идет в следующей, четвертой главе).

Четвертая, завершающая глава хронологически наиболее объёмна: в ней рассматривается значительный промежуток времени с 1937 г. (формирование Новосибирской области путём существенного сокращения территории бывшего ЗСК) по 1991 г. (ликвидация ВЛКСМ и распад СССР). В тезисном виде и вновь сквозь призму биографического подхода в этой главе рассмотрены основные проблемы комсомольской организации: «кадровая чехарда» после репрессий, военная, хозяйственная и идейно-мировоззренческая мобилизация в годы Великой Отечественной войны, вопросы послевоенного восстановления и векторов дальнейшего развития комсомола, поиска новых форм эффективной молодежной политики в период реального социализма. Завершается глава обстоятельным анализом причин провала реформ по модернизации комсомола в масштабах СССР, РСФСР и Новосибирской области в годы «перестройки» [1, с. 175–203].

В некоторой степени чрезмерная лаконичность обзора крайне многочисленных и значимых событий конца 1930-х – первой половины 1980-х гг. может показаться недостатком работы, однако авторы в Предисловии заранее указали ключевые цели и тематико-хронологические акценты исследования. К тому же, несмотря на краткость, основные проблемы, события и персоналии послевоенной комсомольской истории достаточ-

но упомянуты в рассматриваемой главе. Продемонстрированы попытки лидеров Новосибирского комсомола разных поколений отыскать пути повышения результативности работы организации, которые оказались неудачными во многом по причине отсутствия гибкости в иерархичной централизованной системе ВЛКСМ, которая, в свою очередь, была подчинена партийно-государственной системе, тоже оказавшейся в кризисе [1, с. 202–203]. Мобилизационный тип организации ВЛКСМ на всех уровнях резко сужал пространство принятия решений, поэтому, несмотря на целый ряд проектов реформирования комсомола при условии его сохранения, организация оказалась жертвой системного кризиса, охватившего все советские институты. Ю.С. Аристов и С.Г. Горин демонстрируют отсутствие «коридора возможностей» для выхода из кризисного состояния, описывая ключевые мероприятия комсомольской жизни конца 1980-х – начала 1990-х гг. Не делая каких-либо категоричных выводов, исследователи, верные своему принципу, оставляют концептуальные размышления на эту тему читателям.

Крайне ценным является финальный элемент монографии – «Вместо послесловия» [1, с. 204–209]. В нём авторы фактически вводят в научный оборот новые исторические источники личного происхождения – оценочные суждения ветеранов комсомольских организаций разного уровня по поводу исторического значения и причин упразднения комсомола. Приводятся точки зрения видных сибирских учёных-историков, общественных деятелей, которые определённый этап своей жизни посвятили комсомольской работе, где во многом приобрели важный жизненный опыт. Их позиции отличны друг от друга, дискусионны, отчасти весьма эмоциональны и, конечно, субъективны (как и любая точка зрения), но их значимость состоит именно в возможности изучать высказывания как исторический источник на тему социального восприятия истории ВЛКСМ спустя более чем столетия после его создания и почти тридцатилетия после завершения его исторической миссии.

В Приложении представлен список книг, написанных бывшими первыми секретарями комсомольских органов Сибирского, Западно-Сибирского края и Новосибирской области. Каждая из этих книг, безусловно, представляет собой исторический источник [1, с. 210].

Кроме того, приведен перечень должностей в управлении, на государственной и дипломатической службе союзного и республиканского уровней, которые в разные годы занимали бывшие первые секретари областных комитетов ВЛКСМ: А.И. Мильчаков, А.А. Рапохин, Е.К. Лигачёв, В.М. Стриганов, В.М. Соболев, В.И. Коваль, Ю.С. Балабанов и В.С. Кошуков [1, с. 211]. Приложение содержит несколько важных архивных документов комсомольского делопроизводства 1930-х гг. – пика конфликтов и чисток в ВЛКСМ [1, с. 212]. Ю.С. Аристов также провёл масштабное статистическое исследование кадрового состава и управленческого потенциала региональных комсомольских лидеров. В составленном им Приложении 4 приведены данные по демографическим, управленческим, образовательным показателям руководителей комсомола в разные годы. Материалы снабжены инфографикой в виде диаграмм [1, с. 213–221].

Емкое информативное и тематически четкое исследование не занимает большого объема. Изданию снабжено визуальными материалами, в числе которых архивные фотографии из личных дел комсомольских руководителей. Работа написана простым языком и легка в прочтении, что делает её доступной самому широкому кругу читателей, интересующихся историей комсомола, имевших к ВЛКСМ непосредственное отношение или только начинающих знакомство с историей этой организации.

Безусловно, 100-летие ВЛКСМ, а также Новосибирского комсомола, создали информационный повод для большого количества как сугубо научных, так и мемуарных, публицистических, информационных публикаций по комсомольско-молодежной проблематике. Празднования комсомольского юбилея в Новосибирской области имели размах, гораздо более масштабный, чем в других регионах России, что отмечали многие журналисты и ветераны ВЛКСМ [11]. Наряду с другими научными исследованиями работа Ю.С. Аристова и С.Г. Горина представляет собой вклад историков не только в увековечивание памяти о комсомоле и его лидеров, но и в формирование целостной картины советской исторической эпохи. Одним из важнейших элементов «мозаики» этой эпохи был Ленинский комсомол, разделивший героизм, достижения, трагедии и кризисы всей страны и ее политической системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Аристов Ю.С., Горин С.Г. Лидеры комсомола: от всплеска революционной стихии к крушению союза: сибирские события, лица, факты. Новосибирск : ГАУК НСО НГОНБ, 2019. – 221 с.

Арнаутов Н.Б., Красильников С.А., Кузнецов И.С. [и др.] Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х–1930-е гг.). – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 591 с.

Дерябина М.А. Иерархические и сетевые социально-экономические структуры с позиции общей теории организации // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2020. – № 2. – С. 60–70.

Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модернизм, идеология и культура в России и Советском Союзе: пер. с англ.

– М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 464 с.

Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. – М., СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656 с.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: пер. с англ. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 256 с.

Фюрер Ф. Без своего мнения. Как Google, Facebook, Amazon и Apple лишают вас индивидуальности: пер. с англ. – М.: Бомбора, 2020. 296 с.

Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи: пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 424 с.

Хоффман Д. Возвращение масс.

Модерное государство и советский социализм. 1914–1939: пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 424 с.

Шлэгель К. Террор и мечта. Москва 1937: пер. с нем. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 742 с.

100-летие комсомола: история, за которую никогда не будет стыдно // Комсомольская правда. Новосибирск. – 2018. – 17 октября – URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/26895/3940578/> (Дата обращения: 08.08.2020).

Inkeles A., Levinson D.J. National character: the study of modal personality and sociocultural systems // Foundations of cross cultural management. – 2008. – Vol. 2. – P. 40–80.

REFERENCES

Aristov Yu.S., Gorin S.G. Lyideri komsomola: ot vsplyeska revolyutsionnoy stikhii k krusheniyu soyuza: sibirskiyeh sobitiya, litsa, fakti [Leaders of the Komsomol: from the outbreak of the revolutionary element to the collapse of the union: Siberian events, faces, facts]. Novosibirsk, GAUK NSO NGONB, 2019. 221 p.

Arnautov N.B., Krasilnikov S.A., Kuznetsov I.S. [and others] Sotsial'naya mobil'izatsiya v stal'inskom obschestve (konets 1920-h – 1930-e god'i) [Social mobilization in Stalinist society (late 1920s – 1930s)]. Moscow, Politicheskaya entsiklop'ed'iya, 2018. 591 p.

Deryabina M.A. Ierarkhicheskiye i setevyye sotsial'no-ekonomicheskiye strukturi s pozitsiy obscheiy teorii organizatsii [Hierarchical and network socio-economic structures from the perspective of the general theory of organization] // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk - Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020, no. 2, p. 60–70.

David-Fox.M. Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in

Russia and the Soviet Union. University of Pittsburgh Press, 2015 (Russ. ed.: Devid-Fox M. Peres'ekaya granitsi: modernost', id'eolog'iya i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soyuze. Moscow, Novoye l'it'eraturnoye obozren'ye, 2020. 464 p.).

Medushevsky A.N. Pol't'icheskaya istor'iya Russkoy revol'utsii: norm'i, inst'ituti, formi sotsial'noy mobil'izatsii v 20-m v'ek'e [The political history of the Russian revolution: norms, institutions, forms of social mobilization in the 20th century]. M., St. Petersburg, Tsentr guman'itarnikh in'itsiat'iv, 2017. 656 p.

Ortega y Gasset J. Vosstaniye mass [Revolt of Masses]. Moscow, AST Publ., 2016. 256 p. (In Russian).

Foer F. World without Mind: The Existential Threat of Big Tech. Penguin Press, 2017 (Russ. ed.: Foer F. Bez svoeyego mn'en'iya. Kak Google, Amazon, Facebook i Apple l'ishayut vas ind'iv'idual'nost'i. Moscow, Bombora, 2020. 296 p.).

Hellbeck J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalinism. Belknap Press, 2006 (Russ. ed.: Hell'beck Yo. Revol'utsiya ot pervogo litsa: dn'evnik'i stal'inskoy epokhi. Moscow, Novoye l'it'eraturnoye obozren'ye, 2017. 424 p.).

Hoffman D. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939. Ithaca: Cornell Univercity Press, 2011 (Russ. ed.: Khoffman D. Vzraschivan'ye mass: modernoye gosudarstvo i sivetskiy sotsializm. 1914–1939. Moscow, Novoye l'it'eraturnoye obozren'ye, 2018. 424 p.).

Schlogel K. Terror und Traum. Moskau 1937. Carl Hanser Verlag, 2008 (Russ. ed.: Shlegel' K. Terror i Mechta. Moskva 1937. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 742 p.)

100-letiyeh komsomola: istoriya, za kotoruyu nikogda ne bud'et st'idno [The 100th anniversary of the Komsomol: a history that will never be ashamed of]. Komomol'skaya Pravda. Novosibirsk [The Komsomol Truth. Novosibirsk: web-site of the newspaper], 2018, 17 October. Available at: <https://www.nsk.kp.ru/daily/26895/3940578/> (accessed at 08.08.2020). (In Russian).

Inkeles A., Levinson D.J. National character: the study of modal personality and sociocultural systemsю Foundations of cross cultural management. 2008, vol. 2, pp. 40–80.



ВЫСТАВКА «ОКО ГОСУДАРЕВО» В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

27 января 2022 г.
в Государственном архиве
Новосибирской области
открылась выставка «Око государево»,
посвященная 300-летию прокуратуры
России.

Выставка была организована Государственным архивом Новосибирской области и Новосибирской областной прокуратурой. Научным консультантом выставки выступил Юридический факультет Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК).

От имени губернатора Новосибирской области первый заместитель губернатора Юрий Фёдорович Петухов поблагодарил организаторов выставки и выразил уверенность, что прокуратура области и дальше будет достойно выполнять свои обязанности по защите интересов государства и законных интересов граждан.

Заведующий кафедрой уголовного права Сибирского университета потребительской кооперации кандидат юридических наук Сергей Александрович Достовалов (в прошлом работник прокуратуры) рассказал об истории создания прокуратуры в Новосибирской области, отметив как достижения в её работе, так и те проблемы, которые возникали в разные периоды деятельности прокуратуры.

Экскурсию по выставке провёл археограф I категории Государственного архива Новосибирской области Игорь Валерьевич Самарин. Он рассказал о том, что основой выставки стали документы Кольванской палаты уголовного суда, относящиеся к XVIII веку, фондов прокуратуры Новосибирской области, Новосибирского облисполкома и музея прокуратуры Новосибирской области.



В числе материалов, представленных на выставке, – различные дела, которые вела прокуратура в Новосибирске в течение 100 лет. В одном из таких дел рассказывается о том, как корова случайно провалилась в яму с самогонным аппаратом и тем самым помогла прокуратуре поймать злостного самогонщика с полничным.

В открытии выставки приняли участие начальник управления Государственной архивной службы Новосибирской области Константин Владимирович Захаров, директор Государственного архива Новосибирской области Дмитрий Геннадьевич Симонов, заместители прокурора Новосибирской области Павел Борисович Сма-



горинский и Михаил Исраилович Аскеров, декан юридического факультета СибУПК Константин Владимирович Давыдов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Сергей Григорьевич Горин и главный редактор научно-исторического журнала «Сибирский Архив» Владислав Кокоулин.